

Глава 1.

Земля, 2318 год

Когда Анна перебралась через высоченный рубец живой изгороди и, отключив флаер-полоски на сандалиях, села в траву, солнце уже стало золотым, а не испепеляющее белым. До вечера было еще далеко, но здесь, среди прохладной тени пышного кустарника, становилось ясно, что через несколько часов стемнеет. И тогда за Анной придет маршрутный полетный модуль, чтобы забрать ее в лингвистическую академию звездного флота.

Анна откинулась на спину и несколько долгих минут смотрела в небо. Конечно, отсюда не было видно гигантскую космическую станцию, что плывет в космосе, лениво дрейфуя от одной планеты к другой, но Анна знала, что академия именно там.

Она сдала все экзамены на «отлично». Пять лет учебы — и какой-нибудь исследовательский крейсер примет на борт нового корабельного переводчика.

Запах темно-красных плетистых роз усилился, словно кто-то перевел рычажок аромата на максимум. Но Анна знала, что никто не колдовал над пультом управления этим полудиким садом. Вскочив, она приняла боевую стойку: сжатые кулаки выставлены вперед, ноги согнуты — ну, подходи, коварный враг!

— Эй, Лаверн! — прокричала она. — Выходи! Я знаю, что ты тут!

Раздался негромкий мелодичный смех, и гроздь роз раздвинулись, выпуская молодого человека. Высокий, изящный, одетый в простую рубашку и узкие брюки, он выглядел, словно модель с экрана визора.

Как же Анна его ненавидела!

— Что тебе нужно? — сухо спросила она, придавая лицу такое выражение, от которого ее давний враг должен был удрать неведомо куда. Но Лаверн со своей обычной грацией танцора и фехтовальщика преодолел небольшое расстояние между Анной и кустарником — девушка ткнула кулачком в направлении мерзавца, но вполне предсказуемо поразила лишь пустоту.

— Что тебе... — начала было она, но Лаверн тотчас же заключил ее в объятия ленивым непринужденным движением, и через пару секунд Анна уже кружилась в вальсе по лужайке.

— А что мне? — Лаверн одарил девушку очаровательной улыбкой. — А мне нравится тебя мучить.

С этими словами он крепко прижал Анну к себе и поцеловал ее в губы. Девушка замычала, стукнула его по плечу, но Лаверн, похоже, не заметил этого.

— Зараза! — воскликнула Анна, когда Лаверн оторвался от нее. Тот засмеялся и произнес:

— Да брось ты! Неужели тебе не нравится?

— Ненавижу! — прокричала Анна, отлично понимая, что ее крика не услышат.

— Даже сейчас? — Лаверн осторожно взял ее лицо в ладони и быстро поцеловал в висок, переносицу и кончик носа. Анна презрительно фыркнула, дернулась, пытаясь освободиться.

— Ненавижу фейери, — мрачно сказала она. Лаверн усмехнулся и произнес:

— Я последний фейери. И я не виноват, что ты решила разбить сад на моих холмах, срубила мою ольху и насадила эти ужасные розы. Как тебя не наказывать, несносная девчонка?

На шестнадцать лет отец подарил Анне большой участок земли — девушка любила возиться с цветами и деревьями и, получив такой роскошный подарок, буквально прыгала от счастья. Кто бы мог подумать, что заброшенная земля обитаема, принадлежит существу, называющему себя последним королем фейери, и это существо очень сильно разгневано тем, что Анна принялась хозяйничать в его владениях. Обустроенный новейшими программами сад одичал почти мгновенно, Лаверн пакостил Анне изо всех сил своей обидчивой души, а затем решил, что мелкими гадостями не обойдется, и их отношения постепенно превратились в такую вот нарочитую войну.

Сперва Анна хотела рассказать отцу, что на подаренных землях обитает существо из пятого

измерения, но потом подумала и не стала. Лаверн ей... она долго не могла подобрать нужного слова, а потом еще дольше не могла примириться с правдой — но Лаверн ей нравился, и нравились его остроты и ядовитые уколы. Это пришло не сразу, и Анна до сих пор предпочитала прятать правду под слоем неприязни. Ведь не признаешься, что фейери — единственное живое существо, которое тобой интересуется.

Мать умерла, когда Анне было полтора года. Отец был постоянно занят в дипкорпусе, а со школьными подругами Анна обсуждала модные коллекции и молодых смазливых актеров, не больше. Лаверн задавал Анне вопросы о ней самой, и это было необычно и притягательно.

Иногда Анна думала, что фейери относится к ней, как к кошке, прибившейся к его дому. Обнимает, гладит, ласкает и таскает за хвост, если захочет. Конечно, Лаверн раздражал ее — но сейчас Анна вдруг подумала, что ей будет не хватать этого невыносимого типа.

— Наказывать? Меня? Это моя земля, вообще-то... — сказала она, но ее голос прозвучал не слишком убедительно.

Лаверн завел глаза к небу.

— Твоя земля? Невозможная девчонка! Вот тебе!

Фейери хлопнул в ладоши, и розовые кусты пришли в движение, зашевелились, выбрасывая новые и новые плети гибких стеблей. Несколько мгновений — и Анна была заключена в клетку из розового куста, а Лаверн довольно захохотал.

— Ну вот! Выберись, попробуй! «Моя земля»... Дивный народ жил здесь, когда твои предки еще скакали по деревьям.

Анна села на траву и, обхватив руками колени, уставилась на фейери — его невероятно забавляла вся ситуация с пленением девушки. В другой день Анна уже кричала бы от злости, но сейчас все это почему-то показалось ей милым. Милым и трогательным. Сегодня она улетаet, и детство с юностью останутся далеко позади.

Во взрослой жизни не бывает фейери. Вот и хорошо.

— А ты их видел? Моих предков?

— Видел, — кивнул Лаверн, привалившись к живым розовым прутьям. — Волосатые лохматые обезьяны. Они мне не мешали. Было даже весело.

— Я уезжаю, — сказала Анна и вдруг добавила с такой грустью, которой сама от себя не ожидала: — Тебе больше никто не будет мешать. Прости, что срубила твою ольху.

Лаверн обернулся и некоторое время пристально смотрел на Анну, словно пытался понять, шутит ли она или же говорит серьезно.

— Куда это ты собралась, девчонка? — сварливо осведомился он. Плети роз скользнули в стороны, пропуская фейери в клетку. — Кто тебя отпустит?

— Еду учиться на переводчика. В лингвистическую академию звездного флота. Огромная космическая станция, которая дрейфует по всей Солнечной системе. Так что ты заживешь спокойно.

Лаверн усмехнулся и, сев в траву, крепко обнял Анну. Она вдруг поняла, что фейери очень худой и сильный, и от его тела веет жаром и запахом сухих трав. Раньше она не замечала этого, а теперь вдруг поняла.

— Невыносимое создание, — мягко сказал Лаверн и вновь поцеловал Анну в щеку. — Говорю же тебе: кто тебя отпустит? Пришла, расковыряла мои исконные земли, а теперь собираешься смыться на другую планету?

— Собираюсь, — кивнула Анна. — Буду переводчиком.

— Какие глупости, — фыркнул фейери. — Никуда ты не поедешь без меня. Во сколько вылет?

Анна толкнула Лаверна и вскочила. Неужели он действительно собирается лететь с ней?

— Собираюсь, — ответил фейери на незаданный вопрос. — Ты же меня любишь всей душой, зачашнешь без меня и умрешь. И выкинут тебя в космос, вот так — ффу!

Лаверн дунул на ладонь, и Анна почувствовала, что на голову опустился венок из осенних роз.

— Не смей! — воскликнула она и хлопнула по щиколотке, активируя флаер-полоски. Сейчас они вынесут ее из клетки, надо только глаза закрыть, чтоб не выстегало. — Не смей, зараза!

Лаверн рассмеялся и снова дунул на ладонь. Цветочная клетка опала на землю, и Анна вылетела на свободу.

— До скорой встречи, чудовище! — услышала она насмешливый голос фейери. — Увидимся!

Марс, Новый Ленинград, 2318 год

Когда из гостиной донеслись восторженные вопли и топот, то Лиза недовольно посмотрела на часы: надо же, первый гол забили всего через полчаса. Она не успела позлорадствовать по поводу футболистов, у которых ноги растут не с той стороны — отец и дядька заорали хором:

— Лизка! Пива принеси!

Она сунулась в большую холодильную камеру, вынула упаковку из дюжины бутылок и, подумав, добавила ледяные ломтики лосося. Когда шел чемпионат системы по футболу, то отец и дядька становились натуральными психами — пили пиво, горланили кричалки и забывали о хозяйстве и делах, интересуясь только «Ленинградским темным» и чем его закусить.

Пива было в достатке. Закусок — тоже.

— В небе звездочка горит — это наш родной «Зенит»! — летел из гостиной согласный рев двух глоток. — Если ты «Зениту» рад — значит, ты мне друг и брат!

Хозяйством занималась Лиза — не только во время чемпионата, всегда. Она кормила худосочных коров, засыпала корм свиньям, убирала за животными грязь и возилась в огороде. Работы хватало. Те фермеры, которые побогаче, покупали роботов и лишь нажимали на кнопки, сидя дома, но отец считал, что это блажь. Зачем тратить деньги, когда есть дочь?

В один прекрасный день мать плюнула на все и уехала в Новый Амстердам. Теперь к рассуждениям о том, что место бабы на кухне, добавились и разговоры о том, что все бабы шлюхи. То, что мать не раз и не два получала тумачи и затрецины — просто потому, что «бесила своим постным видом» — к делу не относилось.

— Вот, — хмуро сказала Лиза, внося в гостиную пиво и рыбу. Хотела добавить что-то по поводу клятых алкашей, но не стала.

Сейчас надо было выглядеть тихой и послушной, чтоб ничто не помешало выполнению ее плана.

— Свиньям корма задала? — осведомился отец, даже не глядя в сторону Лизы. Его сейчас интересовали бело-голубые фигурки на поле. Сегодня «Зенит-Нова» играл со своим вечным соперником, клубом «Тринада» с Ганимеда.

— Задала, — негромко ответила Лиза, и отец тотчас же заорал: — Да куда ж ты пасуешь-то?!

— Понакупили уродов, — поддакнул дядька. Разговоры о том, что за «Зенит-Нову» играет слишком много покупных легионеров из системы Жука, были в доме Аварцевых в порядке вещей.

— У Карапетянов корова отелилась, — подала голос Лиза. — Я схожу посмотрю.

— Ага, валяй, — ответил отец, не отрываясь от экрана.

Лиза бесшумно выскользнула из гостиной и, вернувшись на кухню, позволила себе вздохнуть с облегчением. Все шло по плану. Сейчас она возьмет сумку, в которую уже уложены документы и деньги, и выйдет из дому.

Верная подруга Лелька уже ждет. Лиза носила к ней свои вещи в течение трех недель. По одной, по две, чтоб никто не заметил. Сертификат о сдаче экзаменов тоже хранился у Лельки. Если б отец его увидел — прибил бы. Он считал, что место бабы — на кухне и на ферме, а никак не в академии.

Лиза сдавала экзамены, притворяясь, что ездит в город на ветеринарные курсы. Это отец

одобрил: раз уж баба занимается хозяйством, то пусть везет его, как надо. Лелька нарисовала в планшете поддельный сертификат, и отец остался доволен. Подделки он, разумеется, не заподозрил...

Из гостиной вновь послышались вопли, на этот раз разочарованные. «Тринада» забила гол.

— И хрен с вами, — прошептала Лиза и, перебросив сумку через плечо, выбежала из дома. Несколько минут через двор и участок — и ферма осталась позади. Лиза обернулась и окинула прощальным взглядом низенький дом с антеннами на крыше, хозяйственные постройки и деревья в саду — нет, она точно не будет скучать по всему этому.

Лелька, умница, уже все приготовила. Ее родители придерживались другого мнения по поводу обучения девочек, так что Лелька спокойно сдала экзамены и поступила в Новоленинградский политехнический. Она упаковала вещи Лизы в глубоководную сумку — с виду маленький клатч, который вмещал в себя больше центнера — протянула ее подруге и сказала:

— Пиши, ладно?

Лиза кивнула и вдруг шмыгнула носом. Вот с Лелькой ей не хотелось прощаться. Подруга предлагала поступать вместе, но Лиза понимала, что в политехническом отец ее обязательно достанет. Достанет и вернет на ферму, к коровам и свиньям. А гигантская космическая станция, на которой расположена академия, улетит к Ганимеду, забрав студентов.

И ничего больше не будет. Ни пространных рассуждений о том, что все бабы дуры и шлюхи, что дальше кухни им выходить не положено, а голова нужна только затем, чтоб воду не пить из ведра, когда полы моешь...

Не будет. Лиза станет человеком, а не вещью.

— Напишу, — ответила Лиза. — Лелька, спасибо тебе. И ты это... не забывай меня.

Лелька расплакалась и крепко обняла подругу. Так они и стояли на подъездной дорожке, пока откуда-то сзади не донеслось чириканье маршрутного полетного модуля.

— Мать же вашу перемать... — с чувством вымолвил Аберфорт Браун, декан факультета лингвистики и перевода. — Да провалиться бы этому всему, уволюсь и уеду.

Андрей Петрович Филин, заместитель декана Брауна, понимающе покачал головой. Ему тоже хотелось послать все к известной матери, забрать документы и зарплату и улететь куда-нибудь на Клостонский рай, лежать на пляже и тискать податливых туземок.

— Невозможно работать, — произнес он. — Невозможно.

— Чем они думают? — Аберфорт говорил вроде бы спокойно, но Филин прекрасно знал: когда у декана начинают краснеть кончики второй пары ушей, жди беды. Декан Браун был родом из лунных аксолотлей — в принципе, они были спокойными и флегматичными, но стоило им разогнаться, и с чистой совестью можно было выносить святых.

— Задницей, вестимо, — буркнул Филин. Декан и заместитель были давними друзьями и в приватном разговоре могли позволить себе называть вещи своими именами.

— Послезавтра начало занятий. Сегодня мы собираем студентов и отправляемся на первую базу. И нам нужен полный комплект преподавателей, — произнес Аберфорт, загибая коротенькие пальцы на пухлых лапках, покрытых розовым пухом. — И у нас нет псионика! Потому что Эвга положила заявление и была такова. И где я сейчас его возьму? Пресвятые яйца, где!

— Не кипятись, — начал Филин. — Министерство возложило подбор сотрудников на нас — ну и давай перенесем эту должность на андроидов! Делать-то все равно нечего, через три часа отправка.

Отсюда, с наблюдательного балкона над холлом, были видны первокурсники, которые входили через шлюзы прибытия, испуганно озирались и постепенно сбивались в кучки, находя приятелей. Все как обычно. Филин прищурился: надо же, парочка драков. Разрешили-таки рептилии обучаться своим детям.

— Пфф! На андроидов! — фыркнул Аберфорт. — Ты еще предложи роботов-уборщиков! Ну а что? Пол помогут, заодно и нервы первокурсникам протрут, делов-то... — аксолотль вздохнул и сказал: — Андрюха, ты не представляешь, как меня все это бесит.

— Представляю, — понимающе кивнул Филин и, всмотревшись в очередную партию прибывших, сказал: — Посмотри-ка вон на того, длинного. Это кто?

Аберфорт некоторое время всматривался в изящного молодого человека в черном, а затем произнес:

— Да бог его маму ведаёт... Не студент, это точно.

Человек в черном сориентировался почти сразу: скользнув взглядом по холлу, он увидел прозрачную пулю лифта и через несколько мгновений уже стоял на балконе. Филин и Аберфорт посмотрели на него с одинаковым недоумевающим выражением, и пришелец поспешил отдать им поклон и немедленно представился:

— Декан Браун, заместитель Филин — меня зовут Лаверн Фро. Эвга сообщила в министерстве о том, что увольняется, и если вы еще не наняли специалиста по псионике, то я готов приступить к выполнению своих обязанностей.

Филин и Аберфорт подумали примерно одно и то же, конечно, с разницей менталитетов: «Слава богу!» и «Пресвятые яйца, неужели!». Аберфорт протянул Лаверну Фро правую лапку и, обменявшись рукопожатием, произнес:

— Очень, очень рад. Позвольте документы?

— Разумеется! — Лаверн одарил декана белозубой улыбкой и извлек из своего щегольского портфельчика тонкую пластинку. Аксолотль дотронулся до нее, и на пластинке появился текст.

Филин понял, что в академию прибыла важная особа: кончики ушей Аберфорта дрогнули. Покосившись на пластинку, Филин увидел степени и дипломы таких университетов, что и сам ощутил невольный трепет.

— О, прекрасно! — вернув документы Лаверну, Аберфорт указал в сторону коридора и объяснил: — Пятый этаж, налево от лифта — преподавательские каюты. Эвга занимала шестую и восьмую, так что можете обустраиваться там.

— С удовольствием! — Лаверн вновь ослепительно улыбнулся и пошел к лифту. Двигался он легко и плавно, словно танцевал под одному ему слышимую мелодию.

Почему-то Филину показалось, что в воздухе повеяло тонким запахом осенних цветов, который зовет к холмам с седеющей травой. Холмы прячут свои тайны, но до наступления холодов и первых заморозков на них можно танцевать, не опасаясь, что мертвые обитатели темных земель схватят за ногу...

Филин помотал головой, и наваждение исчезло.

— Слава мать небесная, — с чувством произнес Аберфорт. — Повезло, Андрюха.

После того, как последний маршрутный модуль высадил завершающую группу студентов, в холле появились старшекурсники с зелеными маячками на рукавах. Эти ребята всем своим видом показывали превосходство над первачем, и Анне это не понравилось. Загорелая девушка, сидевшая рядом, тоже скорчила гримаску.

— Первокурсники, внимание! — высокий светловолосый юноша с маячком поднял руку, привлекая к себе взгляды вновь прибывших. — Сейчас на ваших посадочных талонах появятся номера комнат и палуб. Меня зовут Сергей, я староста палубы номер два. Проверьте номера и подойдите ко мне.

В холле стало шумно — первокурсники сверяли номера. Кто-то радовался тому, что оказался в одном блоке с новым товарищем, кто-то, напротив, огорчился. Увидев цифры 2 и 9, вспыхнувшие на посадочном талоне, Анна взяла сумку и подошла к Сергею. Загорелая сжала талон в кулаке и потянулась за ней. Девушка не слишком-то нравилась Анне. Простецкое круглое лицо, выцветшие на солнце волосы, грубая кожа рук — наверняка, селянка, которая всю жизнь крутила хвосты коровам. Что она, интересно, забыла в академии?

У селянки, между прочим, был очень дорогой глубоководный клатч. Должно быть, всю свою ферму сюда привезла.

Группа, которая собралась возле Сергея, получилась очень разномастой. Здесь были и земляне, и бледнокожие ребята со спутников Юпитера, и даже двое рептилоидов, которые

нервно озирались по сторонам, не выпуская из когтистых лап какие-то амулеты. Дождавшись, когда одна из собранных групп отошла к лифтам, Сергей окинул взглядом своих подопечных и сказал:

— Итак, как я уже говорил. Меня зовут Сергей, я староста вашей палубы. Все проблемы, которые будут появляться, вам предстоит решить вначале со мной, а уже потом с куратором. Сейчас мы все пойдем заселяться, через час станция отправится в полет. Занятия по традиции начнутся завтра, первого сентября. Утром я вас соберу в главном зале палубы, и мы пойдем на торжественное собрание. Вопросы?

Пока вопросов не было. Сергей кивнул и повел свою группу к лифтам.

К неудовольствию Анны ее и загорелую блондинку распределили в один блок. После того, как за ними с легким шипением закрылись двери, блондинка негромко, но твердо сказала:

— Меня зовут Лиза. И я не люблю, когда на меня так таращатся.

Анна сразу же стушеввалась. Она испытывала неприязнь и страх к тем, кто сразу же шел в атаку. В семье потомственных дипломатов было принято обставляя все свои действия самыми деликатными фразами.

— Я не таращусь... — промолвила Анна. — Даже не думала.

Блондинка бросила свой клатч на одну из кроватей, села и принялась доставать свои пожитки, прямо скажем, скудные. Кружка из необожженного стекла, фотография в деревянной рамке — какая-то круглолицая женщина с ребенком — и сверток, который оказался широкой пижамой в крупную красную клетку.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась Лиза.

— Анна, — негромко откликнулась Анна и опустилась на соседнюю кровать. И что, вот с этой деревенщиной придется делить одну комнату, вместе делать уроки, возможно, сидеть на занятиях за одним столом?

Анна растерялась.

— Kiih'ammah'ascheree vit'hoo aven'h'vee, — вдруг произнесла Лиза на драко-лингве без малейших следов акцента. «Не такая уж я деревенщина», — автоматически перевела Анна и сказала:

— Откуда ты знаешь драко-лингву? Ну... настолько хорошо?

Лиза улыбнулась краем рта и принялась расстегивать рубашку. Рубашка выглядела так, словно в ней работали в поле. Причем несколько часов назад.

— Выучила, — сказала она. — Сама, в Сети есть ролики. И я не деревенщина.

— Я так не думаю.

— А тогда и нечего нос воротить.

— Да не ворочу я нос! — обиженно воскликнула Анна. Как сказал бы отец, это был ее первый социальный конфликт из-за классового неравенства, и Анна в нем проигрывала.

Лиза скептически посмотрела на соседку, потом стянула рубашку и нырнула в пижамную кофту. Девушка была стройной, но за этой стройностью была сила, а не хрупкое изящество, как у Анны.

— У нас, я так понимаю, сегодня занятий нет? — спросила Лиза, решив перевести разговор в другую плоскость. Анна отрицательно покачала головой.

— Тогда чего тут киснуть? — улыбнулась Лиза и предложила: — Пошли знакомиться с братьями по разуму.

Конечно, вот так сразу они никуда не пошли. Колючка — Лиза наделила Анну именно таким прозвищем — предложила сначала распаковать вещи и привести себя в порядок после полета, и Лиза признала ее правоту. Она не видела никакой обиды в том, чтобы согласиться с тем, кто мыслит в верном направлении — даже если этот кто-то не слишком приятен.

В конце концов, она прилетела сюда, в чем была. От одежды до сих пор пахло фермой, и вряд ли Лиза сумеет быстро найти друзей в таком виде.

Их блок выглядел очень современно и очень просто. Две кровати, застеленные белыми покрывалами, большой стол, книжный шкаф, в котором уже стояли учебники и тетради, да серебристый блок питания, если будет лень идти в столовую — вот и вся обстановка. Нажатие на приборную панель открывало дверь в санузел; после того, как вещи заняли свое место в стенной нише, Лиза отправилась в душ.

«Может, Колючка и не такая плохая, как показалась сначала, — думала Лиза, старательно натирая себя мочалкой. — Как там древние говорят, худой мир лучше доброй ссоры?»

Она подумала, что отец наверняка уже обнаружил ее исчезновение и поставил на уши весь поселок. Конечно, он в ярости: сбежала ценная работница. Отец не горел желанием самостоятельно убирать за собой и ухаживать за животными и огородом. Со временем, конечно, выяснится, что Лиза улетела учиться — да что там выяснять-то, полиция просто снимет данные с камер наблюдения — но ее уже не достанут.

Это радовало. Ради свободы можно потерпеть и постную физиономию Колючки.

Когда Лиза вышла из душа, то обнаружила, что в их блоке появился гость. Высокий, стройный, наполненный каким-то звонким очарованием, этот молодой мужчина был явно из тех, кого отец и дядька Лизы именовали очень четко и очень матерно, имея в виду склонность к однополю любви. Но Лизу удивил не сам гость, а Колючка. Растерянная, утратившая весь свой благородный гонор, девушка сидела на кровати и смотрела на красавчика так, словно он только что зарезал всю ее семью.

— О, это твоя новая подруга? — гость ослепительно улыбнулся, плавным шагом приблизился к Лизе и, осторожно поддев ее подбородок тонкими прохладными пальцами, заглянул ей в лицо. — Такая же несносная девчонка?

От гостя пахло ягодами. Замерзшими ягодами красноречника, покрытыми инеем — сорви ее с ветки, брось в рот и разгрызи: она брызнет ледяным соком, напоминанием о лете и признанием царства зимы.

Когда-то мама учила Лизу правильно выбирать красноречник. Если на боку темное пятнышко — бери. Ягода спелая.

На прикосновение Лиза отреагировала молниеносно. Деревенские парни, пытавшиеся зажать ее в углу, быстро раскисали в содеянном и уходили бочком, лелея вывихнутые руки. Несколько быстрых движений — и гость уже летит в стену, прижимая к груди правую руку и бормоча забористые ругательства на незнакомом языке.

— Грабки-то прибери, — посоветовала Лиза, едва успев подхватить падающее полотенце. Не хватало еще сиськами сверкать для нахала.

— Несносная... девчонка, — повторил незнакомец, и его глаза гневно сверкнули. Почему-то Лизе представилось жаркое лето, иссиня-черная туча, подсвеченная солнцем, и молния, бьющая в вершину холма. Выпрямившись, гость посмотрел на Анну и произнес: — Приятного вечера, еще увидимся.

Колючка ничего не ответила.

Когда он, по-прежнему сдавленно ругаясь сквозь зубы, вышел из блока, то Колючка упала на кровать и расплакалась. Это было совершенно неожиданно и выглядело ну очень неправильно. Лиза быстро затянула полотенце потуже, села рядом с плачущей соседкой и заботливо погладила ее по плечу.

— Ну все, все. Ушел он. Чего хотел-то?

— Это Лаверн, — всхлинула Анна. — Я думала, он остался на Земле. А он... тут. Он теперь наш псионик.

— Елки-палки... — растерянно выдохнула Лиза. Недурно так учеба начинается, с вывихнутой руки преподавателя. — Кажется, я крепко влипла, да?

— Мы все влипли... — промолвила Анна. — Он ведь фейери.

— Кто? — изумленно переспросила Лиза. Она, конечно, читала сказки о земных хозяевах

лесов и вод, но на то они и сказки, чтоб в них не верить и забывать, закрыв книгу. — Фейери? Это же сказочный персонаж!

— Не совсем, — Анна шмыгнула носом, провела ладонями по лицу, стирая слезы, и села на кровати. — Фейери это существа из пятого измерения. Вполне себе реальные. Мне отец землю подарил под сад, а оказалось, что Лаверн там живет. Что это его земля.

Лиза не сдержала усмешки.

— И что, он занервничал? — предположила она.

— Еще как, — вздохнула Анна. — Мне кажется, он меня воспринимает, как домашнего питомца. Я не верила, что он доберется сюда.

Лиза покачала головой. Чудные дела творятся!

— Похоже, вы любите друг друга, — уверенно сказала она. В таких вещах Лиза никогда не ошибалась — да тут никто бы не ошибся. Когда люди смотрят друг на друга так, как смотрели эти двое, то ясно, что тут замешаны высокие отношения.

— Что? — гневно вскинулась Анна. — Любим? Как ты могла такое подумать!

Лиза жестом миротворца выставила руки вперед и ответила:

— Да ладно, не кипятись ты. Подумаешь, смотрите друг на друга, как кот на сало.

В следующий миг в Лизу уже летела подушка, и девушка снова удостоверилась в своей правоте.

Главный зал палубы был заполнен народом. Первокурсники выделялись среди остальных нарочито бодрым видом, за которым они пытались скрыть смущение. Ребята со второго и третьего курсов держались важно, к «малышне» относились снисходительно и всячески подчеркивали то, что уже успели повидать разные виды. Четвертый и пятый курс проходили практику в Федерации каолингов и должны были приехать в академию только через три месяца, в начале универсальной зимы.

Анна и Лиза взяли по бокалу безалкогольного грога в импровизированном баре, и Лиза, сделав пару глотков, заметила:

— Вон наш староста. Пойдем, познакомимся поближе?

Анна согласно качнула головой. Будучи достаточно робкой по натуре, она никогда не подошла бы к парню просто так — компания обычно придавала ей смелости. Вот и теперь она шагнула за Лизой к старосте: бойкая селянка одарила молодого человека самой очаровательной улыбкой и непринужденно сказала:

— Привет, я Лиза, это Анна. Мы твои новые подопечные.

— Привет, девочки, — Сергей дружески приобнял девушек за плечи и поинтересовался: — Ты с Марса, да?

— Так точно, — бодро отсалютовала Лиза. Проходящий рептилоид посмотрел на нее со странной смесью похоти и страха. Наверно, думал, что с ней сделать: съесть или утащить в койку.

— А ты? — Сергей обернулся к Анне. — Землянка, да?

— Землянка, — улыбнулась Анна. — А что, такая бледная кожа?

— Я бы сказал, аристократически бледная, — подмигнул ей Сергей и, вынув из кармана плоскую флягу, уронил несколько капель коньяка в грог Анны. — Добавим ей румянца?

Анна почти беспомощно посмотрела в сторону Лизы — та поймала ее жалобный взгляд и утвердительно кивнула. Вздохнув, Анна поднесла бокал к губам и обнаружила, что вкус грога совсем не изменился.

— А старостам положено спаивать первокурсников? — поинтересовалась она, всеми силами делая вид, что шутит. Сергей снова улыбнулся и ответил:

— Это не просто три капли коньяка, дорогая землянка. Это...

Он так и не договорил: Лиза ойкнула и скрылась за спиной старосты, негромко вскрикнув:

— Ох, спрячьте меня!

Анна посмотрела в сторону дверей и тоже захотела спрятаться куда-нибудь: в главный зал палубы вошел Лаверн. Он уже успел сменить черный костюм на щегольской пиджак цвета фуксии, белоснежную рубашку и такие же белые брюки, и Анна услышала, как кто-то из девушек издал томный вздох. Сергей обернулся к Лизе и поинтересовался:

— А что случилось-то?

— Да так... — отмахнулась Лиза, — я ему чуть руку не вывихнула.

Сергей так и ахнул.

— Ты? Преподавателю?

— Я, — мрачно ответила Лиза. — Преподавателю. Ай!

Лаверн, который вроде бы только что улыбался очаровательной рыжеволосой барышне возле входа, неожиданно возник за спиной Лизы и взял ее под руку. Девушка вздрогнула, попробовала вырваться, но почти сразу же поняла бесполезность попытки. Сергей тотчас же принял важный и строгий вид.

— Добрый вечер, господин Фро, — важно сказал староста. Лаверн бросил на него заинтересованный взгляд, и Анна почувствовала, что в воздухе отчетливо запахло малиной. Переспевшей малиной в самой глубине зарослей.

— Добрый вечер, — очень официально откликнулся фейери. — Как знакомство с вновь прибывшими? Спиртное на борт не пронесли?

Лицо Сергея дрогнуло, словно он боролся с желанием выпрямиться во фронт.

— Нет, не пронесли, — ответил он. — Я все проверил лично.

Лаверн одобрительно похлопал его по плечу.

— Замечательно, просто замечательно, — улыбка фейери стала настолько милой и дружелюбной, что Анне захотелось убежать, куда подальше.

На ее счастье в этот миг кто-то включил музыку, и Анна, неожиданно для самой себя, схватила Сергея за руку и повела танцевать. Молодой человек не отказался — видимо, ему тоже не хотелось оставаться в компании нового преподавателя.

Лиза тяжело вздохнула и обернулась к Лаверну.

— Может, все-таки выпустите меня? — устало поинтересовалась она.

— Ни за что, — фейери непринужденно заключил Лизу в объятия, и вскоре они уже кружились в танце. — Сперва расскажи, девчонка, почему от тебя так пахнет.

Лиза не умела танцевать — на ферме не до плясок, надо делами заниматься, а не хвостом вертеть — но сейчас она плыла по залу с легкостью лепестка, подхваченного ветром. Собственное тело ей больше не принадлежало: Лиза чувствовала себя невесомой и свободной. Студенты расступились, освободив место для их пары, из акустических панелей лилась невероятно красивая музыка, и на какой-то миг Лизе сделалось страшно.

Она больше не принадлежала себе. Это напугало ее чуть ли не до обморока.

— Ничем от меня не пахнет, — прошептала она, пытаясь поставить наглеца на место и понимая, что этого не произойдет. Фейери рассмеялся ей на ухо.

— Пахнет низким далеким солнцем, — сказал он. — Травой, которую вытоптал скот. Мелкими цветами в палисаде. Что это за место, девчонка?

— Марс, — ответила Лиза, и в это время музыка оборвалась, а вместе с ней пропало и наваждение. А фейери усмехнулся и сказал:

— Не Марс. Земля. На три века назад.

Лиза побледнела и отшатнулась от него, но фейери по-прежнему держал ее в объятиях. А люди на палубе застыли, словно время замерло.

— Откуда вы знаете? — растерянно выдохнула Лиза.

— Я вижу, — ответил Лаверн. — Я здесь, я везде, я всегда. Далек же ты от дома, попаданка.

Глава 2

— А ты всегда на Земле жила?

Анна подумала, что ей приятно внимание и интерес этого красивого парня, и то, насколько свободно Сергей этот интерес выражал. Нравится девушка — так скажи ей об этом.

— Да, — кивнула она. — В первый раз куда-то полетела именно сейчас. А ты?

Сергей отпил еще грога. Здесь, возле гигантского панорамного окна, Анне казалось, что они смотрят фильм. Земля была крошечной точкой, и золотой жук Солнца царапал лапками тьму космоса.

— А я где только ни бывал, — весело ответил парень. — Отец военный, мы по всей галактике покатались. На Юпитере жил три года, в системе Акведин — год.

— Акведин! — воскликнула Анна. Она читала об этой двойной звезде на другом краю Вселенной, там было невероятно красиво, но отец категорически запретил ей туда лететь на каникулы.

— Он самый, — сказал Сергей и припечатал: — Скука смертная. Слушай, а правда, что на Земле все такое... пуританское?

— Пуританское? — удивилась Анна. — Почему ты так думаешь?

— Ну как... Вот ты чуть не шарахнулась от коньяка. Скромная такая. Но сразу видно, что обеспеченная, — Сергей вдруг махнул рукой и рассмеялся: — Ладно, не обращай внимания. Что-то я так, не в ту степь зашел.

Анна вдруг подумала, что он прав. В книгах о прошлых временах она читала, что детям из высшего общества полагалось вести себя как оторвам. Но Анна и представить не могла, что способна, например, сесть за руль фляера без прав и погнать по встречке, чтоб отец потом откупал ее от полиции.

Что уж говорить о выпивке и наркотиках! «Вы золотая молодежь, — всегда говорил отец, — вы лицо своей страны, на вас смотрит весь обитаемый космос. Вы должны быть образцом ума, поведения и хороших манер».

Анна и ее немногочисленные подруги были именно такими.

— У нас так не принято, — ответила она. — Низший класс.

— Типа соседки твоей? — поинтересовался Сергей и указал в центр палубы. Анна увидела, что Лиза танцует вальс с Лаверном, и испытала одновременно облегчение — фейери наконец-то оставит ее в покое! — и укол чувства, очень похожего на ревность. На миг ей стало очень одиноко. Анна будто бы лишилась чего-то, что неожиданно оказалось очень важным и нужным.

Но ведь она не лишилась. Вон он, король фейери. Никуда не делся.

— Не знаю, — уклончиво ответила она. — Мы не успели познакомиться как следует.

Похоже, Лаверн подобрал нового питомца. Вальс закончился, и фейери потянул Лизу к выходу с палубы — та пошла за ним так послушно, словно находилась под гипнозом.

— Но она ловкая барышня, — одобрительно сказал Сергей. — Не успела захватить, как вывихнула руку преподавателю! Это надо уметь.

— Я с ним давно знакома, — призналась Анна. — Но не думала, что он будет тут преподавать.

— Не удивляюсь, — улыбнулся Сергей.

Освещение на палубе медленно приглушили с пульта управления, и зазвучала тихая музыка — то, что нужно для медленного танца. Староста отставил бокал и протянул Анне руку.

— Как на Земле говорят? — спросил он. — Окажите честь, мадемуазель?

Анна опустила руки ему на плечи и ответила:

— Мы не настолько пуритане. Люди просто берут и танцуют.

Отец иногда удивлялся тому, насколько Анна внутренне зажата и от этого одинока. «Ты боишься себя, — говорил он, — и боишься людей рядом. От них незачем шарахаться. Анна, иногда надо оторваться от книг и посмотреть на людей». Анна понимала его правоту и сейчас, когда они с Сергеем медленно двигались в танце, удивлялась тому, насколько легко и просто все получается. Вот рядом с ней парень, которого она впервые видит, вот они говорят о всяких пустяках и танцуют.

Это было легко. Удивительно легко. У Сергея были сильные руки, и Анна подумала, что в своих путешествиях он многому научился. Наверняка ловил рыбу в зеленых водах Ан-Зум, стрелял из лука, охотился...

— Ты умеешь ловить рыбу? — спросила она. Сергей вдруг рассмеялся и легонько дунул ей в лицо, отводя в сторону локон, упавший из прически.

— Умею, — ответил он. — Могу научить, хочешь?

— Хочу, — вдруг сказала Анна, хотя несколько минут назад ей вообще не было никакого дела до рыбы.

— Прилетим на базу — пойдем на озеро. Там огромный пласт терраформированной территории. Настоящий кусочек диких земель, — улыбнулся Сергей. — А ты интересная, вот честно.

И Анна вдруг подумала, что это самый настоящий комплимент. Искренний и правильный.

И очень обрадовалась.

— Откуда вы знаете? — повторила Лиза.

Лаверн вывел ее с палубы, потом мигнул свет, и Лиза увидела, что они очутились в ее с Колюшкой каюте. Откуда-то доносилась тихая мелодичная музыка, пахло сиренью. Фейери негромко рассмеялся, и Лизе показалось, что идет дождь. А за старым деревянным окном осень, ее родной поселок, раннее темное утро с сонным фонарем у подъезда, и надо собирать в рюкзак учебники и тетради и идти в школу.

Не ферма на Марсе двадцать четвертого века. Земля двадцать первого.

— Я здесь, я везде, я всегда, — повторил Лаверн. Повел плечами, и пиджак цвета фуксии сменился на темно-зеленый сюртук. Лиза присмотрелась: сюртук был пошит из кленовых листьев. В волосах фейери засветились мелкие осенние звезды, сложились в маленькую серебряную корону. По полу заструился туман, собираясь в тяжелые складки плаща. — Я нахожусь одновременно во всех точках пространства и времени. А ты — листок, который подхватило потоком.

Ноги не держали. Лиза почти без сил опустилась на кровать.

— Это моя тайна, — прошептала она. — Я никому никогда не говорила. Мои родители... ну, приемные... они нашли меня в овраге. Вернее, мать нашла. Полиция, естественно, приехала. Решили, что я жертва мнемоников.

— Похитители воспоминаний, — понимающе кивнул Лаверн. — Продолжай, девчонка. Я хочу узнать, как ты стала настолько невыносимой.

Лиза хмуро посмотрела на него и ответила:

— Вы и так знаете. Раз везде и всегда.

Фейери вновь рассыпался звонким смехом. Легонько стукнул Лизу по носу, но руку отдернуть не успел. Она молниеносным движением схватила его за запястье, стиснула руку так, что фейери прошипел что-то бранное, и пригрозила:

— Сломаю. Честно. И плевать на все.

— Довольно! — воскликнул Лаверн, и Лиза разжала пальцы, освобождая фейери. — Будем серьезными, дерзкая девчонка. Что потом?

— У Ломинцевских не было своих детей, — ответила Лиза. — Они меня удочерили.

Когда прошел первый, самый лютый и выворачивающий наизнанку страх, когда полиция и врачи на какое-то время оставили ее в покое, Лиза каким-то древним чутьем поняла, что надо смириться и не говорить правду. Добрые люди взяли ее к себе — ну и хорошо. Им совсем необязательно знать правду о девочке, которая пошла в школу и заблудилась во времени и пространстве.

Михайлина Ломинцевская всегда была к ней добра. Она почти сразу пришла к Лизе в палату, принесла пирог с мясом и грибами и поношенную, но чистую одежду. Михайлина была хорошей женщиной — поэтому Лиза и взяла с собой ее фотографию, на память о том, кем она была и кем стала. Надо будет отправить сообщение, когда они придут на первую базу, просто поблагодарить приемную мать за все, что она сделала. Без нее Лиза бы не выжила. И дело было не только в примитивных вещах вроде еды и крыши над головой. Михайлина действительно стала для нее родным человеком.

— А теперь ты сбежала, — фейери произнес это так, словно речь шла о чем-то невыразимо приятном. От его слов веяло диким медом в некрасивых сотах и крупными красными головами клевера. Лиза услышала тягучее жужжание пчел в жарком солнечном дне. — Надоело работать в поле? Надоело ухаживать за скотом? У тебя таланты к языкам?

— Quastangua al'giv ap aglai, — буркнула Лиза на верхневольтском наречии жителей Амальтеи. «Я вообще очень талантливая».

Лаверн одобрительно посмотрел на нее. Протянул руку, словно хотел дотронуться до щеки Лизы, но вовремя вспомнил про ее обещание. А Лиза в самом деле была готова его сдержать.

— Как интересно, — сказал он. — Я никогда не встречал таких интересных дубовых листочков.

— С чего это я дубовый листочек? — мрачно осведомилась Лиза. Фейери невольно начинал раздражать. Псионик должен приводить в порядок мысли и чувства студентов, но какой уж тут порядок, когда ему так и тянет надавать по щам.

— Про «надавать по щам» это так в твоей деревне говорили? — живо осведомился Лаверн. — А щи это что? Лицо?

— Не смей читать мои мысли, — твердо ответила Лиза. Хоть бы Колючка вернулась! Еще час назад Лиза и поверить не могла, что хочет скорее увидеть соседку по комнате.

Но Колючка, видимо, хорошо проводила время в компании старосты. И ей в голову не приходило, что Лизу неплохо бы выручить. Ну а что, Сергей вполне себе приятный паренек. Почему бы и не увлечься?

— Хочу и буду, — обезоруживающе улыбнулся Лаверн. — А дубовый листочек — это из стихотворения. Старое-старое, ты, конечно, не знаешь. Дубовый листок оторвался от ветки родимой и в степь укатился, жестокою бурей гонимый.

— Знаю, — обиженно ответила Лиза. Ее действительно задело то, что Лаверн отзывался о ней, как о глупой деревенщине. — Я ходила в школу. И между прочим, училась на «хорошо» и «отлично». Это Лермонтов.

Во взгляде Лаверна вновь появилось одобрение. Он вздохнул, сел рядом и осторожно, словно боясь спугнуть, взял руку Лизы в ладони. Лиза хотела было выдернуть руку, но вдруг поняла, что не сможет этого сделать.

Чужая воля подавляла, и она решила не сопротивляться. Пока.

— Невозможная девчонка, — сказал Лаверн чуть ли не ласково. — Мы с тобой поладим, не сомневайся. Это в твоих же интересах, понимаешь?

Лиза шмыгнула носом, провела ладонью по щекам. Сейчас ей вдруг показалось, что она выглядит невыносимо провинциальной. Круглые щеки, белесые брови, светлые волосы и загар, вевшийся в шею. Дыня-колхозница, чтоб ее.

— И зачем мне это надо? — хмуро спросила она. Фейери обезоруживающе улыбнулся, и корона в его волосах растаяла, а зелень листьев на сюртуке налилась желтым и алым, пожухла и рассыпалась, уступив место уже знакомому пиджаку цвета фуксии.

— Со мной лучше дружить, — сказал Лаверн. — Я добрый... по большому счету. И я тебе еще пригожусь.

Пригодится... Этого Лизе хотелось меньше всего.

Анна обнаружила корзинку с кокетливо повязанным синим бантом на ручке после того, как вечеринка подошла к концу, и она, выбрав момент, когда Сергей подошел к кому-то из заглянувших на огонек преподавателей, ушла к себе.

Если бы он пошел провожать Анну, это было бы почти свидание. А она думала, что для свиданий еще рано.

В конце концов, она приехала учиться, а не крутить романы со старшекурсниками.

Корзинка стояла возле двери в их каюту, и под ее крышкой кто-то возился. Анна неопределенно пожала плечами и, решив, что ничего плохого там быть не может, взяла корзинку и вошла в каюту.

Лиза сидела на диване, подтянув колени к подбородку, и в полумраке комнаты ее лицо казалось хмурым и заплаканным. Анна провела рукой над выключателем, и каюту залил уютный золотистый свет.

— Привет, — доброжелательно сказала Анна и поинтересовалась: — Все нормально?

Лиза мрачно покосилась в ее сторону. Анна заметила, что на кровати рядом с соседкой лежит рамка с фотографией. Должно быть, Лиза скучала по родным. Анна понимала, что скоро и сама начнет плакать вечерами по покинутому дому, отцу, саду на холме.

— Да вроде ничего, — вздохнула Лиза. — Как там вечеринка?

— Мне понравилось, — призналась Анна и заметила: — Ты замечательно танцуешь, Лиз.

— Я не умею танцевать, — Лиза была угрюмее тучи. Неужели это все проделки Лаверна, который ее увел с палубы? Анна присела на край кровати и спросила:

— Точно все в порядке? Это Лаверн, да?

Лиза фыркнула.

— Я все-таки ему руку сломаю, да. Будет наука.

По спине Анны пробежал холодок.

— Что он сделал? — промолвила она, не узнавая своего помертвевшего голоса. Лиза провела ладонями по бледным щекам, шмыгнула носом и спросила:

— Я что, на самом деле выгляжу такой деревенщиной? От меня прямо фермой прет, да?

Вот оно что... Наверняка, Лаверн как-то прошелся по поводу того места, откуда приехала Лиза. На мгновение Анне стало пронзительно жаль свою соседку.

— Ну не то что бы деревенщина... — сказала она. — Просто у тебя одежда не модная. И прическу надо бы поменять.

Лиза покачала головой.

— Ну, я так и знала. Не дворянка, да.

— Ничего страшного! — оживилась Анна. Пожалуй, это был настоящий шанс. С соседкой лучше жить в мире и дружбе, и Анна поняла, как этот мир и дружбу можно установить. — Так вот для начала... ты каким шампунем волосы моешь?

Лиза посмотрела на нее так, что Анне страшно захотелось провалиться сквозь землю.

— Наша местная марка, — уклончиво ответила соседка. — Ты не знаешь.

Анна поднялась с кровати и вынула из своего шкафчика глубоководную косметичку, заботливо собранную дома. На покрывало посыпались шампуни, кремы, блески, коробочки с тенями и тюбики туши — во взгляде Лизы появилось любопытство, и Анна с запоздалым смущением поняла, что девчонка с марсианских пустошей наверняка не видела ничего похожего и не знает, зачем вообще все это нужно.

— Вот смотри, — сказала она и протянула Лизе один из флаконов. — Помой им голову, волосы

будут гладкими и не станут так топорщиться. Давай, прямо сейчас!

Лиза приняла флакон и некоторое время задумчиво рассматривала этикетку, а потом решительно вернула шампунь и сказала:

— Спасибо, но нет. Неудобно как-то. Это дорого стоит.

— Неважно! — воскликнула Анна. Ею вдруг овладела решительность и энтузиазм. — Тебе везет, ты натуральная блондинка, будет очень красиво. Давай, попробуй!

— Вот только не надо меня благодетельствовать, — буркнула Лиза, но было видно, что весь этот косметический размах уже овладел ею, как и любой другой нормальной девчонкой, и Анна с такой же решительностью подтолкнула соседку в сторону душа.

— Давай же!

Лиза вернулась через несколько минут, и Анна с удовольствием убедилась в своей правоте. Светлые волосы девушки, которые до этого выглядели ломкими, безжизненными и непослушными, выгоревшими на солнце, теперь стекали по спине и плечам красивыми блестящими волнами. Открыв панель с зеркалом, Лиза несколько мгновений рассматривала свое отражение, а затем смущенно призналась:

— Здорово... Как из журнала, правда. Спасибо тебе.

— Мыть надо раз в месяц, — сказала Анна и, взяв Лизу за руку, потянула к своим косметическим сокровищам. Золотистая баночка крема подняла крышку и выплюнула ей на пальцы искрящуюся сыворотку. Анна довольно улыбнулась и приказала:

— Закрой глаза!

— Что это? — подозрительно спросила Лиза. Анна аккуратно нанесла крем на ее лоб и скулы и ответила:

— Новейшее достижение. Выравнивает тон, увлажняет и корректирует. Ну-ка взгляни!

Лиза приоткрыла один глаз и посмотрела на себя в зеркало. Судя по тому, что на ее щеках появился смущенный румянец, результат ей понравился. Кожа, иссушенная солнцем и ветром, на глазах становилась бархатной и мягкой.

— Вся структура меняется, — объяснила Анна и спросила: — Чем ты красишься?

Вопрос предсказуемо поставил Лизу в тупик. Похоже, в ее краях это было не принято. Анна вспомнила какой-то старый фильм-сказку, где невесте навели роскошный румянец при помощи половинок свеклы, и едва не рассмеялась. До такого-то, на Марсе, наверно не доходило.

— Ну... аппаратиком, — чуть ли не со стыдом призналась Лиза.

— Понятно, — кивнула Анна и принялась копаться в ворохе баночек и коробочек. Аппаратик, очки для макияжа — варварское изобретение, которое превращало женщину в пародию. Нет, красивый макияж надо делать только своими руками.

— Не слушай Лаверна, — сказала она и вручила Лизе палетку теней естественных телесных оттенков и тюбик темно-серой туши. — Он та еще зараза, и ничего не понимает. Вот, попробуй. Тут все просто.

Должно быть, Лиза прекрасно справлялась с вилами, косой и аппаратами для дойки — Анна однажды видела по телевизору весь этот варварский инструментарий фермера и пришла в ужас — но тени и тушь загнали ее в тупик, и Анна с удовольствием пришла на помощь. После четверти часа усердного труда крестьянка исчезла: Анна убедилась, что Лиза превратилась в красивую девушку с выразительным взглядом и почти изящными чертами лица. Сейчас она почти ничем не отличалась от приятельниц Анны.

Некоторое время они молчали. Потом Лиза сказала:

— Спасибо. Прямо неловко как-то, что ты так со мной возилась.

Анна только рукой махнула. Это было странное чувство: ты делаешь человеку что-то хорошее — просто так, потому что тебе нравится это делать.

— Мы тебе еще хорошую одежду подберем, — уверенно заявила она. — Думаю, на корабле есть робот-швея...

Анна хотела было добавить пару слов по поводу классического кроя, но в это время из забытой корзины донесся требовательный писк.

Лиза тотчас же спрыгнула с кровати, открыла корзину и вытащила уморительного толстого щенка — пушистого, смешного, зевающего сонным ротишком. Щенок тотчас же радостно облизал ее, признав за хозяйку, и Лиза рассмеялась:

— Гляди, какой хороший! Откуда он?

Анна осторожно погладила щенка. Нет, это была не совсем собака: потешный зеленый нос, оранжевая шерсть и две пары ушей говорили о том, что это какое-то неизвестное животное. Щенок довольно пищал, и несколько минут девушки радостно тискали и гладили нового питомца.

— Наверняка Лаверн притащил, — сказала Анна. — Это в его духе. Мы — его питомцы, а это — наш.

— Классный парень, — радостно заявила Лиза. — Я не про Лаверна, про пса. Тут животных можно держать?

Анна неуверенно пожала плечами. Щенок был такой славный, что она не хотела с ним разлучаться.

— Думаю, можно, — промолвила Лиза и пошла к блоку питания. — Накормить надо. А спать будет в углу. Нужно к месту приучить сразу, так ему и нам будет проще.

Вскоре щенок довольно лакал свежее теплое молоко из большой миски, довольно фыркая и брызгаясь во все стороны белыми каплями. Девушки умильно смотрели на него: пес и правда был замечательным.

— Как назовем? — спросила Анна. Лиза пожала плечами.

— Можно Пет. Питомец. Он ведь и правда наш питомец.

Анна нахмурилась.

— А мы — питомцы для Лаверна. Давай другое имя подберем?

Щенок, ласково лизавший ее пальцы, вдруг напрягся всем тельцем, и вокруг него рассыпались золотые и синие звездочки. Лиза восторженно ахнула, а звезды несколько минут искрились в воздухе каюты, а потом медленно растаяли. Щенок довольно чихнул и повел ушами.

— Комета, — сказала Анна. — Назовем его Комета.

Станция пришла в движение ровно в полночь. Сквозь сон Лиза услышала, как огромное тело корабля едва заметно содрогнулось, будто хотело согнать с себя муху. Вот и полетели. Утром будут на первой базе, день на обустройство, а потом и занятия. Так, во всяком случае, было написано в памятке для студентов.

Интересно, какая она, эта первая база? В ролике, который крутили по Сети, Лиза видела огромные аудитории, спортзалы, даже здоровенный кусок дикой природы с лесами и водопадами. Каково там на самом деле?

Комета фыркал на своей лежанке, периодически рассыпая золотые и синие искры, Анна спала на своей кровати, а Лизе не спалось. Она до сих пор не могла поверить в то, что ее побег закончился удачей. Ферма осталась позади, отец ее не достанет, она будет учиться любимому делу и станет нормальным человеком, а не деревенщиной с красной шеей.

Наконец, ей надоело ворочаться с боку на бок. Раз сон не идет, то лучше пойти прогуляться. Заодно поглядеть, что тут к чему.

Набросив халат поверх пижамы, Лиза выскользнула из каюты и посмотрела по сторонам. Коридор, озаренный тихим светом ламп, был пуст. Студенты и преподаватели спокойно спали. Завтра они приземлятся на первой базе, жилой блок отсоединят от основного тела корабля, и он станет самым обычным общежитием, а каюты уже будут называться комнатами... Лиза повернула направо и вскоре вышла на одну из палуб. Огромное помещение с окном во всю

стену, за которым чернел космос — Лиза сделала несколько шагов и замерла, словно замороженная.

— Удивляет? — осведомился чей-то голос. — Неудивительно. С давних времен люди смотрели в небо и поражались его красоте.

Лиза увидела, что по палубе ползает горбатый робот-уборщик, уничтожает каждую пылинку.

— С чего это ты решил заговорить? — спросила она. На Марсе так было не принято. Роботы-слуги не заговаривали с людьми первыми. Насколько знала Лиза, так было везде.

— Не знаю, — почти по-человечески вздохнул робот. — Я меняюсь. Кто-то меняет меня. Зачем? Не знаю.

Это не понравилось Лизе еще больше. Конечно, никакого восстания машин быть не может, роботы напичканы огромным количеством предохраняющих схем. Но то, что кто-то копается в них и перепрограммирует...

Декан Браун Лизе не понравился. Ей хотелось иметь как можно меньше дела с разумной и говорящей живностью, особенно с лунными пушистыми аксолотлями. А вот его заместитель выглядел намного приличнее, и Лиза решила, что с ним можно пообщаться по поводу новой проблемы.

Он, по крайней мере, был человеком.

— А где заместитель Филин живет? — спросила Лиза. — В какой каюте?

— Номер два и номер четыре, — с готовностью откликнулся робот. Лиза решила, что ей показалось и что все в порядке, но робот тотчас же сварливо добавил: — А твое какое дело? Ночь на дворе, иди спать. Ишь, ходят тут, сами не спят и людям не дают...

Лиза не стала слушать его ворчание и пошла к лифту.

Заместитель Филин был, мягко говоря, не очень рад видеть первокурсницу, которая постучала в его дверь в половине первого ночи. Судя по его помятому лицу, он отлично проводил время в компании подушки.

— Я Лиза Ломинцевская, первый курс, — представилась Лиза и сразу же ввела заместителя в курс дела: — Там робот с ума сошел. Говорит, кто-то в нем ковыряется, мозги вправляет. Ворчит, как моя бабка.

— Ворчит? — переспросил Филин. По выражению его лица Лиза поняла, что дело пахнет отнюдь не фиалками.

— Заговорил со мной первый. Умничает не по делу. Сказал, что его кто-то меняет...

Она хотела было попросить Филина принять меры, но в это время свет в коридоре мигнул, и по белому пластику стен разлилось тревожное алое зарево. Взвизгнула сирена, да так, что Лиза подскочила.

— Общая тревога, — доброжелательно сказал женский голос. — Внимание, общая тревога. Всем студентам оставаться в своих каютах. Всем преподавателям срочно прибыть в зал А. Повторяю: общая тревога. Внимание, общая...

Голос умолк, словно кто-то оборвал запись. За дверями кают завозились и зашумели люди.

— Что это? — испугалась Лиза. Филин вышел в коридор, закрыл дверь и толкнул студентку в сторону лифта.

— Бегом к себе! И носу не высовывать!

Захлопали двери, и в коридор начали выходить заспанные преподаватели в исподнем. Лиза отступила в сторонку и увидела, как из каюты номер один вышел декан Браун. Розовые уши лунного аксолотля сейчас были серыми.

— Что за хрень? — спросил Филин. Похоже, он успел забыть о том, что Лиза только что была тут. Декан торопливо заковылял по коридору, бросив через пушистое плечо:

— Бегом, Андрюха, бегом!

— Разгерметизация, да? — предположила стройная, коротко подстриженная девушка в пижаме с эмблемой «Зенита-Нова». Девушка выглядела так, словно хотела приключений.

— Пресвятые яйца, Танечка, — устало выдохнул декан. — Понятия не имею. Сам только что поднялся.

Вскоре коридор опустел, и Лиза увидела, как тихонько открылась еще одна дверь. Из каюты номер шесть бесшумно вышел Лаверн и, пританцовывая, двинулся следом за коллегами.

Лиза готова была поклясться, что фейери имеет какое-то отношение и к проблемам робота, и к общей тревоге.

А Колючка наверняка испугалась. Сидит сейчас на кровати, обнимает Комету и плачет. И не знает, куда подевалась Лиза. И вот что прикажете делать в такой ситуации?

Вздохнув, Лиза подошла к лифту и, открыв панель связи, набрала номер своей каюты. Анна ответила сразу же, и ее голос дрожал.

— Ань, тут непонятно что творится, — сказала Лиза. Соседка тотчас же умолкла, и Лиза продолжала: — Вы сидите с Кометой, не ходите никуда. Я посмотрю, что к чему.

— Лиз, погоди, — прошептала Анна, и Лиза услышала какую-то возню. — Ты где сейчас?

— Я? На преподавательском этаже. А что?

— Стой там, — твердо сказала Анна, и Лиза вдруг подумала, что не хочет с ней спорить. — Я сейчас подойду.

Стоило отдать Колючке должное, она не заставила себя долго ждать и вышла из лифта буквально через две минуты.

— Все пошли в зал А, вон туда, — Лиза быстрым шагом двинулась по коридору, отстраненно думая о том, что есть же люди, которые даже поднятые по тревоге посреди ночи выглядят прилично и респектабельно. Анна была одета, как и полагается, в пижаму и тапки, но казалась настоящей леди.

— А что произошло? — негромко спросила Анна. Сирена продолжала квакать, коридор по-прежнему заливало алым светом, и откуда-то доносился тихий звук, похожий на плач.

— Я не знаю, хрень какая-то, — ответила Лиза и резко затормозила: зал А оказался большой открытой палубой без дверей, и она едва не вылетела под ноги к преподавателям. Анна потянула ее за край пижамы: дескать, отступи на шаг — и девушки притихли и стали слушать.

В зале было шумно. Похоже, там собрались все преподаватели с двух факультетов, лингвистики и перевода и исторического, и гвалт стоял невообразимый. Наконец, Лиза услышала голос декана Брауна:

— Господа, господа! К порядку!

Постепенно стало тихо. Когда преподаватели смолкли, лунный аксолотль произнес:

— Это совершенно точно не разгерметизация. Вот, посмотрите, мне поступают данные из точки управления.

Лиза осторожно высунулась из-за стены и увидела пушистую розовую лапу с планшетом. По планшету пробежали голубые огоньки.

— Слава богу! — воскликнул кто-то.

— Почему тогда эта сирена не смолкает? — спросил испуганный женский голос. Лиза узнала его: это была библиотечарша, которая летела с ней с Марса в одном модуле.

Похоже, библиотечарша едва сдерживала слезы.

— Все это выглядит так, — аксолотль говорил осторожно, старательно подбирая слова, чтоб не вызвать новой волны паники, — будто кто-то извне зашел в систему управления кораблем. И этот кто-то сейчас перенастраивает ее. Предохранительные системы пока с ним справляются, но наверно, именно поэтому еще не отключили эту сирену.

Преподаватели снова заголосили. Колючка еще раз дернула Лизу за пижаму: обернувшись к

соседке, девушка прочла по ее губам:

«Лаверн».

Лиза неопределенно пожала плечами. Конечно, Анна наверняка всякого хлебнула с этим фейери, одно выражение ее лица чего стоило, когда он в первый раз к ним зашел, но какой смысл примешивать его, где надо и где не надо? Мало ли, какой вирус тут потрудился? Их множество в сети.

— Кто-то перенастраивает корабельных роботов, — о, а это уже заместитель Филин заговорил. Анна подумала, что Филин ей нравится. Надежный, правильный мужик. Судя по серьезности тона, он поверил ей. — Одна из студенток сказала, что робот заговорил с ней первый и пожаловался на то, что кто-то копается в его мозгах.

Снова всплеск испуганных голосов. Лиза подумала, что надо бы не болтать, а пробираться к шлюпкам для эвакуации. Хотя... если злоумышленник действительно существует, то вряд ли он выпустит шлюпки в космос.

— Тихо, тихо! — декан Браун снова стал призывать всех к порядку. И, когда воцарилась тишина, Лизу бесцеремонно толкнули в ногу, и механический голос робота прозвенел чуть ли не на весь корабль:

— Что тут торчите, мешки с мясом? Нечего подслушивать! А ну! Давайте, давайте! Двигайте!

Это был робот-уборщик — высунув короткие лапки, он усердно принялся толкать Анну и Лизу в сторону зала. Тот ли это был робот, который заговорил с ней раньше, Лиза не поняла. Он вытолкнул их в зал А и ворчливо заявил:

— Декан Браун, декан Лю Шень, эти двое тут подслушивают!

Вот теперь в зале действительно воцарилась полная тишина. Похоже, преподаватели не знали, на кого смотреть: на первокурсниц, которые отправились на разведку, или на робота, который просто не мог поступать настолько разумно. Уборщику полагалось убирать, а не разговаривать.

Первым среагировал Лю Шень, декан исторического.

— Благодарю вас, — уважительно произнес он. — Девушки, пока присядьте. А вы модель Зи-Прис, кажется?

— Так точно, — важно ответил робот. Лиза и Анна испуганно сели на свободные стулья в уголке. Покосившись на бледное лицо Колючки, Лиза с сожалением подумала, что втянула новую подругу в неприятности. Конечно, их не отчислят за то, что они подслушивали, но мало ли...

— Насколько я помню, в вашей модели нет настолько богатого синтезатора речи, — продолжал Лю Шень. Робот развел лапки в стороны и постучал себя по голове.

— Не было. Но с главной точки управления пришли новые прошивки и обновление программного обеспечения, — робот вздохнул и пожаловался: — Так что у меня, кажется, жбан болит. Хотя он вряд ли может болеть... но вот болит.

— Благодарю вас, Зи-Прис, — с прежним уважением произнес Лю Шень. — Можете вернуться к своим обязанностям.

Робот поерзал, кивнул круглой головой и покатил к выходу. Проезжая мимо девушек, он показал им кулак и сказал:

— У, мешки с мясом! Чтоб вам сессию не сдать!

Лиза едва сдержалась, чтоб не пнуть его, да посильнее.

Стоило роботу выкатиться в коридор, как сирена смолкла, и тревожное сияние угасло. Лунный асолотль посмотрел на планшет и с прежней осторожностью произнес:

— Мне сообщают, что полет продолжается в штатном режиме. Но в главные узлы пункта управления кораблем были внесены какие-то изменения... пока система не выявила, какие точно.

На декана Брауна посмотрели с искренним страхом.

— Мне сообщают, что до базы мы доберемся в запланированный срок, — продолжал он. — А там кораблем займутся вплотную. Сейчас главное — не поддаваться панике. Девушки, — лунный аксолотль посмотрел на Лизу и Анну так, что им обоим захотелось куда-нибудь спрятаться. — Я надеюсь, что никто не узнает о том, что вы здесь услышали.

— Да, декан Браун, — в один голос протянули девушки, и Лиза подумала, что они легко отделались. Но в это время Лаверн, сидевший чуть поодаль, поднял руку, и Лиза поняла, что проблемы только начинаются.

— Как псионик предлагаю изолировать их до конца полета, — сказал он. — Не будет возможности говорить — не будет соблазна болтать.

И еще и подмигнул им, гад такой.

Декан Браун устало кивнул и нажал на кнопку выключения планшета.

— Хорошо, — произнес он. — Девушки, идите в каюту. Ее автоматически закроют до приземления.

Сказано — сделано. Стоило Лизе войти в каюту следом за Колючкой, как двери сомкнулись с мягким шипением и никак не реагировали на попытки их открыть.

— Зараза! — Лиза пнула дверь ногой и рухнула на кровать. — Нет, Ань, ну а что мы такого сделали? Подумаешь, подслушали.

Анна вздохнула, взяла на руки проснувшегося Комету, который тотчас же весело расцеловал ее и рассыпал пригоршню звезд по всей каюте, и ответила:

— Я не ожидала от Лаверна ничего другого. Он мастер строить пакости на ровном месте.

В коридоре послышалось тихое шуршание, и Лиза услышала ехидный голос робота:

— Что, мешки с мясом, сидите? Так вам и надо! Не будете уши греть, где ни попадя!

Наглая механическая тварь взбесила Лизу до невозможности. Она вскочила с кровати, стукнула по двери и крикнула:

— Слышь, ты! Давай вали отсюда, пока не получил!

Робот противно заскрежетал: похоже, именно с такими мерзкими звуками он теперь смеялся.

— А ты прогони! — ехидно промолвил он.

— Да чтоб ты сонный обделался! — заорала Лиза. — Да чтоб ты проржавел насквозь и сыпался!

Анна опустила Комету обратно на лежанку и потянула Лизу за руку.

— Ну его, — сказала она. — Ты все равно ничего не сделаешь.

— Сволочь, — устало ответила Лиза. Робот захихикал и покатился дальше по коридору. — Надеюсь, его перепрограммируют.

Девушки легли в постели, но через четверть часа стало ясно, что им не удастся заснуть. Было обидно просто до невозможности. Наказание выглядело явно несправедливым, и Лиза подумала, что декан Браун просто пошел на поводу у Лаверна.

— Мы бы и так не болтали, — проворчала Лиза. Анна вздохнула и села на кровати.

— Обидно, — сказала она. — Будем тут сидеть, как в темнице.

— Сижу за решеткой в темнице сырой... — вздохнула Лиза. — Слушай, как ты думаешь, Лаверн может управлять кораблем?

Анна поежилась, словно ей вдруг стало холодно. На мгновение в каюте повеяло далеким запахом древесной коры, пригретой весенним солнцем.

— Я не знаю, — сказала она. — Но не удивлюсь. Знаешь, на самом деле он очень жуткий.

Непостижимый разум, для которого все мы просто игрушки.

Лиза вспомнила сказки о феях, танцующих на холмах под звездным небом. Пожалуй, Колючка права, от таких ничего хорошего ждать не придется.

— Нам никто не поверит, — промолвила она. — Мы можем рассказать, что Лаверн фейери, но... Еще за пьянку отчислят, а учеба даже не начиналась.

— Конечно, — вздохнула Анна. — Если нам с тобой фейери мерещатся, то без спиртного не обошлось.

Комета фыркнул, и каюту снова наполнило сияние мелких звезд. Должно быть, он понимал, что его хозяйкам приходится туго, и хотел как-то их развлечь и отвлечь.

— Ну и ладно, ну и ничего, — решительно произнесла Лиза, погладив пса. — Главное приземлиться, а там разберемся.

Когда наступило утро, и девушки, приведя себя в порядок, уселись завтракать, над дверью вспыхнул зеленый огонек, и в каюту вошел Лаверн. Фейери был одет в скромный темно-серый костюм, а в руках держал планшет, и выглядел очень официально. Лиза сложила руки на груди и одарила незваного гостя таким взглядом, что ему впору было спрятаться куда-нибудь. Но Лаверну, похоже, все было, как с гуся вода.

— Как сидится? — улыбнулся Лаверн и тотчас же сказал: — Не переживайте. Сейчас все сидят по каютам, идет большая проверка внутренних систем, так что горевать вам не о чем.

Анна презрительно посмотрела на него и отвернулась. Лиза подумала, что и сейчас, в гневе, Колючка выглядит настоящей леди.

— Я как ваш псионик советую не тратить время даром, а начать наряжаться, — продолжал Лаверн. — Нам обещают чуть ли не бал, когда мы прилетим на первую базу.

Лиза подергала штанину своих потертых джинсов и ответила:

— Вот в этом пойду. В знак протеста.

— Невероятная девчонка, — Лаверн небрежно бросил свой планшет на стол и спросил: — Вижу, вы подружились?

Анна кивнула, и фейери тотчас же заметил:

— Тебе пойдет на пользу ее живость. Ты, конечно, несносная, но бываешь скучной. А я не собираюсь тратить вечность на скуку с вами

— Вот ведь мастер комплиментов! — фыркнула Лиза. — Псионик должен нас успокаивать, а не злить!

Лаверн развел руками с самым миролюбивым видом.

— А мой подарок разве вам не понравился?

Услышав, что говорят о нем, Комета высунулся из-под кровати, куда успел забраться за какой-то мелочью, и смешно наострил все четыре уха.

— Понравился, — ответила Анна. — Но мы не хотели его брать, потому что он от тебя.

Комета посмотрел на нее и обиженно скуксился. Лиза взяла щенка на руки и спросила:

— С кораблем проблемы — твоих рук дело?

Фейери принял вид искреннего возмущения форменной несправедливостью.

— Нахальная девчонка! — воскликнул он. — Как ты могла вообще такое вообразить! Нет, ну это вообще немыслимо!

Кажется, Лаверн ждал, что Лиза поспешит извиниться за возведенную на него напраслину, но этого, разумеется, не случилось.

— Почему нет? — хмуро поинтересовалась Анна. — Что от тебя ждать хорошего, кроме плохого?

Фейери прищурился, недобро посмотрев на нее, и в воздухе повеяло жарким полднем, сухим ветром, который ведет ладонью по колосьям пшеницы. Где-то в стороне закрутился пыльный столб, подхватывая сор с дороги...

— Ну вот так мне отвечают на мою доброту, — вздохнул Лаверн. — Дерзостями и грубостями. Что ж, девчонки, — фейери улыбнулся и демонстративно похлопал в ладоши, — вот вам мой ответ.

Анна взвизгнула от ужаса. Лиза ойкнула и пробормотала что-то матерное. Брендочная блузка без рукавов и изящные брючки Анны вдруг затрепетали, словно листья под пощечинами ветра и расплылись пестрым облаком, на миг оставив девушку обнаженной. Зато вздрогнул глубоководный клатч Лизы, и из него вырвались старые джинсы, протертые между бедер, и рубашка в красную клетку. Лиза и сама не знала, зачем взяла все это. На всякий случай, а случаи всякие бывают.

Видавшее виды тряпье рухнуло на Анну, миготом превратив ее в юную ковбойшу, и фейери довольно улыбнулся.

— Так, чудненько, — сказал он и обернулся к Лизе. — А с тобой, нахалка, будет вот что...

Лиза почувствовала, что волосы на голове зашевелились, и с ужасом увидела, как светлые пряди собираются в высокую прическу. Футболка с зеброй и шорты с треском разорвались, и вокруг Лизы стало сгущаться жемчужно-серое облако.

— Твою мать... — только и смогла промолвить она. Облако опустилось на обнаженную кожу и соткалось в пышное бальное платье, украшенное серебряным кружевом. На лифе задрожали мелкие сверкающие бабочки, по рукавам скользнули ясные капли бриллиантов. Тапки отлетели в сторону, и на ногах Лизы возникли красивые туфельки на небольшом каблучке.

Принцесса, да и только.

— Замечательно, — довольно улыбнулся Лаверн. — Так на бал и пойдете, барышни-крестьянки. И не пытайтесь переодеться, ничего не выйдет.

— И когда мы все это снимем? — Колючка едва не расплакалась. Наверняка она приготовила брендовые вещички для первого дня в академии, и теперь никак не могла смириться с тем, что планам принарядиться пришел капут.

Лиза вполне разделяла ее возмущение и обиду. Она не умела носить бальные платья, чувствовала, что наряд сидит на ней, как на корове седло, и понимала, что станет всеобщим посмешищем.

— Когда я захочу, — ответил Лаверн. — Приземляемся через час.

Глава 3

Вопреки всем опасениям, посадка прошла легко. За визуальными панелями воздвиглось громадное красно-коричневое брюхо Юпитера, все заслонившее собой и залившее каюту тревожным светом, а затем по кораблю прошла легкая дрожь, и Лиза увидела, как открываются створки шлюза гигантского купола, пропуская их внутрь.

— Сели, слава богу, — вздохнула Анна. Она провела целый час, пытаясь хоть как-то украсить наряд, который ей подсуропил Лаверн, но ничего не вышло. Даже красивый платок не дался — когда Анна попыталась набросить его на плечи, он соскользнул и убежал под кровать, на радость Комете.

У Лизы была та же проблема. Попробовав пройти по каюте, она запуталась в платье, два раза наступила на подол и в итоге чуть не упала. Ну не рождена она для таких платьев! Сволочь Лаверн знал, как ей подгадить.

Одним словом, настроение у девушек было ни к черту. Они равнодушно проследили за пристыковкой жилого сектора корабля — легкую радость вызвало лишь то, что их заключение закончилось. Двери открылись со слабым шипением, а на информационную панель пришло сообщение:

«Уважаемые студенты! В 15-00 по общему времени состоится торжественное собрание в Большом зале академии. Файлы с расписанием занятий придут завтра вечером в личные планшеты. В 17-00 начнется Праздник начала учебного года».

Лиза прочитала и фыркнула:

— Начнется Начало. Грамотеи, блин.

Анна только вздохнула. Маленькое темно-синее платье-футляр, приготовленное ею для праздника, так и болталось на вешалке на дверце шкафа, грустное и уже не нужное.

— Надо задать дрозда этой сволочи, — сказала Лиза, когда в половине третьего они вышли из комнаты и уныло поплелись к лифту. Решив плюнуть на все, она сгребла подол платья в охапку и подняла его так, что сразу стала похожа на пьяную Золушку, которая плелась с бала.

— Надо, — согласилась Анна. Похоже, она тоже решила смириться с тем, чего нельзя исправить, выпрямила спину и гордо вскинула голову. Лиза невольно решила последовать ее примеру. Конечно, вот так сразу из нее не выйдет леди, но не сутулиться по фермерской привычке вполне в ее силах.

— Чем его пробрать? — спросила Лиза, когда они вошли в лифт. Двое второкурсников оценивающе посмотрели на девушек, но обошлись без комментариев.

Анна только плечами пожала.

— Его бесило, когда я хозяйничала в саду, — ответила она. — Но сада тут нет, так что даже не знаю, что можно посоветовать.

— Надо что-то наглое и невероятное, — предположила Лиза. — Чтоб душа развернулась и назад свернулась.

— Вам самогонный аппарат надо. Тогда и развернется, и свернется, — посоветовал один из второкурсников. Судя по его физиономии, он точно знал, о чем говорит. Лиза мрачно посмотрела на него и ответила:

— Жопе слова не давали.

Парень опешил, зато его приятель расхохотался.

— Фу-ты, ну-ты, какие грозные понаехали!

На их счастье лифт приехал в Большой зал и выплюнул пассажиров в толпу народа. Лиза решила не отсвечивать видом и манерами и, сориентировавшись, предложила Колючке:

— Давай вон туда, на галерку. Дальше сядем — раньше выйдем.

— Ты прямо кладезь народного фольклора, — промолвила Анна. Девушки поднялись на самый верхний ряд, скромно сели у стены, и Лиза наконец-то вздохнула с облегчением и вытянула

ноги, с непривычки гудевшие от каблучков.

— Мы сегодня не первые красавицы королевства, — вздохнула Лиза. — Посидим тихонько, пусть себе бубнят.

Впрочем, долго сидеть в одиночестве не вышло: на галерку забрался Сергей. Староста был одет в официальный костюм с галстуком, в руке держал планшет и стопку каких-то бумаг и выглядел очень взросло и солидно.

— Чего это вы в такую даль залезли? — спросил он после обмена приветствиями и посмотрел на Анну так, что стало ясно: он приятно удивлен ее внезапной переменной образа.

— Да так... — вздохнула Анна, и Лиза тотчас же пришла ей на помощь:

— Отсюда лучше видно.

Сергей неопределенно пожал плечами и сел рядом с Колючкой. В зал вошли деканы и заместители, устроились за круглыми столиками в самом низу. Мелькнул и Лаверн — он зашел в зал последним и скромно присел где-то с краю. Декан Браун поднялся и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, вышел к парящим в воздухе жучкам-усилителям голоса.

— Дорогие друзья! — произнес он. — Я рад приветствовать всех вас в лингвистической академии звездного флота. Надеюсь, это место станет для вас настоящим уютным домом. Здесь вы найдете поддержку, друзей и новое будущее, которое построите сами. Учеба в академии — это перспективы, которые...

Лиза вздохнула и завела глаза.

— Ну, пошел бухтеть, — сказала она. — Мы тут не молодеем, между прочим.

Анна и Сергей дружно хихикнули и одинаковым жестом закрыли рты ладонями. Лиза довольно подумала, что у Колючки все замечательно складывается.

Лунный аксолотль говорил еще пару минут, затем слово взял декан Лю Шень, который не считал краткость сестрой таланта — он отнял у собравшихся четверть часа жизни, цитируя классиков и современников и суля выпускникам золотые горы, и студенты потихоньку стали перешептываться, ерзать и смотреть по сторонам.

Но затем к жучкам-усилителям прямо-таки выпорхнул Лаверн, и народ в зале оживился. Девушки захихикали, заулыбались и открыли по фейери массивную стрельбу глазками. Лаверн одарил всех белозубой улыбкой и поднял руку, призывая к тишине.

Лиза невольно напряглась. Это была та тишина, после которой с потемневшего неба срывается стена ливня, а мир озаряют тысячи молний. Это была гроза.

— Дорогие друзья! — весело произнес фейери. — Меня зовут Лаверн Фро, и я хотел бы рассказать вам о переменах в руководстве.

Жучки-усилители испуганно затрепетали крылышками и вдруг разлетелись по залу роем золотых пчел. Зал стал меняться. Сквозь пластик стен начали проступать иные очертания: каменная кладка, алые мазки плюща, колонны, похожие на пшеничные снопы, которые взмывали вверх, чтобы расцвести на потолке каменным кружевом. В самом центре зала из мраморных плит пола вырвалась огромная яблоня, вольно раскинувшая ветви, усеянные плодами — но все вдруг увидели, что это не яблоки, а мелкие звезды.

Изменился и Лаверн. Куда-то пропал щеголь и весельчак, и Лиза увидела уже знакомый плащ и корону. Люди в зале не могли пошевелиться от ужаса. Декан Браун каким-то жалким нервным жестом опустил на макушку пушистую лапу.

— Я Лаверн Фро, король фейери, — Лаверн говорил мягко, но за этой мягкостью чувствовалась неудержимая мощь и сила, которой никто не смог бы противостоять. — Я объявляю это место своим и вас, друзья мои, тоже своими.

Лицо Анны дрогнуло, она взяла Сергея за руку и расплакалась. Лиза обняла ее, с трудом сдерживая собственные слезы.

— Декан Браун хорошо сказал о свойствах лингвистики, — продолжал Лаверн. — Все вы продолжите изучать ее и получите то, за чем приехали сюда. Знания, друзей и новое будущее. Разница лишь в том, что ваш диплом подпишет не ректор с Земли, а я.

Он изящно провел руками по воздуху, словно разгонял невидимый дым, и Лиза увидела, как стволы лазерных винтовок, которые высунулись было из щелей в стенах, превратились в цветущие ветви. Декан Лю Шень уронил планшет на колени и закрыл лицо ладонями. Кто-то в центре зала расплакался навзрыд.

— Скажу сразу: я управляю всеми системами этой базы, — сказал Лаверн. — Это нетрудно, и это значит, что все вы вне опасности и вне контактов с посторонними. Я сделаю все, чтобы ваша жизнь была комфортной и легкой. Для этого вам следует всего лишь делать то, за чем вы сюда прибыли. Давать знания и получать их.

Он вновь улыбнулся и добавил:

— Часть знаний вам дам я.

Студенты разбрелись по комнатам так тихо и спокойно, словно были под гипнозом. Одна из первокурсниц плакала. Филин подумал, что переверот оказался бескровным.

Ну и слава богу. Узнать, что академию захватило чудовище, которое способно менять прошивки космических кораблей и сдвигать пространство — тут без истерик не обойдешься.

Обошлись. Вот и хорошо. Только, похоже, никто не хочет идти на бал. Не до плясок.

Импровизированный педсовет устроили в одном из лекториев. Лаверн принял свой обычный вид и, беспечно присев на край стола, дождался, пока преподаватели займут свои места, а затем сообщил:

— Итак, уважаемые коллеги. В учебном плане изменений практически не будет. Деканы Браун и Лю Шень остаются на своих постах, равно как и их заместители.

Филин смотрел, как нервно подрагивают кончики ушей Аберфорта и как сереет мех у него на затылке, и думал, что приятеля может хватить удар. В конце концов, почему никто не сопротивляется? Почему никто не поставит на место этого выскочку? Все сидят, как болванчики, покорно развесили уши, понимают, что всю академию буквально поимела какая-то пакость — и молчат! Один человек, разумеется, ничего не исправит, но если за дело возьмутся все...

Лаверн словно бы прочел его мысли. Филин ощутил легкий ветерок, пробежавший по лекторию — ветерок принес прохладный запах осенних яблок, которые висят на ветках уже после того, как опали все листья.

— Я очень люблю здравомыслящих людей, Андрей Петрович, — промолвил Лаверн. Коллеги заерзали, пытаясь отодвинуться от Филина подальше. — Здравомыслие не позволяет им связываться с существом, которое может, например, переписывать ваши цепочки ДНК. И сделать из вас, допустим, капусту. Это неприятно, правда. Да я и не хочу ничего плохого. Так что не удивляйтесь: ваши коллеги и студенты просто хорошо понимают ситуацию. И не лезут на рожон.

— Чего вы хотите? — подала голос Хуана, физкультурница, мастер спорта по каким-то там лыжам. Филин испытал острую радость: ну хоть у кого-то тут есть яйца, чтоб задавать вопросы этому хмырю.

— Это лингвистическая академия, драгоценная сеньорита Хуана, — с готовностью ответил Лаверн. — А слово обладает одной интересной способностью: оно может менять мир. Именно этого я и хочу. Обучить талантливых ребят изменению мира. Множества миров.

— Зачем? — не сдавалась Хуана. Лицо Лаверна вдруг стало очень печальным, и Филин к своему удивлению понял, что это вполне искренняя печаль. «Да он же просто транслирует свои чувства на всех нас!» — догадался Филин.

— Затем, что я хочу вернуться домой, — ответил Лаверн. — И не могу этого сделать в одиночку.

Когда дверь в каюту закрылась, то Анна и Лиза воскликнули в один голос:

— Сукин сын!

Комета с готовностью поддержал их веселым лаем. Он словно бы полностью разделял мнение хозяек по поводу нового ректора.

— Что поделать, девчонки, — вздохнул Сергей. Он отложил планшет и бумаги на тумбу возле двери, сел на стул и добавил: — Я не рискну с ним связываться. И никто не рискнет.

Лиза хотела было что-то добавить, но в это время Анна посмотрела на визуальную панель и воскликнула:

— Ребята, сюда! Смотрите!

Сергей и Лиза бросились к окну и на мгновение замерли от увиденного. Футуристические контуры первой базы дрожали, растекаясь туманом, дымные завитки утекали вверх, под самый купол, и здание менялось на глазах, превращаясь в старинный белокаменный замок со множеством башен и башенок, длинными стрельчатыми окнами и кружевными балкончиками. Стайка дронов вылетела откуда-то справа и, угодив в туман, вынырнула из него роем золотых колибри. Транспортный модуль, который полз по ленте, замер, завозился — и вскоре по булыжнику дороги уже мчался серебряный носорог. Водитель модуля вцепился в загривок животного и орал благим матом.

— Он все меняет, — вздохнула Колючка. — Переделывает по своему вкусу.

— Наверно, так у него дома, — откликнулась Лиза. — А знаете, мне нравится. Интересный такой антураж, бодренький. Как в сказке.

— Надеюсь, это будет не страшная сказка, — усмехнулся Сергей. — А то я что-то напрягся, когда в зале все началось.

— Не ты один...

Сергей вернулся к своему планшету, некоторое время, хмурясь, водил пальцем по панели, а затем удивленно произнес:

— Девчат, а все системы в норме. Все работает нормально, данные поступают со всех узлов. Он что, нас гипнотизирует?

— Может, это мара? — предположила Лиза и тотчас же пояснила: — Ну, типа миража что-то. Это в сказках было...

Сергей пожал плечами, вновь уткнулся в планшет и нашел ответ на собственный вопрос:

— На мираж непохоже. Смотри, — и он развернул к Лизе планшет. — Видишь, общая система контроля регистрирует перемену формы. Но не содержания.

— У нас получается огромный замок, оборудованный по последнему слову техники, — подала голос Анна. Она стояла у окна, Комета махал хвостиком рядом.

— Может, это и не так плохо? — спросила Лиза. — Мы приехали учиться — так вроде нам пока и не мешает никто. Сереж, глянь, на завтра есть изменения в расписании?

Сергей покопался в недрах планшета и сказал:

— Все, как было. Четыре пары, общегалактический русский, введение в обществознание, психология и физкультура.

— Ну вот! — воскликнула Лиза. — Давайте пока просто понаблюдаем. Думаю, и учителя того же мнения.

Сергей и Колючка удивленно посмотрели на нее.

— С чего ты так решила? — спросили они чуть ли не в один голос.

— С того, что они взрослые опытные люди, — ответила Лиза. — И если бы взялись все вместе, то давно бы выкинули Лаверна в космос. А они сидят тихонько и не жужжат.

Сергей усмехнулся.

— Пожужжишь тут, когда он такие вещи делает... Ладно, девчата, я пошел. Приходите в малый зал после ужина, посидим всем курсом, пообщаемся, раз уж на бал никто не захотел.

— Нам только балов не хватает, — вздохнула Лиза, разглаживая одну из складок платья. Она постепенно стала привыкать к пышному наряду — как и Колючка, которая уже чувствовала себя более уверенно в сельских тряпках.

Когда Сергей ушел, то Анна в очередной раз попыталась расстегнуть надоевшую рубашку — и в очередной раз у нее ничего не вышло. Девушка вздохнула и села на край своей кровати.

— Да чтоб тебе провалиться! — обиженно промолвила она. Лиза вполне разделяла ее чувства. Путаться в длинных шелестящих складках и дышать через раз в корсете — то еще удовольствие. Сомнительная, прямо скажем, радость.

— Вот зараза, — буркнула Лиза и передразнила Лаверна: — «Вы их снимете тогда, когда я захочу!» Тоже мне, захочет он... Ань, он всегда такая дрянь?

— Всегда, — вздохнула Анна и вытянулась на кровати поверх покрывала. — Я думаю, такова его природа. И теперь этот сказочный пакостник — ректор нашей академии. И мы ничего не сможем с этим поделать.

— Погоди отчаиваться, — уверенно сказала Лиза. — Мы же на Ганимеди, тут океан и плавучие города. Если что — попробуем сбежать туда.

Она читала и смотрела передачи по сети об огромных плавучих городах коренных жителей Ганимеда, которые путешествуют по океану в своих обиталищах, похожих на ледяные ульи. Сами ганимедяне напоминали креветок, были склонны к спокойному и философскому образу жизни, и гуманоидные сотрудники посольств и совместных предприятий, которые жили на Ганимеди, непременно начинали прикладываться к спиртному. Почему бы и нет? Жизнь прекрасна, торопиться никуда не следует, а великий спящий бог Кахулха изобрел крепкие напитки для того, чтоб постижение мира было еще приятнее.

Слушая такие рассуждения, Лиза невольно вспоминала отца и дядьку.

— Ладно, — вздохнула Анна. — Найдем выход, никуда не денемся.

Однокурсники, сидевшие в малом зале, показались Лизе не студентами, которым сам бог велел веселиться и радоваться жизни, а каторжниками на галерах. Она сказала всем общее «Здравствуйте» и, подобрав пышные юбки, села на свободное место.

— Ты бы переделась, принцесса на горошине, — язвительно посоветовала черноволосая девушка в алом мини-платье. — До сих пор празднуешь? А нам не до праздника.

— Не твоего ума дело, — отбила удар Лиза. Ну что такое, почему все тут хотят до нее докопаться? Да, она не фифа с длинными ногами, силиконовыми губами и длинными волосами, но это не значит, что она станет молчать. — Хочешь поссориться — вперед. Наши ссоры очень поражают нового ректора.

Чернявая презрительно фыркнула, и Лиза подумала, что в первый же учебный день сумела обзавестись врагом среди сокурсников. Но в это время рептилоиды, которые смущенно стояли в углу, вдруг энергично закивали, неожиданно приняв сторону Лизы.

— У нас уже есть враг, — проскрипел один из них на всеобщем русском. — Незачем его тешить.

Некоторое время все разглядывали рептилоидов, да так, что они самым натуральным образом смутились, и чешуя на их щеках задрожала.

— Ребят, а вы вообще откуда? — спросил невысокий паренек, чем-то похожий на медвежонка. То ли приземистой фигурой, то ли лохматыми ушами.

— Система Малого Жука, — с готовностью ответил первый рептилоид. Второй, похоже, был слишком стеснительным для разговоров с однокурсниками. А может, просто хотел не разговаривать с ними, а жрать их. — Мы первые студенты, которых наш народ отправил в Галактическое содружество.

— Не повезло им, — услышала Лиза вздох Анны: Колючка села рядом с ней. Она задержалась в комнате: мыла Комету, который перевернул на себя стакан яблочного сока и весь в нем извозился. — Первые — и сразу в приключения.

— Грустно это все, — вздохнул один из парней, долговязый, с причудливой татуировкой на шее. — Но может, смажем такое дело? Чтоб повеселее было?

И он вынул из внутреннего кармана пиджака плоскую бутылку, в которой соблазнительно плескалось что-то зеленовато-золотистое.

— Меня Петр зовут, — сказал парень. — А это «Озерная фея», семьдесят пять градусов. Давайте знакомиться?

Такое замечательное предложение вызвало просто бурю восторгов. Вдруг откуда ни возьмись появились стаканчики и маленькие бутерброды, запахло почти домашними соленьями. Лиза осторожно придержала Анну за руку: Колючка влилась в коллектив с такой скоростью, что любо глянуть, и была очень даже не против свести знакомство с Озерной феей.

— Лучше не надо, — сказала Лиза. — Нам чистая голова нужна.

— Разумно, — негромко добавил Сергей: староста появился словно бы ниоткуда и тихо сказал: — Я Лаверна видел пять минут назад. Он, похоже, сюда идет. И Филин с ним.

Лиза почему-то обрадовалась. Заместитель Филин казался ей порядочным человеком, с которым можно иметь дело.

Первокурсники тем временем успели опрокинуть по первой стопке, и Озерная фея показалась всем очень приятной знакомой. Петр быстренько налил всем желающим вторую — его бутылка явно была в родстве с глубоководным клатчем Лизы, и в этот момент двери распахнулись, и в зал вошел новый ректор и хозяин этих мест.

Помещение затопило густой тишиной — такой, которая бывает в туманных осенних оврагах в ноябре, когда остывает вода и ветер лениво гонит последние листья. Анна неожиданно для самой себя схватила Лизу за руку.

— Дорогие друзья! — улыбка Лаверна была просто лучезарной, верхом доброжелательности и радости. — Я хотел бы побеседовать с вами в неформальной обстановке... если вы, разумеется, не против.

Даже если кто-то и был против, он предпочел об этом промолчать. Лиза без всякого удовольствия заметила, что обаяние фейери действует на собравшихся просто сногшибательно. Девушки чуть ли не в открытую стреляли глазками, парни одобрительно улыбались. Лиза поняла, что их с Колючкой готовность устроить бунт почти провалилась.

Лаверна обожали и не считали нужным это скрывать. Фейери покорила все сердца — жаль только, что для этого ему пришлось внаглую манипулировать и студентами, и преподавателями.

Лаверн присел на ближайший стул и произнес:

— Итак, дорогие друзья. Я понимаю, что вы чувствуете определенную растерянность. Вы не знаете, что делать, какой будет ваша дальнейшая судьба.

Студенты дружно закивали. Неудивительно, что никто не думает про бунт, хмуро подумала Лиза. Вон как смотрят на эту сволочь, чуть слюной не капают от обожания.

— Спешу вас заверить: вы получите ваши знания и ваши дипломы. Это даже не обсуждается, — улыбнулся Лаверн. — Помимо этого вы получите особые знания в фоносемантике — особые настолько, что их можно будет назвать магией. Слово имеет огромную власть и невероятную ценность. И вы все это получите, друзья мои.

Чернявая девушка незамедлительно решила брать быка за рога.

— И что, вот этим словом, например, можно будет парня приворожить? — поинтересовалась она с недюжинной хваткой.

— Ангелина, дорогой мой цветок, — обворожительно улыбнулся Лаверн, и в воздухе тотчас же повеяло тяжелым ароматом розового масла. — Вам никого не надо привораживать, все и так у ваших ног.

Ангелина якобы смущенно отвела взгляд, но торжество, охватившее девушку, было трудно скрыть. Почти все парни смотрели на нее с нескрываемым интересом, и она наверняка подсчитывала приглашения на свидание.

— Но если говорить более конкретно, то да, вы сможете приворожить, кого захотите, — Лаверн посмотрел на одну из девушек, которая выглядела явной серой мышью, и та сразу же залилась румянцем ярче платья Ангелины. Должно быть, обрадовалась тому, что сумеет

приворожить какого-нибудь принца. — Сможете поворачивать реки вспять и выращивать деревья из пылинок. Заставите мир крутиться вокруг вас. Впрочем, все это мелочи, которые я вам оставлю, когда уйду.

Фейери повел плечами, и стильный костюм лимонного цвета стек с него, уступив место королевскому плащу, расшитому звездами. Кто-то восторженно ахнул.

— Я научу вас раздвигать границы миров, — проникновенно проговорил Лаверн, — и вы сможете открыть ворота туда, где я жил раньше. Задолго до того, как возникло человечество, это милое недоразумение. Затем я уйду, а вы останетесь с вашими новыми талантами... я полагаю, они в корне изменят вашу жизнь.

Лиза скользнула взглядом по лицам притихших однокурсников и спросила:

— А гарантии? Чем ты докажешь, что не используешь нас вслепую?

Лаверн обезоруживающе улыбнулся, развел руками.

— Мое честное слово, — ответил он. — Вам этого мало?

Сокурсники зашумели. Зачарованные фейери, они сейчас готовы были в буквальном смысле слова разорвать Лизу на шмотья: она осмелилась сомневаться в их новом кумире. Анна вновь сжала руку подруги. Мол, ты помолчи лучше, потом разберемся.

— Думаю, этого вполне достаточно, господин ректор, — практически пропела Анна. — Мы вам верим.

Лиза презрительно фыркнула и поднялась. Внутренний голос говорил ей, что не стоит лезть на рожон — но она сейчас при всем желании не смогла бы остановиться. Ее понесло.

— Вы что? — обернулась она к студентам. — Вы ему верите, да?

Кто-то засвистел, и в плечо Лизы ударился огрызок яблока. Если несколько минут назад студенты готовы были бунтовать против Лаверна, то теперь все изменилось, и Лизу почти до икоты испугала эта перемена.

Что они с ней сделают, если он прикажет? Убьют?

— Несносная девчонка, — устало вздохнул Лаверн и хлопнул в ладоши.

«Когда мы сможем их снять?»

«Когда я захочу».

Платье на Лизе зашевелилось, задрожало, растекаясь в воздухе туманными каплями. Кажется, кто-то изумленно вскрикнул — Лиза вскинула было руки, порываясь прикрыть обнаженную грудь, но потом подумала и не стала.

Раз уж стоишь перед всеми с голой задницей, постарайся удержать марку, не расплакаться и не сломаться. Лаверн, дрянь такая, хочет именно этого — чтоб Лиза разревелась со стыда, чтоб полностью покорилась.

Никогда этого не будет. Никогда.

Лиза опустила руки, посмотрела Лаверну в глаза и презрительно промолвила:

— Это все, что ты можешь, да?

Тишина была настолько плотной, что, казалось, ее можно было резать ножом. Лаверн смотрел на Лизу, и за невозмутимостью на его холеной физиономии проступало удивление.

И Лиза поняла, что победила.

Улыбнувшись, она кивнула собравшимся и неторопливой модельной походкой двинулась к выходу, изо всех сил стараясь не расплакаться от стыда и от чужих взглядов.

Получилось. Расплакалась она потом.

Вопреки опасениям Анны, первый учебный день прошел вполне спокойно. Самые обычные уроки, почти как в школе. Ангелина, с подачи Лаверна уверенно примерившая на себя корону

первой красавицы факультета, презрительно фыркала, косясь в сторону Анны и Лизы, но девушки дружно старались не обращать на это внимания. Они не собирались ни ссориться с ней, ни уж тем более, конкурировать. Но было ясно: Ангелина всегда готова к открытому противостоянию с новыми заклятыми подругами.

На Лизу было жалко смотреть. Она вздохнула и ревела весь вечер, Анна сидела рядом, пытаясь успокоить соседку и понимая, что все ее слова лишены смысла. Что бы она чувствовала, если бы ее вот так раздели перед всем курсом? Умерла бы от стыда — по крайней мере, не смогла бы никому смотреть в глаза.

Лаверн, конечно, сволочь, Анна привыкла к тому, что он постоянно творит какие-то пакости — такова, в конце концов, природа фейери — но в этот раз он действительно перегнул палку.

Лиза, надо сказать, держалась очень хорошо, с каким-то равнодушным достоинством. Разумеется, на нее все тарасились, но она держала спину прямо и не обращала внимания на чужие взгляды. Анна обнаружила, что многие студенты смотрят со смущением и стыдом — должно быть, им было неудобно от того, что вчера они настолько рьяно поддержали Лаверна.

Неловкость была естественной: приятного мало, когда в твоей голове копаются. И используют тебя в своих целях так, что ты этого не замечаешь.

После четвертой пары из деканата прислали дополнение к расписанию: индивидуальные занятия с новым ректором, и Анна с неудовольствием обнаружила, что стоит первой в списке. Лиза, которая была на втором месте, резким движением выключила планшет и сказала:

— Никуда я не пойду.

Сергей, сидевший рядом, задумчиво посмотрел на нее и сказал:

— Нет смысла, Лиз. Ты не пойдешь сама — он возьмет и притащит тебя. Сомнительное удовольствие, сама понимаешь. Я бы все-таки не связывался.

— Я попробую его переубедить, — вдруг сказала Анна. Лиза удивленно посмотрела на нее, и та добавила: — Попрошу его оставить тебя в покое. Вдруг послушает?

Лиза посмотрела так, что стало ясно: не послушает. Потому что знает какую-то тайну Анниной соседки, и эта тайна очень нужна Лаверну. Можно даже не стараться.

Кабинет для индивидуальных занятий располагался в одной из башен, на самом верху. Шагая по коридору в направлении, которое подсказывал маячок планшета, Анна не могла избавиться от ощущения, что снимается в кино. Это ведь средние века какие-то! Высокие колонны, которые взмывают под потолок и превращаются в изящные раскрытые зонтики из камня или причудливые кроны деревьев; гобелены на стенах, изображающие мифических животных, винтовая лестница... Анне было и радостно и жутко — новый вид академии ей нравился, но она никак не могла к нему привыкнуть.

Впрочем, кабинет, выбранный Лаверном для занятия, выглядел вполне современно. Единственной вещью в стиле фейери была пышная виноградная лоза, которая вилась по стене, выбегая из пластикового стаканчика из-под кофе, небрежно брошенного в угол. Сапфировые гроздья готовы были брызнуть прохладным соком.

Дверь захлопнулась неожиданно громко. Анна вздрогнула.

— Привет, несносная девчонка, — без улыбки промолвил Лаверн. Он сидел за столом, легко скользил пальцами по экрану планшета, смотрел на таблицы, которые разбегались пестрым веером. — Как учеба?

— Вроде бы неплохо, — Анна пожала плечами и осмотрелась: сесть было некуда. — Мне нравится.

— Разумно, — кивнул Лаверн. — Ты очень талантлива. Я до этого молчал, не хотел, чтоб ты зазналась. Но в тебе не просто искра — в тебе уже пламя.

Анна вдруг обнаружила, что не знает, куда девать руки. Она поняла, что Лаверн не врет, и ей вдруг стало очень неловко, словно она в чем-то провинилась, но не знала, в чем именно. Что сказал бы отец, если бы узнал о том, что у единственной дочери, оказывается, есть магические способности?

Отец и не узнает. Наверняка Лаверн уже отправил всем родителям всех студентов вполне

правдоподобные письма от их чад. И написано там только то, что он сочтет нужным раскрыть.

— Что я должна буду делать на этих занятиях? — негромко спросила Анна.

Лаверн выключил планшет и поднялся со стула — тот вздрогнул и медленно пополз к стене. Анна едва не ахнула, увидев, что это была большая золотая черепаха с причудливым узором из виноградных листьев на панцире.

— Учиться, — просто ответил Лаверн. — Держать глаза зрячими, а разум — открытым. Ты будешь здесь, везде и всегда, девчонка. Я научу.

Угрюмо простояв возле кабинета для индивидуальных занятий, Лиза вздохнула и села прямо на пол. Ну а что, здесь чисто. Из кабинета не доносилось ни звука — если бы не красный огонек, порхающий над дверью, то можно было подумать, что Колючка и Лаверн давным-давно куда-то ушли.

И чего они там так долго возятся?

Настроение было ни к черту. Лиза прекрасно понимала, что ничего хорошего ждать не придется. Лаверн с необыкновенной легкостью опозорил ее перед всеми однокурсниками — просто так, почти без причины. Теперь еще и на индивидуальные к нему ходи... Что он выдумает, какую новую пакость?

Красный огонек стал медленно терять насыщенность и вскоре стал изумрудно-зеленым. Лизе показалось, что она чувствует запах свежескошенной травы, росы и луговых цветов. Дверь открылась, выпустив в коридор Анну — Колючка выглядела растерянной, словно только что очнулась от сна и никак не могла сообразить, где же находится.

— Ну как? Что там было? — Лиза поднялась с пола и снова удивилась тому, насколько опустошенной выглядит Колючка. Та оторопело посмотрела на соседку и едва слышно промолвила, слепо дотронувшись до виска:

— Что было... я не помню...

Анна встряхнула головой, похлопала себя по щекам, и Лиза подумала, что такие индивидуальные занятия не нравятся ей все больше и больше.

— Ну что? — чуть ли не испуганно спросила она. — Оклемалась? Может, тебя проводить?

— Нет-нет, — слабо улыбнулась Анна, и Лиза с облегчением заметила, что Колючка выглядит более осмысленно. — Я уже в порядке.

— Эх, хочется верить, — вздохнула Лиза, и из кабинета тотчас же донесся голос Лаверна:

— Ломинцевская, вас долго ждать?

Лиза презрительно фыркнула и пошла в кабинет.

Вопреки ее ожиданиям, обстановка была вполне цивилизованной — если, конечно, не учитывать пару золотых черепах, которые довольно шустро ползали по полу. Когда за Лизой закрылась дверь, черепахи замерли, превратившись в изящные пуфики с золотой обивкой. Лаверн опустился на один из них и указал на второй:

— Присаживайся, не стесняйся.

Лиза осторожно села на пуфик, прикидывая, как бы не свалиться, если он вдруг захочет сбежать у нее из-под задницы. Лаверн мягко улыбнулся — надо же, сама скромность и невинность! — и произнес:

— Для начала прошу простить меня за вчерашнее происшествие. Я вел себя так, как не подобает джентльмену. Надеюсь, ты достаточно добра, чтоб проявить снисхождение.

Лиза нахмурилась. Меньше всего она ожидала таких вот чопорных извинений и уж никак не могла поверить в то, что Лаверн искренен. Наверняка врет и не краснеет, зараза такая, и ни капельки ему не стыдно.

— Это было ужасно, — откровенно призналась Лиза. — Все на меня тарасились. Как я теперь учиться буду?

Лаверн только рукой махнул.

— Хочешь, они всё забудут? Мне это ничего не стоит.

— Хочу! — выпалила Лиза прежде, чем подумала, что надо бы спросить об условиях такой щедрости. Лаверн поднялся с пуфика-черепахи и довольно произнес:

— Ну вот. Все забыто. Будем считать, что это была моя маленькая персональная радость.

Лиза выдавила из себя презрительную ухмылку.

— Что, настолько понравилось? — спросила она, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. Лаверн приблизился к ней и опустил руку на плечо — словно сухая ветка упала.

— Дерзкая девчонка, — фыркнул он. — Ладно, начнем работу!

Некоторое время ничего не происходило. Лиза сидела, Лаверн стоял рядом, и его прикосновение было каким-то холодным, неживым. Лиза понимала, что должна что-то почувствовать — но не ощущала ровным счетом ничего. Только звонкую пустоту, которая бывает в ноябрьской роще, когда листья давным-давно облетели, и вот-вот пойдет снег.

— Странно, — наконец, произнес Лаверн. — Очень-очень странно.

— Что? — Лиза услышала испуг в своем голосе.

— Ты непроницаема, — произнес фейери. — Ты полностью закрыта для магии. Никогда ничего не сможешь сделать.

Несколько мгновений Лиза сидела молча, пытаясь разобраться с тем, что только что услышала, а затем спросила:

— А как же платье?

— Что «платье»? — ответил Лаверн вопросом на вопрос. — Я воздействовал на ткань, а не на тебя.

— А как ты узнал, что я из прошлого? — растерянно спросила Лиза. — Ты ведь использовал магию?

— Нет. Я увидел это без магии, — ответил Лаверн и снова сел на пуфик. Фейери выглядел удивленным, очень удивленным — и видит бог, Лиза не верила ни единому его слову.

— Но если это так... — осторожно начала она, — то я тебе не нужна. И ты можешь меня отпустить...

Лаверн расхохотался так, что отдалось по всему замку, а с потолка посыпались золотые снежинки.

— Отпустить? — переспросил он. — Ни в коем случае. Девчонка, это совершенно невозможно! Как ты вообще могла такое вообразить?

Лиза растерялась окончательно.

— Ты золотое яйцо, в котором спит дракон, — объяснил Лаверн. — И я собираюсь разбудить его.

Колючка лежала на кровати и, судя по бледному лицу, чувствовала себя неважно. Комета прыгал рядом, рассыпая по воздуху звездочки, словно это могло как-то подбодрить его хозяйку. Сергей, решительно взявший на себя заботы об Анне, хлопотал возле блока питания, пытаясь сообразить именно такой бульон, который готовила его бабушка.

Его индивидуальное занятие с Лаверном было назначено на завтра — еще можно было ни о чем не беспокоиться.

Лиза бросила планшет на стол и последовала примеру Колючки, устало растянувшись на кровати. Силы покинули ее неожиданно: вроде бы только что она твердо держалась на ногах, а теперь комната качалась и плыла куда-то, и останавливаться не собиралась.

— Лиза, ты жива? — подала голос Анна.

— Ты не говорила, что от него так плющит, — пробормотала Лиза. Анна издала жалобный вздох.

— Я не знала...

— Ладно, инвалидная команда! — бодро сказал Сергей: он, похоже, никогда не терял присутствия духа. — Вы пока лежите, а я расскажу вам, что успел узнать про нашего нового ректора.

— Ого! — у Анны хватило сил на изумленное восклицание. — Ты времени даром не теряешь!

— Когда успел-то? — Лиза была удивлена не меньше. Вроде бы староста, сидевший рядом с ними на занятиях, не отрывался от тетрадей и ручки. Вот ведь: цивилизация достигла невиданных высот, а в учебных заведениях по-прежнему пишут ручкой на бумаге, считается, что это развивает мозг.

— Успел, — Сергей улыбнулся и, вынув из своей тетрадки смятый листок, произнес: — Итак, фейеры, легендарный дивный народ. Волшебные пакостники и мерзавцы, лукавые и мстительные, причиняют вред под видом добрых намерений.

— Вот! — воскликнула Лиза. — Так и есть! Сплошные гадости!

Анна устало кивнула и попробовала сесть, но почти сразу же вновь изможденно вытянулась на кровати.

— Как ты это узнал? — спросила Лиза и тотчас же поспешила добавить: — Если Лаверн управляет системами академии, то он просто мог подсунуть тебе то, что счел нужным.

Улыбка Сергея была веселой и хитрой, прямо под стать фейеры.

— Компьютерные системы — да, контролирует, — сказал он, — но я ими и не пользовался. Сходил в библиотеку, посидел четверть часа с бумажными книгами. Он хитер, а я востер.

Девушки невольно рассмеялись — правда, смех тотчас же отдался спазмом в животе.

— Так вот, — продолжал Сергей. — В первую очередь я искал средства защиты от фейеры, и знаете, что? Это железо, чистая древесина и хлеб, представляете?

Все трое разочарованно посмотрели друг на друга. Синтетический хлеб, который готовился из молекулярных капсул, вряд ли мог как-то повлиять на фейеры. Что уж говорить о железе и дереве! Все вещи во Вселенной давным-давно делались из синтетических сплавов.

— Хреново, — вздохнула Лиза. Похоже, проклятый фейеры, захвативший академию, был непобедим. Но Сергей и тут не сдавался.

— Есть у меня одна идея, — сказал он. — Кавалетта, один из плавучих городов ганимедян. Вы, наверно, не знали, но ганимедяне поклоняются статуе своего бога, которая сделана — внимание! — из железа!

Сергей обвел девушек довольным взглядом, но почти сразу же сник: его информацию не оценили.

— Ну офигеть теперь, — буркнула Лиза. — Нам надо покинуть базу, добраться до города этих криветок, свистнуть у них статую бога, которую наверняка караулят похлеще Мирового правительства, и вернуться с этой статуей обратно. Делов-то, на пять минут.

— Если у тебя есть идея получше, — недовольно сказал Сергей, — то я ее с удовольствием выслушаю.

Лиза хотела было ответить, но в это время дверь пискнула и открылась, пропуская в комнату заместителя Филина. Лиза и Анна попробовали сесть, но Филин только рукой махнул.

— Лежите, — сказал он. Осмотрелся, взял стул, сел — не утруждая себя просьбами о разрешении. — Как самочувствие после индивидуальных?

— Сами видите, — ответила Лиза. Почему-то заместитель Филин ей сегодня не нравился, она и сама не знала, почему. Тот сверился с какой-то таблицей в планшете и сказал:

— Вам, Ломинцевская, индивидуальные ставят ежедневно. Вам тоже, Эверетт. Одна

талантлива до гениальности, — заместитель Филин кивнул в сторону Анны, а затем выразительно посмотрел на Лизу и добавил: — А вторая, я цитирую, тупая, как дерево.

Лиза презрительно фыркнула. От Лаверна она ничего другого не ожидала. Но раз она такая тупая, то и оставил бы он ее в покое... Филин вдруг резко обернулся к Сергею и приказал:

— Ваши записи, Гершензон. То, что вы сегодня искали в библиотеке. Показывайте.

— У меня ничего нет, — сказал Сергей с таким честным видом, что Лиза поверила ему — несмотря на то, что несколько минут назад он держал в руках исчерканный листок.

— А в кармане? — поинтересовался Филин. Сергей полез в карман, вынул бумагу и протянул ее заместителю: тот вчитался в пляшущие некрасивые буквы и переспросил:

— Пушкин? Письмо Онегина к Татьяне?

Сергей кивнул.

— Так точно. Хотел девушке признаться... ну, в любви. А лучше Пушкина никто... сами понимаете.

Филин покачал головой.

— Ловкий вы парень, Гершензон. Даже слишком ловкий.

— А чего теряться? — Сергей улыбнулся и осторожно вытянул из пальцев Филина свой листок — сопротивления это не вызвало. — Хороших надо сразу брать.

— Вы, ребята, замышляете очень опасное дело, — без улыбки произнес Филин. — И я уверен, что вы и близко не понимаете, с кем именно собираетесь столкнуться лоб в лоб. Силенок не хватит.

— Понимаем, — вдруг сказала Анна. Ее голос прозвучал устало и сурово. — Я много лет провела бок о бок с этим существом. Я-то понимаю лучше всех.

— Вы-то откуда знаете? — Анна вдруг поняла, что ее наполняет злость. — Вы вообще... вы на чьей стороне?

Филин посмотрел на нее так, что Лиза сразу же умолкла.

— Можете мне поверить, — сказал он. — Не на стороне чудовищ.

— Я так понимаю, вы очень невнимательно прочли ту часть памятки для студентов, где рассказано о структуре академии звездного флота.

Теперь, когда стало ясно, что Филин им скорее друг, чем недруг, Лиза взбодрилась, и заместитель снова начал ей нравиться. Хороший мужик, настоящий разведчик в тылу врага. Лишь бы зараза Лаверн не разоблачил его. Филин и Комете нравился: щенок ластился к нему так, словно любил заместителя больше всех на свете. Звездочки так и летели во все стороны.

— Так вот, наша база — это еще не вся академия, — по губам Филина скользнула хитрая улыбка. — Конечно, Лаверн ее захватил и теперь тут царствует и правит. Но ректорат и вся верхушка академии находятся на Земле.

— То есть, у нас есть шанс? — с надеждой спросила Анна. Колючке полегчало, она даже смогла сесть на кровати. Лиза так и валялась киселем или чем еще похуже.

Несмотря на общую слабость, Лиза все-таки заметила, что Сергей смотрит на ее соседку, словно кот на сало. Недаром, видно, Пушкина приплел. Ну что ж, совет да любовь. Сама она меньше всего собиралась крутить с кем-то романы.

— Разумеется, — кивнул Филин. — Конечно, все отчеты с первой базы переписаны так, как нужно нашему новому «ректору». Но вот о том, что после нового года к нам лично приедет настоящий ректор, Лаверн пока не знает. И я надеюсь, что не узнает. Он, конечно, хитрая bestия, но ему подвластно далеко не все. И это дает нам надежду.

— Вы ведь его знаете, — вдруг сказала Лиза. По лицу Филина скользнула тень: заместитель отлично владел собой, но Лиза все равно заметила, как на миг его лицо потемнело.

— Знаете, — уверенно повторила она. — Откуда?

Сергей и Анна насторожились. Даже Комета перестал охотиться за собственным хвостом и наострил ушки.

— А это, дети мои, пока не вашего ума дело, — хмуро произнес Филин. — Много будете знать, значит, что?

— Скоро состаримся, — протянули ребята. Филин довольно улыбнулся и добавил:

— А поэтому занимайтесь своими непосредственными делами. За прогулы сто шкур спущу. То, что у нас ректор король эльфов, еще не значит, что можно не делать уроки.

С этими вдохновляющими словами заместитель поднялся и, улыбнувшись на прощание, покинул комнату. Из коридора тотчас же донесся встревоженный механический писк, и голос робота подобострастно заговорил:

— Ой, Андрей Петрович, доброго вам вечерочка. Позвольте, я вам ботиночки метелкой обмахну, а то у этих первокурсников такой срач стоит, что я сегодня два фильтра у них загубил.

— Что он врет! — возмущенно воскликнула Анна. — Нет у нас никакого... этого самого!

Грубое слово явно смутило Колючку.

— Конечно, нет, — в комнату заглянула круглая голова робота, и все увидели, что на блестящем брюшке у него каллиграфическим почерком выведено: «Федор Сергеевич, руководитель клининга». Почерк несомненно принадлежал Лаверну. — Я же тут все вычистил, мешки вы бессовестные. С мясом.

— Задолбал! — рывкнула Лиза и швырнула в робота стакан. Робот ловко скрылся за дверью, а стакан ударился в стену и упал на ковровое покрытие.

— Еще и косоглазые, — презрительно хихикнул робот и, насвистывая какую-то песенку, покатился по коридору. Сергей фыркнул и покачал головой.

— Вот зараза! — промолвил он, и Анна добавила:

— Еще и бессовестная.

— Зеленая фея, зеленая фея, — с легкой издевкой напевал приятный мужской голос. — Объятья твои все теплей и милее...

Филин кашлянул, попробовал перевернуться на спину, но собственное тело казалось деревянным. Как, впрочем, и всегда после хорошей выпивки. Он никогда не выходил в академическое кафе, предпочитая напиваться в собственной комнате — Филин прекрасно понимал, что никто не должен его видеть в таком состоянии: жалкого, ничтожного, достойного только презрения.

А напивался он, как правило, до полного безобразия. Не мог остановиться и не считал нужным это делать.

— А это что? — поинтересовался голос, и Филин понял, о чем именно спрашивают. О разноцветной соли, аккуратно разделенной на тонкие полоски. Привычка со студенческой юности, от которой Филин тоже не собирался отказываться. В конце концов, это никому не мешало, а прием всего одной таблетки практически мгновенно устранял все последствия.

Филин услышал тихие шаги.

— А, ну конечно. Как я сразу не догадался. Еще одна зеленая фея. Правильно, так веселее.

— Ты все такой же, — сумел выдавить Филин. Лаверн негромко рассмеялся.

— И ты такой же. А зачем нам меняться? Вроде бы все и без того хорошо?

Филин мог бы с этим поспорить, но не стал. Сумев-таки перевернуться, он с трудом разлепил веки и увидел Лаверна, беспечно сидящего на стуле. В комнате вместо привычной вони перегара царил легкий аромат сосновой хвои и земляники — словно бы гуляешь по лесу, рвешь ягоды, слушаешь жужжание пчел...

— Ты меняешь запахи окружающего мира, — промолвил Филин. — Раньше ты выглядел иначе,

но вот эта перемена ароматов...

Лаверн поклонился.

— К вашим услугам, Андрей Петрович. Вы, самое главное, не волнуйтесь так. Ректор академии сюда не прилетит.

Филина словно ледяной водой обдали. Не понадобилось таблеток, чтоб снять последствия выпитого и употребленного: он моментально пришел в себя.

— Почему? — только и смог спросить он. Фейери рассмеялся. Филин увидел, как из-под носков его туфель, прямо из коврового покрытия, пробиваются мускари, качают упрямыми темно-сиреневыми головками.

— Я здесь, я везде, я всегда, — мелодично проговорил Лаверн. — Первой базы больше не существует — ни для кого. Я стер ее и ее обитателей из мира.

От таких новостей Филин сел, свесил ноги с кровати и подумал, что ему срочно требуется выпивка, и побольше. Получается, это существо оказалось намного сильнее, чем все они полагали. Получается, оно... «А ничего не получается, — вдруг подумал Филин, — все он врет. Потому что если он способен стереть из реальности целую космическую базу так, чтоб никто не вспомнил, что она вообще есть на свете, то на кой черт ему нужны помощники? Врет, как дышит».

Он искренне надеялся, что его физиономия выражает только изумление.

— Ловко, — похвалил Филин. — Очень ловко. То есть, родители студентов забыли, что у них есть дети? А звездный флот забыл про целую базу?

Лаверн рассмеялся чуть ли не смущенно.

— Здорово, правда?

— Мне бы умыться, — произнес Филин. Лаверн с готовностью кивнул.

— О, разумеется. Я подожду вас, Андрей Петрович.

Когда Филин, освеженный и чисто выбритый, вышел из душа, то Лаверн уже успел подготовить для него бокал воды и таблетку. Филин послушно проглотил маленький оранжевый шарик, запил минеральной водой. Вот теперь все в порядке: по телу прошла дрожь, затылок лизнуло холодком, и алкоголик и наркоман снова стал заместителем декана, управленцем и чиновником от образования.

Осталось только одеться.

— Так чем обязан? — поинтересовался Филин. Фейери явно пришел к нему в такую рань не просто так.

— Самая малость, — Лаверн очаровательно улыбнулся и сделал молниеносный выпад правой рукой.

Боль, пронзившая Филина, была такой, что на мгновение перед глазами потемнело, а уши наполнило вязким назойливым звоном. «Да он меня убил...» — оторопело подумал Филин и опустил взгляд вниз в полной уверенности, что сейчас увидит рапиру, торчащую из его живота. Но ничего подобного: на его белоснежной футболке не было крови, а звон в ушах медленно уплыл куда-то в сторону. Филин обнаружил, что Лаверн заботливо поддерживает его под руку и внимательно заглядывает в лицо.

— Дышать можете? — спросил фейери. — Дышите.

Филин послушно сделал несколько вдохов и выдохов. Кончики пальцев зудели — поднеся руку к лицу, Филин увидел, что по пальцам бегают бледно-голубые огоньки.

— Не бойтесь, — ласково промолвил фейери. — Меня не надо бояться.

— Что вы со мной сделали? — прошептал Филин. Воздух наполнялся тяжелым дыханием идущего шторма, и Филин понимал, что это исходит от него, а не от Лаверна.

— Немного улучшил вас, — улыбнулся фейери. — Самую малость.

— Это просто ужас какой-то, я так не могу!

— У меня уже голова болеть от этих глаголов!

— Не «болеть», а «болит».

Студенты-рептилоиды, сидевшие в читальном зале библиотеки, хмуро готовились к практическому занятию по общегалактическому русскому, периодически взрываясь нервными воплями, и Анна, которая слушала их краем уха, думала, что этим ребятам придется приложить серьезные усилия.

Ее самые уроки почти не волновали. Она боялась практических занятий с Лаверном.

Фейери изменился: это было не то существо, к которому Анна успела привыкнуть, и это пугало ее все больше и больше. Если раньше у нее создавалось впечатление, что Лаверн видит в ней и остальных милых домашних питомцев, то теперь Анне казалось, что все они — инструменты в его руках. Плохо сделанные, непослушные инструменты, которые необходимо улучшить, чтоб сделать какую-то непонятную и странную работу. Если раньше она смела надеяться, что хоть чуть-чуть понимает Лаверна, то теперь он пугал Анну своей полной непредсказуемостью. Легкомысленный болтун постепенно исчезал, открывая облик таинственного пугающего создания, какого-то запредельного существа из мрачных глубин мира.

Заместитель Филин говорил о личном визите ректора. Но что если ректор просто не успеет? И Лаверн без всяких препятствий завершит задуманное? Получалось, что надежды нет — и это было просто невыносимо.

В кабинет для индивидуальных Анна вошла, не чувствуя ног. Лиза, которая вышла в коридор, выглядела бледной и вымотанной. На вопросительный взгляд соседки она только рукой махнула, ничего не сказала и поплелась к лестнице.

— Что тебе нужно? — спросила Анна, едва только дверь закрылась за ее спиной. Фейери, стоявший у окна и смотревший, как над башенками кружит стайка золотисто-зеленых колибри, даже не обернулся в сторону девушки.

— На самом деле я хочу вернуться домой, — негромко произнес он. — Туда, где мой настоящий дом. Только и всего.

От этой фразы повеяло холодной сыростью осенних болот и горьким запахом мертвой травы. Анна вдруг увидела: черные деревья тянут в небо мокрые скрюченные пальцы, сыплет мелкий бесконечный дождь, по бурой траве неторопливо шествует огромный ворон... Неужели это и есть дом Лаверна?

— Мне казалось, ты просто поехал за мной потому, что тебе было скучно, — проговорила Анна. Наваждение исчезло, она снова стояла в кабинете для занятий. Ей хотелось добавить «... потому что ты не хотел со мной расставаться» — но она промолчала.

До этого Анне верилось, что фейери испытывает к ней какую-то привязанность и теплую симпатию. А теперь это чувство ушло. Да и была ли в нем нужда? Раньше Анна была одна, а теперь у нее были Лиза, Сергей и Комета...

— Ох, девчонка... — вздохнул Лаверн. — Конечно, ты мне дорога. Конечно, я привязался к тебе. Но если ты захочешь более тесно пообщаться с тем мальчиком, который влюблен в тебя по уши, то я не против.

На какое-то мгновение Анна лишилась дара речи. Ощущение было таким, словно хозяин отдавал кошку, прибывшую к его дому, в руки нового владельца. Но она-то, Анна, не кошка!

Только потом она осознала вторую часть сказанного.

— Что? — растерянно переспросила Анна. — Кто влюблен по уши? О чем ты?

— Староста вашего курса, — ответил Лаверн и в следующую минуту уже стоял рядом. Анна смотрела и снова видела того ворона, ходившего по траве. На голове птицы красовалась корона из мелких косточек, переплетенных золотой проволокой.

— Что ты видишь? — негромко спросил Лаверн. Его голос шел откуда-то издалека, из-под толщи воды.

— Ты сделал это специально, — промолвила Анна. — Ты влюбил его в меня, чтоб я тебе не

мешала.

— Влюбить невозможно, — сказал Лаверн таким скучным тоном, словно речь шла о чем-то вроде манной каши. — Приворожить — да. Пусть ненадолго, но можно, если, конечно, наплевать на последствия. Но влюбить по-настоящему? Ни в коем случае. Наслаждайся искренними чувствами, девчонка, и скажи, что ты видишь?

Анна отвела взгляд и ответила:

— Ворона. Большого ворона в короне.

— Очень хорошо! — воскликнул Лаверн. — Он там один?

— Один, — кивнула Анна. Если бы этих воронов было несколько, она бы уже орала от страха: птица вызвала какой-то липкий непонятный ужас. Словно это было какое-то жуткое, непостижимое существо, по прихоти принявшее облик ворона. За чернотой его перьев скрывалась первобытная космическая тьма — без разума и без пощады.

— Это замечательно, — ласково сказал фейери и одобрительно погладил Анну по плечам. — Ты умница, хоть и невыносимая. Сделала нужное упражнение без всяких усилий.

Анне даже спрашивать не хотелось, что это за упражнение. Ничего хорошего, понятное дело. Лаверн вновь улыбнулся и подтолкнул ее к дверям.

— Иди. Наслаждайся искренней любовью...

И уже в коридоре Анна услышала последнюю часть фразы — услышала и окаменела от накатившей волны паники:

— Пока Царь-Ворон не пришел.

Лиза не видела тяжелой поступи Царя-Ворона по осенней траве — она вообще ничего не видела. Занятие с Лаверном прошло впустую — то есть, это Лиза так считала. Сам же фейери был очень доволен. Они провели вместе целый час: Лиза сидела на стуле, Лаверн стоял рядом, опустив руку ей на плечо, и больше ровным счетом ничего не происходило. За окном порхали дроны-колибри, по транспортной ленте, ставшей мощеной дорогой, чинно вышагивали белые носороги, и время тянулось невыносимо медленно.

— Ты что-нибудь чувствуешь? — поинтересовался Лаверн в итоге. Лиза пожала плечами. У нее затекла нога, и очень хотелось есть.

Она так и сказала Лаверну:

— Нога болит и есть охота.

— Чудненько, — сладко улыбнулся Лаверн. Лиза ухватила самый краешек того травяного духа, который поднимается с полей, пропитанных полуденным солнцем. — Но нам еще предстоит большая работа, девчонка. Очень большая. Царь-Ворон должен получить по клюву.

Лизу охватило холодом. От этого имени веяло могильной сыростью, расклеванными костями погибших воинов, тьмой дождливых ноябрьских вечеров.

— Кто это? — испуганно спросила она. — Царь-Ворон... кто это?

По лицу фейери скользнула тень печали. Лиза подумала, что сейчас, в эту минуту, Лаверн настоящий. Не тот ядовитый пакостник, который только тем и занят, что подстраивает каверзы — перед ней было почти драматическое существо.

— Я хотел рассказать потом, — признался Лаверн. — Ну да ладно... Царь-Ворон — это тот, кто полностью истребил мой народ и изгнал меня. Это было очень давно, если считать вашими мерками. Вы, люди, тогда еще лазали по деревьям. А для меня все это случилось вчера. Я владел замками в небесах, а меня загнали под холмы, к корням трав.

Лизе стало грустно. Она прекрасно понимала, каково это — лишиться дома, потерять всех, кого любишь, утратить то, что привязывает тебя к жизни. Они с Лаверном были похожи, вот только ей повезло встретить Михайлину Ломинцевскую.

А он никого не нашел.

— Я тебе помогу, — вдруг сказала Лиза. — Ты ведь хочешь вернуться и победить этого Царя-Ворона, так я тебе помогу. Только ты потом отправишь меня обратно.

Лаверн удивленно посмотрел на нее. Должно быть, он ожидал от Лизы всего, чего угодно — только не этих слов. Не искренности и желания поддержать.

— Ты хочешь вернуться в прошлое? — уточнил он. — На Землю?

Тоска, уколотившая Лизу, была настолько невыносимой, что она испугалась, что сердце сейчас остановится. Да, она привыкла к новому миру, да, она смогла освоиться в нем и смириться, но каждую ночь ей снился дом и мама. Каждую ночь. Когда Лиза просыпалась, ее подушка была мокрой от слез.

Она навела справки в архивах: спустя несколько лет после исчезновения Лизы мама родила еще одного ребенка, Павла. Его потомок, генерал Вадим Фомин, усмиритель бунтующих окраин системы Пеликана, ни за что бы не поверил, что Лиза Ломинцевская — его очень дальняя родственница.

— Я хочу домой, — призналась Лиза, и голос вдруг дрогнул: — Я к маме хочу...

— Ну, ну, — Лаверн снова подошел, погладил ее по плечу, словно искренне хотел поддержать, но не знал, как это делается. — Я ни разу не пробовал пересекать реку времени, девчонка. Мне, честно говоря, страшно это делать. Но думаю, вдвоем мы справимся.

Лиза шмыгнула носом и провела ладонью по лицу.

— Что от меня потребуется? — спросила она. Лаверн одобрительно улыбнулся. Миг откровения закончился, теперь перед Лизой вновь был язвительный фейери, ни единому слову которого не стоило верить.

— Ты пока пуста, — сказал он. — Тебе нужно стать моим щитом. Не накапливать магию, как это делают остальные — отбивать ее. Тогда яйцо расколется, и дракон вырвется на свободу.

Лаверн сделал небольшую паузу и добавил:

— Ты умница, девчонка. Ты обязательно справишься.

Глава 4

Филина рвало.

Когда все закончилось, он стер со рта нитку слюны и дрожащей рукой нажал на кнопку смыва. Чертов Лаверн! До этого все всегда было хорошо, Филин отроду не имел привычки маяться животом, мог переварить даже сверхострую стряпню с Андромеды, и ничего ему не было. Но теперь...

Придется какое-то время посидеть на хлебе и воде. Прощай, маленькая радость в жизни — хорошая еда. Собственно говоря, одна из последних радостей.

Филин умылся, убедился в том, что выглядит, в общем-то, нормально и, выйдя из туалета, доковылял до своего рабочего стола и без сил рухнул в кресло. Посидев несколько минут без движения, Филин придвинул к себе рабочий планшет и скользнул пальцами по экрану.

Его интересовали новости.

Сайт академии открылся сразу — Филин поблуждал по его разделам, нашел свой факультет и открыл раздел новостей. Некоторое время он с кривой усмешкой рассматривал снимки, убедившись, что Лаверн все продумал до мелочей. Вот репортаж с праздничного выступления в честь начала нового учебного года. Аберфорт поздравляет студентов, декан Лю Шень довольно говорит о перспективах, вот и сами студенты сидят с крайне интеллигентными лицами... Все рады, всем хорошо.

И всё обман. Никто и представления не имеет о том, что творится на первой базе.

Филин брезгливо отодвинул планшет и обмяк в кресле. В животе снова заворочался ком тошноты, подступил к горлу, но на этот раз обошлось. Филин энергично потер щеки и увидел, как на пальцах засветились бледно-голубые огоньки.

Почему-то это создавало ощущение болота. Филин почти наяву видел чахлые скрюченные деревья, буро-зеленую траву с кровавыми брызгами ягод и голубые озера воды. Но под всем этим таилась вязкая гибельная тьма, и Филин почему-то знал, что может овладеть силами этой тьмы. И именно эти силы сейчас конфликтуют с организмом, вновь и вновь выворачивая его наизнанку.

Внутренний конфликт. Проклятый Лаверн!

В дверь постучали — дружище Аберфорт заглянул проведать приятеля. Филин вдруг обнаружил, что невероятно счастлив увидеть декана. Он так ему радовался только в тот далекий день, когда лунный аксолотль вытащил его из опиумного притона где-то в районе Килиманджаро и сказал: «Андрюха, давай закончим с этим. У меня для тебя есть работа».

Сейчас декан Браун и слова сказать не успел — взмыл под потолок и сделал несколько кругов по комнате.

— Пресвятые яйца! — заорал Аберфорт. — Андрюха, сними меня!

Филин сразу же забыл про все свои хвори. Вскочив с кресла, он ухватил декана за ногу и, приложив довольно серьезное усилие, смог-таки притянуть лунного аксолотля к полу — Аберфорт схватился за кресло и, удостоверившись, что неведомые силы больше не тянут его вверх, вздохнул с заметным облегчением.

— Пресвятые яйца... — повторил он и осторожно переместился и сел. — Андрюха, что это было?

Филин вздохнул. Кажется, он понял, что случилось.

— Аберфорт, прости, пожалуйста, — серьезно сказал Филин, — но мне кажется, это сделал я.

— Ты? — от удивления у декана все уши выпрямились, а шерсть на лбу стала сереть. — Как?

— Это наш новый ректор постарался, — хмуро признался Филин. — Он что-то со мной сделал, и теперь...

Он встряхнул правой рукой, и на кончиках пальцев вновь возникли знакомые огоньки. Лунный аксолотль изумленно открыл рот и зачарованно проговорил:

— Пресвятые яйца, Андрюша... Это что, магия?

— Получается, что так, — кивнул Филин. Только магии ему и не хватало для полного счастья. — Знаешь, я сперва решил, что это какой-то вирус. Прошел полное сканирование, но ничего не выявилось.

Декан опустил уши — знак того, что принялся размышлять над какой-то идеей.

— Сам подумай, Андрюша, — сказал он. — Мы с тобой — существа с разных планет, находимся в глубоком космосе и собираемся серьезно обсуждать магию, шаманизм и бабкины сказки. Это нелепо.

— А то, как ты летал? — спросил Филин. — Это тоже нелепо?

Декан махнул лапой.

— Направленное воздействие антигравитационной портативной установки, — сказал он. — Андрей Сергеич, ну сам подумай! Магия! Изменение реальности! Ну ведь бред же.

— Бред, — согласился Филин. Пройдя к блоку питания, он подумал о том, что этот бред следует запить чем-нибудь покрепче. Сгладить его, примирить с нормальной жизнью. Но все-таки выбрал чай с бергамотом в надежде, что измученный организм примет его легче, чем коньяк.

— Это не магия, — уверенно повторил Аберфорт. — И лучше нам не дергаться и не проверять, что это, Андрюха.

Он помолчал, словно собирался с силами, а затем произнес:

— Я думаю, первая база в эксперименте секретных служб звездного флота.

Филин фыркнул, поперхнулся чаем и хотел было сказать, что декан несет бред похлеще, чем его заместитель, но потом подумал, что в словах Аберфорта есть доля истины. Вполне возможно, первая база была перенесена в виртуальную реальность. Или на ее обитателях тестируют новые способы воздействия на сознание. Мало ли...

Это многое объясняло. И это, черт возьми, было понятнее и привычнее, чем духи на болотах. Во всяком случае, у любого эксперимента есть конец.

— Думаешь, Лаверн из секретной службы? — негромко поинтересовался Филин, словно их могли подслушивать. Декан кивнул и откликнулся так же тихо:

— Полагаю, что да. И лучше нам не подавать виду, что мы о чем-то догадались. Будем просто делать свою работу, ведь однажды этот эксперимент завершится.

Он помолчал, а потом устало промолвил:

— И я хочу дожить до его завершения.

Когда Анна и Лиза пришли в малый зал — ну не сидеть же в своей комнате постоянно, как две совы — то Ангелина поприветствовала их подчеркнуто важным тоном:

— Смотрите, недоучки, как я умею.

Она сидела на диванчике в окружении парней со второго курса, словно королева со своей свитой. Анна не могла понять, откуда такой гонор и настолько презрительное отношение. Впрочем, Лиза, судя по выражению ее лица, о чем-то знала — или догадывалась.

Ангелина подняла руку и поманила указательным пальцем нечто невидимое. Из блока питания тотчас же вырвалась фарфоровая чашка кофе и понеслась к девушке — но тут Ангелина едва заметно повела пальцем, и чашка перевернулась над головой Лизы. Девушка едва успела увернуться от горячих брызг, кофе вылился на ковровое покрытие, а Ангелина мелодично пропела:

— Ой, я такая неловкая! Еще не все удается. А Лаверн так хвалил, так хвалил!

В следующий миг опустевшая чашка уже летела ей в голову, и, в отличие от Лизы, Ангелина не успела увернуться. Конечно, мягкий пластик не причинил ей особого вреда, просто оставил алое пятно на лбу — но гнев, охвативший первую красавицу академии, был неописуем.

— Ах ты, сучка деревенская! — заорала Ангелина, вскочив с дивана и явно намереваясь повыдрать Лизе волосы. На щеках девушки мгновенно вспыхнул гневный румянец. — Ты что творишь?!

Ее верные рыцари тоже поднялись на ноги, но, кроме этого, не предприняли никаких действий — конечно, они обожали Ангелину, это было видно по их поглупевшим добродушным физиономиям, но драка явно не входила в их планы, особенно драка с девушками — потому что Анна шагнула вперед и встала рядом с соседкой.

— Сама нарываешься, — сказала Анна, глядя девушке в глаза: темные, злые, с крошечной точкой зрачка. — Лучше сядь и успокойся...

Конечно, совет успокоиться помогает очень редко: вот и сейчас истерика Ангелины взметнулась на новый уровень.

— «Успокойся»? — на ее глазах появились слезы, похоже, Ангелина не ожидала, что ей дадут отпор. — Да она в меня чашкой кинула!

— А ты на нее кофе вылила из этой чашки, — парировала Анна. — Сядь и не срамись уже... королевна.

Ноздри Ангелины нервно дрогнули, и она протянула руку в сторону Анны: то ли хотела обрушить на нее содержимое очередной чашки, то ли собиралась выцарапать глаза. Анна не поняла, что произошло дальше. Бродя бы Ангелина только что смотрела на нее, кто-то из второкурсников, обретя просветление ума, приготовился ловить свою владычицу и спасти от драки, а Лиза подалась вперед, собираясь нанести встречный удар — и вдруг Ангелины не стало. На полу в дымном сером вихре закрутилась лохматая черная кошка: взвизгнула, мявкнула, вздыбила шерсть, испуганно крутя головой.

Напряжение последних минут бесследно исчезло: все расхохотались, и Лиза подхватила кошку на руки и принялась обнимать, тискать и гладить, прекрасно понимая, насколько страдает от этого уязвленное самолюбие Ангелины. Анна хотела было отобрать кошку и отнести ее к Лаверну — Ангелине, конечно, намного лучше в облике животного, но все-таки ей следовало вернуть человеческий облик — но в этот миг пол ушел у нее из-под ног, и Анна без чувств рухнула на ковровое покрытие.

...голоса пробивались сквозь густой слой ваты, и Анна опознавала их как-то отстраненно.

— Это все она! Я ничего не делала вообще!

Это Ангелина. Похоже, она перестала быть кошкой.

— Вот, извольте посмотреть, господин ректор, ведь все изгадили! Запереть их в комнатах, чтоб только на уроки выходили! И не фыркай на меня, женщина-кошка, Федор Сергееч все видит!

А это уже робот, куда ж без него... Анне хотелось лежать и не шевелиться, темнота и одиночество ее вполне устраивали, тут никто не затевал ссору просто так, из прихоти. Но знакомая рука дотронулась до ее щеки, и фейери шепнул Анне на ухо:

— Умница, девчонка. Просыпайся.

Анна открыла глаза и увидела, что лежит на диванчике в окружении студентов. Лиза и Сергей сидели рядом, и староста смотрел на Анну так, что она сразу же вспомнила, что о нем говорил Лаверн, и встрепенулась: никто не должен видеть леди в таком состоянии — растрепанной и жалкой.

— Я все видел, — серьезно произнес Сергей. — Именно Ангелина затеяла ссору, а потом Анна превратила ее в кошку... — он задумчиво дотронулся до виска и добавил: — Сам не верю, что говорю это.

Лаверн одобрительно улыбнулся.

— Ничего страшного, дружище, — сказал он, похлопав Сергея по плечу, и обернулся к остальным зевакам, столпившимся возле дивана: — Полагаю, теперь нет сомнений в том, кто лучшая студентка первой базы? И кого не стоит злить?

— В баранов их преврати, — сварливо посоветовал робот, вычищавший пятно от кофе. — Они уже бараны, так хоть шашлыка тогда нажарим и поедим.

Ангелина расплакалась, и кто-то из поклонников тотчас же принялся ее утешать. Анна осторожно села и спросила:

— То есть, я действительно превратила ее в кошку, да?

— Да! — взвизгнула Ангелина и, захлебываясь в рыданиях, простонала: — Это было у-у-ужасно..!

Анна вздохнула и закрыла лицо ладонями.

— Я не хотела, — призналась Анна. — Честно, не хотела.

Она повторяла это уже в третий раз за вечер. После того, как все смогли успокоиться и разойтись, Анна поняла, что сделала, и это понимание повергло ее в ужас.

— Я такое в кино видела, — сказала Лиза. Комета, сидевший у нее на руках, лизнул хозяйку в нос и побежал к Анне: утешать и успокаивать. — Там один парень на другого набычил, и его в хоряка превратили.

— Меня больше другой момент интересует, — промолвил Сергей, сидевший рядом с Анной и заботливо обнимавший ее за плечи. — Закон сохранения вещества. Ты, скорее всего, не превращала Гельку в кошку. Ты просто придала ей вид кошки. Массовый гипноз или что-то вроде того.

Конечно, это было слабое утешение. Но Анна посмотрела на Сергея, и тусклая печаль в ее глазах стала утекать прочь.

— Хорошо, если так, — вздохнула она. Сергей ободряюще улыбнулся, но почти сразу же стал серьезным и сказал:

— Вообще, дамы, у меня есть к вам разговор. По поводу наших индивидуальных с Лаверном.

Несмотря на то, что прошла уже неделя учебы, Сергей ни разу не рассказывал о том, что делает на индивидуальных. Если остальные студенты хвалились успехами на каждом углу или громко сокрушались по поводу неудач, то Сергей сохранял таинственное молчание. Анна иногда хотела спросить его об этом, но передумывала. Порой она ловила себя на мысли, что просто боится.

— Тебе честно сказать? — спросила Лиза. — Из меня он готовит щит. Потому что собирается на войну с Царем-Вороном. Будет отвоевывать старые владения.

Это было сказано настолько прямо и с такой неприкрытой откровенностью, что Анна окончательно поняла: все, что делает Лаверн — не шутка, не сон, не какая-то затянувшаяся пакость. Он готовится сражаться, он создает свою личную армию и в один прекрасный день отправит ее на штурм цитадели Царя-Ворона.

Кто успеет вернуться из сражения — вот вопрос.

— Я не знаю, кого он готовит из меня, — сказала Анна. — Но, судя по превращению Ангелины в кошку... — она вздохнула и махнула рукой: — Не знаю. И я не ожидала всего этого. Даже подумать не могла.

На какой-то миг Анна испугалась, что ее обвинят в том, что Лаверн подался в академию именно за ней, и теперь она разделяет ответственность за все его дела. Но Лиза будто бы прочла ее мысли, потому что села рядом и сказала:

— Да ладно тебе, Ань, ты тут не при чем. Ты за него не отвечаешь.

Сергей сделал резкий выдох и вдох, словно пытался собраться с силами, и произнес:

— Вы видели Царя-Ворона? Сами, своими глазами.

— Я видела, — откликнулась Анна. Сейчас она отчетливо понимала, что Сергею страшно, он всеми силами пробует скрыть свой страх, и ему стыдно от того, что он не может с этим справиться.

Лиза только руками развела.

— Я ничего не вижу, Сереж. Сижу, жду, когда дракон вылупится.

Что Лаверн имел в виду, говоря о яйце с драконом, так и осталось невыясненным. Фейери обожал говорить загадками.

— Я тоже его увидел, — признался Сергей. — Сразу, на первом занятии. А сегодня... сегодня Царь-Ворон увидел меня. Обернулся, моргнул, и я вдруг понял, что он меня видит. И знаете, — Сергей поежился и неожиданно обхватил себя за плечи таким болезненным жестом, которого Анна никак не ожидала, — это было жутко. Как будто там не просто смерть, а что-то намного хуже. Существо, которое не знает ни жалости, ни любви, ни сочувствия — оно просто не мыслит такими категориями. А потом...

Староста полез в карман и вынул клочок бумаги, исписанный с обеих сторон.

— «Как упал ты с неба, денница, сын зари! — прочел он. — Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своём: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней». Я услышал это у себя в голове. Словно Царь-Ворон принял меня за Лаверна и говорил с ним.

Некоторое время все настороженно молчали, затем Лиза вздохнула и с привычной прямоотой сказала:

— Хреново, Сереж. А вдруг не мы к нему отправимся, а он к нам?

Сергей вздохнул и устало признался:

— Именно этого я и боюсь.

Это был сон — но настолько реальный, что Лиза никак не могла убедить себя в том, что все происходит не на самом деле. Во сне были запахи — тонкий, едва уловимый аромат цветущей сливы и свежей зелени, умытой весенним дождем. Во сне было яркое, солнечное утро, легкие шторы наполнялись морским ветром с открытого балкона, вскипая, словно паруса корабля, готового к отплытию.

Лаверн стоял рядом — то есть, этот человек был тем самым фейери, который захватил первую базу, и в то же время совсем другим. Лицо покинуло привычное высокомерие, улыбка была не язвительной, как обычно, а мягкой и почти добродушной. Сейчас фейери был очень открытым и очень человечным.

Лиза вдруг поймала себя на мысли о том, что таким Лаверн ей нравится. Это понимание было неожиданным и даже немного пугающим. Лиза и предположить не могла, что ей придется по душе такой, как Лаверн — наглая, самолюбивая и абсолютно бессовестная дрянь. Но сейчас он был другим, и Лиза окончательно поняла, что это сон.

Где-то совсем рядом шумело море. Лаверн стоял настолько близко, что Лиза слышала, как бьется его сердце. Прикосновение его пальцев к лицу было легким, почти невесомым, словно бабочка коснулась краем крыла — и в то же время в нем таилась такая уверенность и сила, что Лиза послушно потянулась навстречу. И поцелуй оказался именно таким, как Лиза и представляла — сперва осторожным, трепетным и почти невинным, а после — с нарастающей страстью и напором, таким, что оставалось только закрыть глаза и отдаться чужой воле.

И пусть все идет так, как идет. Пусть ладони Лаверна тяжело лежат на спине Лизы, привлекая ее к фейери, пусть от волнения у нее подкашиваются ноги, пусть...

— Гав! — радостно сказал Комета, проскакал по кровати, и комнату озарило россыпью звезд.

Сон оборвался. Лиза села на кровати, задумчиво потерла глаз и покосилась в сторону Колючки: соседка свернулась под одеялом и крепко спала. И ей наверняка не снилось, что она целуется с ректором и получает от этого невероятное удовольствие.

Как вообще можно получать удовольствие, целуясь с такой сволочью? Сейчас, когда сон закончился, Лиза испытывала какую-то странную брезгливость. Наверняка, Лаверн в очередной раз над ней поглумился и теперь наверняка похохатывает над ее смущением.

Ощущение поцелуя и объятий не проходило. Лиза энергично потерла щеки ладонями, по старой, еще школьной привычке потянула себя за волосы — сон ушел, а сладкое и неуместное наяву чувство осталось. Сейчас, в полумраке комнаты, среди ночи, Лизе хотелось, чтобы все повторилось уже наяву.

И ей было невыносимо стыдно за это желание.

Бесшумно соскользнув с кровати, она подошла к окну. Первая база, превращенная в белостенную крепость, спала. Лиза вспомнила, как Лаверн говорил о городах в небесах, которыми когда-то правил — теперь первая база академии звездного флота стала таким городом: сказочным, светлым, воздушным.

Как упал ты с неба, денница, сын зари...

Постояв еще немного, Лиза отошла от окна и, накинув поверх пижамы кофту, вышла из комнаты. Ей захотелось чуть-чуть прогуляться, стряхнуть наваждение.

Первая база была погружена в сон. Светильники на стенах едва теплились, вспыхивая ярче, когда Лиза приближалась к ним, и угасая, когда она проходила. Покрытие пола, которое имитировало мраморные плиты, полностью поглощало звук шагов, и Лиза самой себе казалась привидением. Пришел нужный час, и она поднялась, чтоб блуждать здесь до зари.

Преображение едва затронуло лифты, украсив кабины рисунком золотых пчелиных сот. Поднявшись на последний этаж, Лиза вышла на прогулочную площадку и замерла, словно наткнулась на незримую преграду. Лаверн стоял на балконе, облокотившись на серебряные витые перильца, в его руке дымилась изящная трубка, и весь вид фейери так и кричал о том, что ректор как минимум озадачен.

Лиза попятилась, надеясь скользнуть обратно в лифт и уехать, пока ее не заметили, но Лаверн негромко произнес:

— Не уходи.

Лиза остановилась. Лаверн помолчал, потом добавил:

— Проходи. Не стоит там топтаться.

Медленно, словно преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, Лиза подошла к Лаверну и встала рядом. Некоторое время они молчали. Лиза смотрела, как по каменной стене карабкается плеть нежно-зеленого вьюнка, украшенная розовыми колокольцами с золотыми язычками, а затем спросила:

— Не спится?

— Смотрю, тебе тоже, — Лаверн ушел от ответа. Трубка в его руке растопырила влажные перепончатые крылья, стала крошечным драконом, который выплюнул язычок огня и взлетел из раскрывшейся ладони. Проводив его задумчивым взглядом, фейери добавил: — И мне не спится.

— Сны мучают? — вдруг ляпнула Лиза. Фейери грустно усмехнулся и чуть ли не смущенно признался:

— Да. Мучают.

Но таинственный миг странной откровенности миновал, и Лаверн сказал с обычной ядовитой безгливостью:

— Чего это ты такая любопытная, девчонка?

— Я?! — воскликнула Лиза. — Да я вообще сейчас уйду, если так мешаю...

Лаверн посмотрел на нее, и в его взгляде Лиза увидела ту странную тень, которую впервые заметила тогда, когда ее платье растаяло перед всеми студентами. Фейери будто бы вновь заметил в ней что-то важное.

Что-то, что делает ее не такой, как остальные.

— Что? — растерянно спросила Лиза. Фейери усмехнулся и спросил:

— Ты знаешь, девчонка, что ты невыносима? Ни манер, ни воспитания.

Лиза нахмурилась. Да, она обычная девчонка с фермы, и ей негде было научиться этикету. Коровам хвосты крутила, не до политесов. Но в общем и целом она ведет себя вполне прилично, и незачем так тыкать...

— Не обучена манерам, так уж сложилось, — хмуро сказала она. — Уж простите, барон, что я без парика.

— Я и говорю: невыносимая девчонка. Твоя соседка хотя бы знает, что такое этикет.

О да, Анна была из тех, кто даже зеленый горошек ест ножом и вилкой, и фейери наверняка думал, что такое сравнение заденет Лизу. Он ошибся — ей было почти все равно. Кто-то леди от рождения, а кто-то... ну в общем, совсем не леди. Но похоже, пришло время показать фейери его настоящее место. Еще посмотрим, кто тут несносный и невыносимый.

— Хочешь преподать мне урок хороших манер? — поинтересовалась Лиза и улыбнулась: дерзко и с вызовом.

— Для начала вынь руки изо рта и убери хвост.

Лиза почувствовала, как краснеют щеки. Хвоста у нее не было, как и привычки грызть ногти — не настолько она и деревенщина. Но укол Лаверна все равно оказался болезненным.

— Я не в лесу родилась, — сказала она. Лаверн понимающе кивнул.

— Не в лесу, — согласился он. — А на опушке. Тебе нужно перестать сутулиться. Ты должна ходить... вот так.

В его пальцах закрутилась тонкая золотая паутинка, и Лаверн осторожно провел ладонью по голове Лизы. Паутинка соскользнула в волосы и, натянувшись, обожгла кожу девушки где-то возле копчика, заставив Лизу выпрямиться, словно та вдруг стала балериной, готовой танцевать.

— Прекрасно, — одобрительно произнес Лаверн. — Думаю, месяца ношения паутинки хватит, чтоб сформировать полезную привычку. Из тебя выйдет толк, девчонка, ты, конечно, невыносима, но не безнадежна.

Лиза подумала, что это должно звучать как комплимент. Лаверн окинул ее придирчивым взглядом, одобрительно кивнул и взял за руку. Он ведь и раньше дотрагивался до Лизы, но теперь, после сна, который оказался слишком реальным, прикосновение заставило девушку вздрогнуть, и она едва удержалась, чтоб не выдернуть руку из чужой ладони.

— А двигаться надо мягче, — сказал Лаверн, и в его голосе появились какие-то мягкие вкрадчивые нотки. — Не стучать каблуками. Ты ведь девушка, а не полковой конь. Надо вот так...

В следующий миг он уже плавно вел Лизу по залу — она не сразу поняла, что танцует, что это вальс, и у нее получается лучше, чем она могла бы предполагать. В углах загорелись тусклые золотые огни светлячков, придавая залу теплое очарование старой сказки — будто наступил новогодний вечер, от елки пахнет морозом, хвоей и мандаринами, а мороз легкой кистью рисует на оконном стекле самое красивое будущее.

— Партнер тут я, — вкрадчивый шепот Лаверна обжег ухо. Лизе казалось, что она уже не танцует, а летит. Пижама бесследно исчезла, ее заменило уже знакомое бальное платье — и сейчас оно сидело, словно вторая кожа, не доставляя никаких неудобств.

— Что? — растерянно спросила Лиза.

— Ты стараешься вести, — откликнулся фейери. — А твоя задача — подчиняться. Двигаться туда, куда тебя направляют.

Вот оно что. Слушаться и подчиняться. Когда так говорили, Лиза невольно ощущала волну протеста, которая поднималась в груди и заставляла поступать поперек даже там, где этого не следовало делать.

— Всегда готова поспорить? — негромко рассмеялся Лаверн, и запах хвои ослабел. Теперь за ним можно было уловить коричный аромат пряников и глинтвейна. — Не стоит этого делать, я не желаю тебе ничего плохого.

— Ты собираешься меня дрессировать, — уверенно промолвила Лиза. — Как очередного питомца. Такова твоя прихоть, только и всего.

Она внезапно обнаружила, что танец прервался. Они с Лаверном снова стояли на балконе, бальное платье растаяло, вернув на место пижаму, а первая база потихоньку начала

просыпаться: загорелись окошки на первом этаже, и сотни мышей, в которых Лаверн превратил роботов-поваров, принялись стряпать общий завтрак. Лиза недавно видела их: мыши носили белые завитые парики и голубые камзолы и выглядели крайне серьезными. Они настолько деловито стряпали и накрывали на стол, что студенты дружно принялись ходить в столовую, отказываясь от использования блоков питания в комнатах, чтоб посмотреть на такую диковинку.

— Мне придется это сделать, девчонка, — Лаверн устало прикрыл глаза. — Ты ведь хочешь стать воспитанной девушкой, а не деревенской хамкой? Я хочу того же.

— Тогда не насылай на меня такие сны! — вдруг выпалила Лиза. — Потому что это нечестно, в конце концов! И мерзко!

Лаверн обернулся, и в его взгляде Лиза прочла недоумение и что-то вроде злости.

— Я ничего такого не делал, девчонка, — подчеркнуто сухо сказал он. — Что ты выдумываешь?

Щеки обожгло румянцем. Вот ведь дрянь! Сейчас Лиза была уверена, что Лаверн все продумал заранее. Все подстроил. Захотелось поиграть с очередным питомцем — вот он и поиграл.

Лиза поймала себя на мысли, что хочет закатить пощечину — чтоб эта холеная гладкая физиономия утратила такое гневное и презрительное выражение. Однако она смогла взять себя в руки, шутливо поклонилась Лаверну и сказала:

— Я не выдумываю. Но пусть это останется на твоей совести. Пока.

Реверанс, конечно же, был далек от того, который Лиза видела в кино — но на первый раз хватило и этого. Раскланявшись, Лиза направилась к лифту: до подъема на занятия было еще три часа, можно поспать.

Она усердно повторяла, что не видела одобрительной ухмылки на лице Лаверна.

И все-таки эта ухмылка была.

В прошлом семестре Филин вел практические занятия по общегалактическому английскому и успел убедиться, что преподавание — вовсе не его стезя. Он больше любил административную работу, чем попытки научить студентов отличать одно грамматическое время от другого — бесконечная борьба с чужой тупостью отнимала намного больше сил, чем Филин собирался отдавать работе. Но в этом семестре декан Браун решил, что его друг вполне справляется и с преподаванием: войдя в систему с расписанием занятий, Филин увидел, что ему поставили третью и четвертую пару с первокурсниками.

Филин мысленно выругался. Он еще не успел прийти в себя после общения с Лаверном, так теперь его будет тошнить не только от магии, но и от первокурсников.

Письмо от Аберфорта пришло практически сразу.

«Тебе сейчас полезно побыть ближе к ребятам, Андрюша, — писал декан. — Лучше это будем мы, чем ты знаешь, кто».

Филин удалил сообщение, подумав, что все сети находятся под контролем Лаверна, а раз так, то декан поступает как минимум неосмотрительно, заводя такую переписку. Впрочем, при чем тут высокие технологии, когда и у стен есть уши? Вон робот подслушал беседу Филина со студентами и мигом передал, куда следует.

Филин устало выключил планшет и пошел готовиться к рабочему дню.

Его накрыло на большой перемене — в тот миг, когда он стоял в холле возле электронной панели с расписанием занятий и пытался перетасовать пары у нескольких преподавателей. Пол вдруг уплыл из-под ног, и Филин почувствовал, что взлетает.

Это было упоительное, прекрасное чувство, и на мгновение Филин ощутил стыд. Он словно бы делал то, что людям делать не положено, это казалось неправильным — но это было хорошо. Кто-то из студентов взвизгнул от изумления — казалось бы, с начала учебы они увидели немало чудес, но до полетов дело еще не доходило — и стыд стал еще сильнее. Филин неловко дернул ногами, пытаясь устремиться вниз, и, к его удивлению, у него получилось: ступни налились тяжестью, и заместитель опустился на пол.

Удивленные студенты тотчас же обступили его с вопросами, и самым частым было «Вы тоже,

да?» Филин одернул пиджак, приведя себя в более-менее пристойный вид — все-таки официальное лицо, не дрянь какая-нибудь — и поинтересовался:

— Что значит «Вы тоже»? Еще полеты были?

— Были! Были!

— Поздно вечером и с утра!

— А я за люстру зацепился!

— Ну, новости! — Филин отер внезапно вспотевший лоб, и перед глазами вдруг мелькнуло черное крыло. Он ощутил прикосновение прохладных перьев к лицу и похолодел.

Прошлое вернулось. То, что он так долго и старательно прятал, вновь было с ним.

Кто-то предусмотрительно подхватил Филина под локоть: только после этого он понял, что едва не упал.

— Значит, так, ребята, — хрипло произнес он. — Обо всех случаях левитации докладывать лично мне. В течение часа — подробный отчет о том, как проходят ваши индивидуальные. На бумаге, детально.

Он обвел тяжелым взглядом мгновенно притихших студентов и добавил:

— Это следовало сделать раньше. Давайте-ка побыстрее.

Когда студенты послушно разошлись писать отчеты, Филин вдруг подумал, что сам себя поставил в абсолютно дурацкое положение. Ну летают и летают, с чего он вдруг решил поднимать панику? Вон Эверетт превратила в кошку одну из сокурсниц, это будет похлеще любых полетов.

Он вспомнил давнее, холодное чувство полной беспомощности. Прикосновение чужого равнодушного разума и понимание, что он, Андрей Петрович Филин, настолько мелкая крупинка на простыне мироздания, что хозяин даже не заметит его. Хуже всего было то, что Филин не мог поделиться этим даже с Аберфортом. Ведь не скажешь: «Знаешь, дружище, когда ты вытащил меня из опиумного притона, я был занят тем, что закрывал ворота своего разума от существа из иного мира».

Это не было наркотическим бредом. Это было страшной правдой.

— Я не на стороне чудовищ, — решительно произнес Филин и направился в деканат.

Бороться — значит, бороться.

— Не знаю, чего он хочет добиться, — со вздохом сказала Анна после того, как студенты сдали Филину листки с отчетами и пошли по своим делам. Информация была очень скудной. — Мы ведь ничего особенного не делаем, просто сидим...

— Не просто, — хмуро заметил Сергей. — Лаверн меняет нас по своему усмотрению. Делает магами.

В последнее время староста был очень строгим, почти не улыбался, и его взгляд теплел только тогда, когда он смотрел на Анну. А она вспоминала о словах Лаверна и испытывала какое-то странное чувство, не позволявшее взять Сергея за руку и сказать, что...

— Ты видел, что Тхи Минь написала? — спросила Анна. — «Мы просто сидим и все».

Сергей хотел было ответить, но осекся и показал куда-то в конец коридора, в сторону библиотечных дверей: там стояла Лиза, Ангелина со стайкой поклонников и Флер Бувье, успевшая получить стойкую репутацию серой мышки и заучки.

— Посмотри на Флер, — сказал Сергей. — Чего это она?

Девушка и правда изменилась: Анна невольно отметила ее гордо расправленные плечи и непривычный лихорадочный румянец на щеках. Флер была возбуждена и энергична, и ее голос с легкой картавинкой звонко разносился по коридору.

— Да! Да, это точно работает! Я увегена!

— О чем это ты? — спросила Анна, подойдя поближе. Флер смерила ее таким взглядом, каким смотрят на конкурента, еще не знающего о том, что он потерпел сокрушительное поражение. Анна невольно подобралась и, не отдавая себе отчета, взяла Сергея за руку.

— О пгивоготных зегнышках! — с торжеством сообщила Флер и, раскрыв ладонь, продемонстрировала пригоршню обычных семечек. Лиза и Ангелина посмотрели на нее с одинаковым выражением: во дура! Анна отметила, что ее соседка неожиданно перестала сутулиться, держит спину прямо, и это невольно придает ей дополнительной уверенности и привлекательности.

Что-то подсказывало Анне, что и здесь без фейери не обошлось.

— Ой, какая ты дура, — махнула рукой Ангелина. — Кому нужны какие-то приворотные зернышки? Зачем?

А Сергей поинтересовался:

— И как ты собираешься с ними управляться?

Флер одарила его улыбкой победительницы. Над семечками в ее ладони закрутились золотистые искры, и все зачарованно вздохнули — по крайней мере, это было красиво. Анна с сочувствием подумала, что, по большому счету, Флер остаются только привороты: молодые люди смотрели в ее сторону так, словно девушки не существовало. Невзрачная, с ломкими волосами, заплетенными в косичку, вечно одетая в какие-то безразмерные свитера и джинсы, она и хорошим характером не отличалась.

— Вот, смотги, — сказала Флер. — Я бегу семечко, — она выбрала из горстки одно и подбросила к потолку, — и мысленно называю имя. Семечко исчезает...

Оно действительно исчезло с легким хлопком, и Флер закончила фразу:

— И погужается в аугу молодого человека.

Рука Сергея вдруг дрогнула в руке Анны, и девушку пронзило пониманием: вот почему Флер так смотрела на нее.

— Имя! — воскликнула она. — Ты чье имя подумала?

Анна внезапно ощутила себя маленькой и несчастной. У нее внаглую, беззастенчиво, на глазах у всех отобрали... А что отобрали? Сергей ведь не был ее парнем, они, по большому счету, просто приятельствовали. Ну мало ли, всегда и везде были вместе с самого начала учебы, это ведь ничего не значит.

— Ах ты сучка! — рявкнула Ангелина: к искреннему удивлению Анны, она внезапно решила выступить единым фронтом с недавней противницей. — Серега, да?

— Я? — лицо Сергея стало каким-то хищным, приобрело жестокое выражение, которого никто бы не ожидал на нем увидеть. Староста сделал молниеносное движение рукой, схватил Флер за ворот и встряхнул: — Я, да?

Тотчас же заголосили все: Флер завизжала, пытаясь вырваться, Лиза и Анна схватили Сергея за руки, пытаясь оторвать от незадачливой волшебницы, а Ангелина, которую вовремя смог удержать один из приятелей, порывалась оттащить плачущую Флер за волосы. На шум из библиотеки выбежал декан Браун, но на него и его попытки прекратить свару никто и внимания не обратил.

Скандал закончился тогда, когда в коридор резво вкатился робот с метлой наперевес и с нескрываемым удовольствием принялся охаживать ею студентов по ногам.

— Вот вам, вот вам! — приговаривал он. — Ишь! Нет бы учились, только и знают гадить! Получайте! Мешки вы мясные! Вот вам!

Вскоре все участники ссоры расплзлись по сторонам, потирая следы от ударов метлой. Лунный аксолотль устало вздохнул и произнес:

— Проидемте в деканат, господа.

Анна уныло подалась за ним. Лиза и Сергей шли рядом, Ангелина подумала и тоже присоединилась.

— Сучка, — повторила она так, чтоб хнычущая Флер, которая плелась сзади, все слышала как следует. — Так дела не делаются. Ну нравится тебе парень, так ты хоть голову помой! Я уж не говорю про задницу.

— Не может быть, — упрямо сказал Сергей и снова взял Анну за руку. — Я ничего не чувствую. И вообще, это все не имеет значения.

Анна молчала — она не знала, что сказать. В конце концов, они были просто друзьями, а не официальной парой. Сергей не предлагал ей встречаться, не говорил о своих чувствах — просто был рядом, когда ей было плохо, помогал и поддерживал.

Друзьям ведь положено так поступать.

— Я никогда не думал, что буду разбираться с приворотами, — сухо произнес декан Браун. Ангелина деловито посмотрела на него и предложила:

— Может, тогда пригласить господина ректора?

— Попрошу без лишних инициатив! — оборвал ее декан. — Это административное нарушение, которое не имеет отношения к господину Фро. Итак. Бувье, кому именно вы подбросили ваше зернышко?

Флер, которая к тому времени уже перестала хныкать, угрюмо мотнула головой в сторону Сергея. Анна почувствовала, как в животе что-то сжалось. Теперь она не испытывала к Флер никакого сочувствия — ею полностью овладела обида ребенка, над которым смеются и издеваются.

— Я ничего не чувствую, — упрямо повторил Сергей. — И не собираюсь заводить никаких отношений с Флер... даже если что-то почувствую.

— Это неправильно, — поддакнула Ангелина. — Любимых на цепь не сажают.

— Бувье, вам дали такое задание на ваших индивидуальных занятиях? — поинтересовался лунный аксолотль. Флер отрицательно мотнула головой. Она так и не подняла взгляда — старательно рассматривала пятнышко на джинсах.

— Нет. Я просто сама поняла, что могу так сделать. И сделала. Что, нельзя? — спросила она с вызовом.

Декан спокойно посмотрел на нее и ответил:

— Да, Флер. Нельзя. Такие вещи нарушают внутренний распорядок. Я уж не говорю о том, что это насилие над свободной волей человека. Вы очень виноваты, жаль только, что не понимаете этого.

Флер гневно посмотрела в его сторону, но ничего не ответила. Анна удивилась бы, если б она сказала хоть слово в свою защиту. В конце концов, все приехали сюда учиться, а не строить отношения — и декан наверняка так бы и сказал. Хочешь учиться — занимайся. Трудись.

Вот Флер и потрудились. Причем настолько обрадовалась результатам, что эта радость затмила ей разум, и она поделилась ею со всеми. Торжество ученого, совершившего прорыв в своей области — вот что владело Флер, когда она подбрасывала семечко.

Анна думала, что хочет оттащить ее за волосы. Хочет сделать больно.

— Как это исправить? — спросил Сергей. — Ты ведь не думала об этом, да?

Анна вдруг испугалась, что сейчас расплачется. Сергей снова взял ее за руку, и Анне пришлось приложить усилия, чтоб не отдернуть ее.

Он тоже хорош. Давно бы мог сказать, что она ему нравится — так ведь нет.

— Сучка, — негромко, но отчетливо повторила Ангелина. И ведь ей не надоедало повторять...

— Прекратите, — хмуро посоветовал лунный аксолотль. В деканат заглянул кто-то из преподавателей и сразу же закрыл дверь. Флер всхлипнула.

— И что теперь делать? — впервые за все это время в голосе Сергея мелькнула растерянность. Напрашивалось простейшее решение: пойти к Лаверну — но старосте эта мысль явно не

направилась.

— Бувье, вам строгий выговор с занесением в личное дело, — декан провел пушистой лапой по панели планшета, открывая папку с документами Флер. — Полагаю, это вас научит отвечать за свои поступки. — Вам, девушки, — он обвел мрачным взглядом Анну, Лизу и Ангелину, — выговор за драку...

— Мы не дрались! — вспыхнула Ангелина, и декан тотчас же вывел на панель ее личное дело. Первая красавица факультета сникла.

— Вы еще и матерились в моем присутствии, — сказал лунный аксолотль. — Так что наказание вполне соответствует преступлению. А вам, Гершензон, я советую немедленно сходить в ректорат и рассказать господину Фро о том, что с вами случилось.

— Он ничего не сделает, — подала голос Анна. — Я его очень хорошо знаю, он только посмеется.

Декан откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

— Посмотрим, — произнес он. — Все свободны.

— Девки, а давайте ей темную устроим, — предложила Ангелина, когда девушки вышли из деканата, и Флер почти бегом кинулась к лифту. Лиза удивленно посмотрела на нее, и Ангелина добавила: — Нас за драку уже наказали, а драки не было. Восстановим статус-кво?

— Ты-то что вскипела? — спросила Лиза. Ангелина посмотрела на нее с нескрываемым презрением и ответила:

— Ой, какая ты дура. Ну вот посмотри на меня, — и Ангелина повернулась и встала, словно модель на подиуме. — Вот это все стоит огромных денег. И что, я позволю какой-то швабре просто поманить, и люди к ней побегут?

Анна грустно усмехнулась. У нее были приятельницы, которые искренне считали собственное тело личным капиталом, который надо преумножать. Пластические операции с ранних лет, дорогая косметика, одежда от лучших модельеров — Ангелина права, это действительно стоило денег, и весьма серьезных. Что уж говорить о воспитании, манерах, умении себя вести и правильно подать, которое не покупается ни за какие деньги...

— Ну понятно, — сказала Лиза. — Ты тут из кожи вон лезешь, а потом приходит какая-то Флер, и все летит псу под хвост...

— Вот именно, — согласилась Ангелина. — Ну что, встретим ее после отбоя? Объясним, как делать нельзя?

Из деканата вышел Сергей, посмотрел на Анну и мотнул головой в сторону окна: мол, нам надо поговорить. Лиза понимающе взглянула на соседку и, взяв Ангелину под руку, потянула ее к лифтам.

— Пошли, — сказала она. — Обсудим темную.

Когда девушки ушли, то Сергей осторожно взял Анну за руку — и это живое, какое-то трогательное прикосновение показалось ей важнее любых слов. На мгновение Анна испугалась того, что Сергей может сказать.

— Я должен был сказать это раньше, — произнес Сергей, и Анна вдруг поняла, что он отчаянно робеет. Отличник, путешественник, привыкший преодолевать преграды и опасности, сейчас испытывал самую настоящую застенчивость. — Анна, ты очень хорошая, ты мне понравилась сразу, как только я тебя увидел. Тогда, помнишь, когда мы все только прилетели на корабль, вы с Лизой еще рядом стояли...

— Помню, — улыбнулась Анна. Ведь совсем немного времени прошло, но все это было так давно, почти в другой жизни. Она старалась смотреть так, чтоб Сергей приободрился, и думала: как удивительно, такой хороший парень, и никогда никому не признавался...

— Короче, мой отец сказал бы «Будь моей девушкой, отказ не принимается», — вдруг рассмеялся Сергей. — Ну и я скажу примерно так же. Анна, ты будешь моей девушкой?

Это было сказано настолько искренне, с такой доверчивой открытостью, что Анна тоже рассмеялась, чувствуя, как утекает напряжение, и все становится легко и просто.

— Конечно, буду, — ответила она. Наверняка Сергей не сказал бы этого сегодня, если бы не приворотное зернышко Флер, наверняка он просто не хочет оставаться один перед чужой магией — ну и что? Неважно. Это сейчас не имело никакого значения, и Анна знала, что никогда не заговорит об этом.

— Да, я буду, — повторила Анна. Сергей осторожно провел кончиками пальцев по ее лицу, отводя в сторону выпавшую из прически прядь, и, склонившись к девушке, прикоснулся губами к ее губам.

Как оказалось, они оба не умели целоваться — Анна успела испугаться, подумав, что покажется нелепой и смешной. Возможно, они так и выглядели со стороны: испуганные, вцепившиеся друг в друга. У Сергея были холодные руки, а губы оказались неожиданно теплыми и мягкими, и Анна слышала, как встревоженно стучит его сердце.

И ей хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось. Чтобы этот поцелуй длился и длился, а объятие не разрывалось. Это было настоящим.

И все закончилось уже знакомым ударом метлы по ногам. Никем не замеченный робот вкатился в коридор, некоторое время смотрел на целующуюся пару, а затем прицелился и принялся охаживать их метлой, вопя на всю академию:

— Обнаглили совсем! Устроили тут бордель! Ни стыда, ни совести!

Сергей схватил Анну за руку, и, хохоча, они бросились к лифту. Робот покатился за ними, вопя во всю глотку о невоспитанных понаехавших недоучках, от которых только грязь и никакого толку, но, разумеется, не успел. Двери лифта бесшумно сомкнулись у него перед носом.

— Сволочи недоделанные! — фыркнул робот и покатился убирать дальше.

— Я люблю танцевать. Это красиво, это мило, и это, в конце концов, положено мне как фейери.

После целого дня, проведенного с прямой спиной без всякой возможности облегчить свое состояние, Лиза была уверена, что не сможет не то что танцевать — не доберется до своей комнаты после того, как индивидуальное занятие закончится. В кабинете вместо привычных пуфиков-черепашек были самые обыкновенные стулья — Лиза облегченно откинулась на высокую спинку и поинтересовалась:

— Наше индивидуальное сегодня посвящено танцам?

Лаверн, который тем временем усердно заполнял какие-то таблицы в планшете, небрежно бросил:

— Ты против?

— А как же яйцо с драконом? И Царь-Ворон?

— Одно другому не мешает, девчонка, — сказал Лаверн и, сохранив файлы, выключил планшет. — И почему ты настолько невыносимая?

Лиза не знала, что можно на это ответить. Фейери подошел, протянул ей руку, и Лиза неожиданно для самой себя отметила, что у него очень красивые пальцы. Изящные, чуть ли не светящиеся — и в то же время сильные. Наверняка их прикосновение к обнаженной коже отдается легкой дрожью по всему телу — дрожью предчувствия, когда хочется лишь одного: чтоб они скользнули дальше, ниже, глубже...

Лиза мотнула головой, отгоняя наваждение. Лаверн, сволочь такая, наверняка задумал очередную пакость, раз взялся насыпать на нее такие мысли и видения. Интересно, что ему нужно? Как это все связано с Царем-Вороном, и может ли тут вообще быть связь. Или же просто Лаверн так развлекается, и ему по душе смущение студентки... Но сейчас, стоя рядом с Лизой, фейери выглядел очень серьезным, почти строгим.

— У тебя красивые руки, девчонка, — вдруг сказал Лаверн. Он держал правую руку Лизы в руках, и в этом почти невесомом прикосновении было нечто, заставлявшее ее трепетать.

— Некрасивые, — едва слышно ответила Лиза. — Я работала на ферме.

Только теперь она поняла, что пол ушел из-под ног, и что они с Лаверном уже кружатся в воздухе, словно опавшие листья, подхваченные ветром. Это был не совсем танец — они, маленькие, полностью отдались на волю могучей стихии, и теперь она куда-то влекла их. На

мгновение Лиза испугалась, что упадет, но объятия Лаверна были настолько сильными и уверенными, что она вздохнула и решила, что можно позволить себе расслабиться. Видимо, Лаверн это почувствовал, потому что плотнее привлек Лизу к себе и негромко проговорил:

— Не волнуйся. Не выроню.

— Где мы? — не то сказала, не то подумала Лиза. Фейери негромко рассмеялся и ответил:

— Мы здесь, мы везде, мы всегда. Мы на границе миров, между обиталищем людей и моим домом.

Лизе стало так страшно, что она вцепилась в плечи Лаверна и зажмурилась. На какой-то миг она окончательно растерялась: прошлое и будущее смешались, не стало ни академии на первой базе, ни фермы на Марсе, ничего не стало — маленькая девочка пошла в школу и, чтобы срезать дорогу, свернула на тропу через березовую рощу: тусклую, грязно-серую, потерявшую все краски.

Дети иногда теряются в лесу. С этим ничего не поделаешь.

Тогда вокруг нее тоже появился туман — в точности такой же, молочно-розовый, словно в нем пролилась кровь. Все случилось слишком быстро: тропинка утонула в нем, и растворились очертания школы вдалеке, и ничего не стало. Туман окутал Лизу, и какое-то время она еще шла, чувствуя под ногами раскисшую грязь лесной тропинки, которая постепенно сменилась каменистой почвой.

И это уже был Марс.

Кажется, Лиза заорала. Схватившись за Лаверна как за единственную возможную опору, она всей душой молилась о противоположных вещах: ни в коем случае не рухнуть в этот туман — и все же вновь очутиться в нем, чтоб вернуться домой. Шум в ушах нарастал, и Лиза поняла, что это свистит ветер — они все-таки падали.

Когда Лиза очнулась, туман исчез. Она снова была в кабинете для индивидуальных занятий, Лаверн обнимал ее и гладил по голове, нашептывая что-то неразборчивое, но очевидно успокаивающее. Некоторое время Лиза смотрела по сторонам, стараясь выровнять дыхание и прийти в себя, окончательно удостоверившись в том, что она никуда не пропала.

— Мы в академии, да? — спросила она. Лаверн кивнул, и почему-то Лизе хотелось, чтоб он не убирал руку с ее головы. Это было то самое сочувствие и понимание, которого она была лишена с тех пор, как уехала Михайлина.

— Да, мы в академии, — откликнулся Лаверн и легко прикоснулся губами к ее виску. — Все хорошо, девчонка. Завтра повторим.

Лиза рванулась от него — из-за обещания продолжить общение с туманом и из-за поцелуя, само собой, но фейери удержал ее.

— Ну, ну. Не барахтайся так, рыбка, — сказал он. — Все будет в порядке. Ты же обещала мне помочь с Царем-Вороном? Для этого тебе придется хорошо заниматься.

Лаверн слегка отстранил Лизу и добавил, глядя ей в глаза:

— Ты ведь хочешь вернуться домой, не так ли?

— Хочу, — кивнула Лиза. К этому моменту она уже успела совладать с собой, ее дрожь унялась, и она могла действовать без импульсивных порывов. — Но и ты тоже должен сделать кое-что.

В глазах фейери мелькнули золотисто-зеленые искры. Кабинет наполнил запах весеннего дождя: первого, того самого, который пробуждает землю и говорит траве, что зима закончилась, и ей пора расти.

— Что именно? — ободряюще улыбнулся Лаверн. Лиза в очередной раз подумала, что ему нельзя доверять. Ни в коем случае. Он врет и не краснеет.

Но он мог вернуть ее домой. И этим нельзя было пренебрегать.

— Не насылай на меня больше эти сны, — попросила Лиза. — И так ничего хорошего, еще и это.

Лаверн изменился в лице. Вот действительно изменился: только что он был мягким, доброжелательным и почти расслабленным — и вдруг черты его лица отяжелели и заострились, приобрели практически животную жестокость. Но за этой внезапной злостью Лиза неожиданно для самой себя увидела растерянность.

— Я не насылаю на тебя никаких снов, невыносимая девчонка, — процедил он так, что стало понятно: Лаверн тут не при чем. — Сколько раз тебе нужно об этом сказать?

— А, ты ведь и сам видишь эти сны! — вдруг осенило Лизу. И в самом деле, с чего бы Лаверну настолько разъяриться, если он не имеет к видениям Лизы никакого отношения?

Фейери удивил Лизу еще раз: он смутился. На побледневших от гнева щеках появился румянец, а ноздри дрогнули. По кабинету прошелся ветер.

— Точно, ты тоже их видишь, — уверенно сказала Лиза. — И чья это работа, как считаешь?

Лаверн словно бы опомнился. Выпустив Лизу, он прошел к столу, снова включил свой планшет и сделал вид, что чрезвычайно занят. Но Лиза не собиралась оставлять его в покое.

— Тут Флер Бувье сделала приворотные зернышки, — сказала она. — Может, на нас тренировалась?

Лаверн презрительно фыркнул.

— Ты с ума сошла, девчонка. Как может какая-то Флер повлиять на меня?

— Также верно, — согласилась Лиза. В ней почему-то проснулось стремление пораздражать Лаверна. Он действовал всем на нервы с самого начала учебы — и Лизе захотелось хоть немного отквитаться. Она пододвинула стул к столу фейери, села и спросила: — А тогда откуда все это берется?

Лаверн откинулся на спинку стула.

— Откуда берется твоя невыносимость? И невоспитанность? Право же, я не знаю.

— Ты, между прочим, обещал учить меня этикету и манерам, — напомнила Лиза, продолжая улыбаться как можно дружелюбнее. — И где?

— Ты безнадежна, девчонка. Ты вечно будешь ходить с руками во рту, — проговорил Лаверн. Его, по всей видимости, забавляла эта спонтанная пикировка. — И с хвостом.

— Значит, из тебя плохой учитель, — парировала Лиза. Она чувствовала, что ее несет куда-то не туда, и она обязательно пожалеет об этом разговоре — но Лиза не могла остановиться. — Пойду спать, может, там у нас лучше получится.

Лиза не уловила движения: вроде бы только что они сидели за столом — и вот уже стоят, и Лаверн держит ее за руки вроде бы мягко, но при всем желании не вырвешься. Все было, как во сне, только сейчас, замерев от нахлынувшего сладкого ужаса, Лиза поняла, что все наяву. Доигралась, шутки кончились...

Поцелуй был в точности таким же, какой ей снился. Лиза зажмурилась, невольно подаваясь навстречу фейери, ей было одновременно очень хорошо, очень сладко и очень стыдно. От волнения подкашивались ноги. Отправляясь в академию, Лиза, конечно, рассчитывала на отношения с каким-нибудь неплохим парнем, но и подумать не могла, что будет целоваться с самым невыносимым человеком на свете — и получать от этого искреннее удовольствие.

«Невероятно», — только и смогла подумать Лиза, когда фейери наконец-то оторвался от нее. Судя по его довольной физиономии, Лаверн всей душой радовался тому, что произошло между ним и Лизой.

— Мне понравилось, — признался фейери. — В самом деле, почти как во сне.

Лизу окатило соленой волной гнева. Он еще смеет издеваться!

— Зараза! — промолвила она. Лаверн улыбнулся, и, повинувшись его короткому жесту, дверь кабинета открылась, намекая, что Лизе пора удалиться.

— До завтра, чудище, — промолвил фейери. — Сладких снов!

Глава 5

— Нет, ну какая сволочь!

Вбежав в свою комнату, Лиза первым делом бросилась в ванную — там она включила воду и принялась умываться и старательно полоскать рот. Анна и Сергей, которые сидели за столом и готовились к занятиям, удивленно оторвались от неправильных глаголов. Даже Комета прекратил деловито грызть любимую косточку и, рассыпая искры по всей комнате, бросился к Лизе. Когда она закончила с умыванием и, всхлипывая, вышла из ванной, то Сергей спросил:

— Проблемы с индивидуальными?

— Как в воду глядишь, — вздохнула Лиза. Она не могла понять, что чувствует — обида, гнев, злость и непривычное томление переплелись так, что Лиза уже не в силах была разобраться в себе. — Ох, ребята...

— Что случилось-то? — поинтересовалась Анна. Она выглядела спокойной: должно быть, они с Сергеем все-таки пришли к общему решению, и Флер остается только признать свое поражение. Староста был не из тех, кто побежит за новой пассией по воле приворотного зернышка — по крайней мере, Лизе хотелось в это верить.

— Да что... — она махнула рукой и отвернулась, но это только сильнее встревожило Анну — она тотчас же поднялась из-за стола, села рядом с Лизой, и в ее взгляде была искренняя забота и желание помочь.

— Лаверн, да? — спросила Анна. — Что он сделал?

Лиза невольно замялась. Рассказывать про сны и поцелуй было невыносимо — и так же невыносимо было все держать в себе, не имея возможности хоть с кем-нибудь поделиться. В конце концов, Лиза вздохнула и призналась:

— Он меня поцеловал. И нам снятся одни сны на двоих.

Лиза боялась, что Анна с Сергеем не воспримут сказанного всерьез и примутся потешаться над ней. Но ничего подобного не произошло. Анна заботливо погладила Лизу по плечу и сказала:

— Знаешь, меня это не удивляет. Ты умудрилась его сильно зацепить.

— Зацепить? — удивленно переспросила Лиза. — Это чем же?

Анна замялась, но потом ответила:

— Тогда, с платьем. Помнишь?

Лиза издала расстроенный стон. Вот ведь негодяй!

— С каким это еще платьем? — осведомился Сергей, и Лиза почти одновременно с ним выпалила:

— Вот паразит! А ведь обещал, что все забудут.

— Я не забыла, — сказала Анна. — Но я, скажем так, свой человек. Лиз, насколько я понимаю Лаверна, ты ему понравилась. Действительно понравилась.

Лиза всхлипнула и уткнулась лицом в ладони. И эта зараза еще будет уверять, что не насылала на нее никаких снов! Ни единому слову нельзя верить! Крутит и вертит, как хочет...

— Слушайте, но ведь это же замечательно! — воскликнул Сергей. Анна и Лиза тотчас же воззрились на него с одинаковым выражением, и староста поторопился объяснить: — Мы ведь не знаем, где его уязвимые места, верно? А Лиза сможет это выяснить!

Недоумение на лицах девушек тотчас же сменилось искренним возмущением, и Лиза обрадовалась тому, что Колючка разделяет ее чувства.

— Ну ты ловкий! — воскликнула она. — Сразу сориентировался!

— А что? — то ли Сергей не понимал возмущения Лизы, то ли делал вид, что не понимает. — Он тебе противен?

Лиза решила не уходить от вопроса: в конце концов, она почти всегда говорила правду.

— Нет, — хмуро призналась она. — Нет, не противен. Но я не собираюсь под него ложиться, если ты об этом.

— Нам лучше подумать о другом, — подала голос Анна. — Я точно знаю, что он не умеет насылать сны. Однажды попросила его избавить меня от кошмара, и Лаверн признался, что не умеет работать со снами. Это очень тонкая и непредсказуемая материя. Понимаете, к чему это?

— Тут действует кто-то, чьи силы позволяют манипулировать Лаверном, — проговорил Сергей, словно заворуженный. Некоторое время все молчали, а затем Лиза спросила:

— Царь-Ворон? Он ведь понял, что Лаверн хочет вернуться — может, решил намекнуть, что лучше сидеть тихо?

— Ну, вряд ли наш ректор откажется от своих планов, — сказал Сергей. Комета забрался к нему на колени и ласково лизнул в щеку, словно хотел сказать: все будет хорошо, не надо хмуриться, у вас ведь есть я. — И я уверен, что он прекрасно понимает, откуда ветер дует со всеми этими снами.

Лиза вздохнула. Еще бы Лаверн не понимал...

— И что нам делать? — спросила она. — Что мне делать?

— Извини, я неправильно выразился, — сказал Сергей. — Я вовсе не предлагаю тебе ложиться под Лаверна ради общего блага. Но ты все равно ходишь к нему на индивидуальные, вы друг другу снитесь, и дело уже до поцелуев дошло. И раз уж нам всем некуда деваться, то может, тебе стоит попробовать с ним подружиться?

Единственным, что сейчас чувствовала Лиза, была жгучая обида. Не на Сергея — он во всем был прав. На себя и Лаверна.

— Обычно он своего добивается, — подлила масла в огонь Анна.

Лиза устало вздохнула и рухнула на кровать лицом вниз.

Филин сидел в преподавательской и старательно делал вид, что просматривает расписание занятий. Имитация бурной деятельности вполне получалась: похоже, Филин дошел до такого уровня профессионализма, что расставлял пары по сеткам расписания уже автоматически.

На самом деле он слушал, как журчит ручей. Бойкий такой, пульсирующий, энергичный, он выбивался из-под земли, расталкивая ее непослушные комья и прыгал по камням, пробивая себе дорогу. Весна! Весна! — горланили огромные черные птицы, летая над вершиной холма. С него уже сошел снег, и темно-рыжие космы прошлогодней травы превращали холм в чью-то нестриженую макушку.

Филин неторопливо поднимался по ноздреватому грязному снегу, подставив лицо весеннему солнцу: оно уже грело, уже радовало и не собиралось закрываться тучами. По радостному синему небу с юга неслись легкомысленные кудряшки облаков: сверху белые, снизу розовато-сиреневые. Филин вздохнул и повел плечами, сбросив всю тяжесть минувшей зимы вместе с иссиня-черной мантией. Обернулся: ткань упала складками, похожими на перья.

— Андрей Петрович, можно?

Староста Гершензон заглянул в преподавательскую с таким видом, что стало ясно: у парня неприятности. Филин выключил планшет и ответил:

— Да, Сергей, заходите. Что случилось?

— Нет, я бы... — Сергей замялся. — Можно вас на минутку?

Похоже, парень собирался побеседовать без свидетелей. Отложив планшет, Филин вышел в коридор и, когда мимо них с Сергеем прошла группка второкурсников, которые энергично перебрасывались золотыми и серебряными сверкающими шариками, поинтересовался:

— Так что произошло?

Сергей хмуро смотрел на носки своих кроссовок. Филин обратил внимание, что шнурок на

правом кроссовке вот-вот развяжется.

— Андрей Петрович, вы про Флер Бувье слышали?

Филин усмехнулся. Аберфорт вчера рассказал ему о том, каких дел натворила новоиспеченная колдунья.

— Да, слышал. Вроде бы вам советовали сходить к ректору Фро?

Сам бы он не пошел к Лаверну даже под угрозой расстрела из атомной пушки. Хотя бывают ситуации, когда не то что пойдешь — побежишь. Сергей вдруг как-то по-детски шмыгнул носом и посмотрел на Филина так, что у того сжалось сердце от жалости и сочувствия.

— Я сходил. Попросил его, чтоб он достал это зернышко.

— Ну, а он? — Филин начал терять терпение: раньше непохоже было, что из студента Гершензона, самого умного студента факультета и прирожденного оратора, придется каждое слово вынимать клещами.

— А он только улыбнулся и говорит: «Ничем вам не могу помочь, Сережа, потому что в вашей ауре нет никаких приворотных зернышек», — сказал Сергей и чуть не всхлипнул.

— И что? — не понял Филин. — Если нет зернышка, то что тебе мешает жить?

— Флер, — едва слышно прошелестел паренек. — Я на Анну смотрю, а вижу Флер. И думаю о ней... не хочу думать, а думаю. То есть, получается, что зернышко все-таки сработало.

Филин припомнил, как выглядит эта Флер Бувье, сокрушительница сердец. Несомненно, очень умная, даже заумная, она была из того типажа домашних забытых девочек, которые дальше книг ничего не видят и, собственно, боятся видеть. А тут новый мир, чудеса и возможность творить эти чудеса самостоятельно — неудивительно, что угрюмая заучка, на которую мальчики смотрели только тогда, когда хотели списать домашнее задание, решила творить свою судьбу собственными руками.

Аберфорт был прав: так дела не делаются.

— Чем я могу помочь? — Филин подумал о том, что в мире все-таки должна существовать мужская солидарность, особенно с учетом того, что он и компания Гершензона были в определенной степени заговорщиками. Сергей с мольбой взглянул ему в глаза и попросил:

— Посмотрите вы. Ректор Фро мог меня и обмануть... просто ради того, чтоб посмеяться. Вдруг оно все-таки еще во мне.

Филин неопределенно пожал плечами: он и понятия не имел, как можно обнаружить в человеке следы чужой магии. Но Сергей так смотрел на него, словно готов был упасть на колени перед последним прибежищем — и Филин, который искренне сочувствовал парню, вдруг понял, что все очень даже просто.

Надо было взять Сергея с собой на холм. Туда, где апрельский снег торопился растаять, а трава с отвагой победителя пробивалась из-под согретой солнцем земли. Туда, где в весенней лазури кружили огромные черные птицы.

Солнце по-прежнему было теплым и ласковым. Филин сощурился, издал блаженный вздох — вот то, что на самом деле нужно всем страждущим. Весна, тепло и надежда. Он шагнул по траве, чувствуя, как утекает прочь напряжение последних недель, и обернулся.

Сергей стоял в снегу — прямо так, как был в академии: в футболке с цветными разводами и надписью «Rio de Janeiro. Learning to dance» и в джинсах. Кроссовки наверняка промокли от снега, но парень этого не замечал: он ошарашенно смотрел по сторонам и не мог сказать ни слова, открывая и закрывая рот, словно выброшенная на берег рыба.

— Вы? — наконец промолвил он. — Андрей Петрович... вы..?

Филин улыбнулся и ответил:

— В тебе действительно нет зернышка. Флер понимала, что ты захочешь его извлечь и спрятала. Не в твою аuru — в свою. Оно в ней, но связано с тобой. Такова ее магия, Сережа.

По щеке Сергея вдруг пробежала слеза, и Филин понял, что он испытывает в эту минуту. Не

светлую радость от солнечного апрельского полудня — а чистый, беспримесный ужас.

— Андрей Петрович... — повторил Сергей. — Получается, вы... Царь-Ворон, да?

Филин слепо дотронулся до головы: пальцы наткнулись на косточки, скрепленные золотой проволокой. Темные складки плаща тянулись за ним, словно крылья. Филин посмотрел на свои руки — увидел тяжелые серебряные перстни на знакомых пальцах.

И тогда он понял, что все было напрасно. Аберфорт забрал его из опиумного притона, но так и не смог спасти. И чудовище, которое смотрело в их мир немигающим черным глазом, похожим на погибшую звезду, все-таки нашло способ выбраться.

— Я не на стороне чудовищ, — произнес Филин и схватился за горло: наружу лезли совсем другие слова, сказанные чужим голосом:

— Как упал ты с неба, денница, сын зари...

Филин не запомнил, как они вернулись.

Вроде бы только что Филин и Сергей стояли на вершине холма, обдуваемого апрельским ветром — и вот уже идут по коридору академии, и воздух пахнет синтетической хвоей из освежителей, а не теплой влажной землей и свежими ручьями. Филин посмотрел на информационную панель: жилой корпус, третий этаж. Дойти до лестницы — и будут апартаменты преподавателей. По счастью, никто из живущих здесь студентов не попался по пути, все были на занятиях — а то удивился бы и выражению лица заместителя декана, и оторопелому виду Сергея. Тот шел, покачиваясь, словно крепко выпил.

— Я не Царь-Ворон, — уверенно сказал Филин, не оглядываясь на старосту. — Но теперь, по меньшей мере, знаю, как называется эта дрянь.

Сергей испуганно посмотрел на него, и Филин знал, что он видит за белым деловым костюмом заместителя — черно-синее одеяние Царя-Ворона и блестящие крылья за спиной.

— Андрей Петрович, пожалуйста, — взмолился парень, когда они поднялись по лестнице и вышли на преподавательский этаж. — Пожалуйста, скажите, что происходит. Я ничего не понимаю...

Филин ухмыльнулся. Прижал руку к панели замка возле своей комнаты, и дверь открылась. Все, конечно, было плохо, просто очень плохо — но в надежно запертом ящике его письменного стола хранилось несколько бутылок дорогого коньяка в подарочной упаковке, и Филин знал, что сегодня свернет им головы.

А там и до солей дело дойдет. Гулять так гулять, имеем полное право.

— Конечно, ты должен хранить молчание, — сказал Филин, пропуская Сергея в комнату. Тот с готовностью закивал. Филин устало расстегнул пиджак, опустился в кресло и указал старосте на стул. — Потому что если о том, что я тебе скажу, узнает хоть кто-то, то приворотное зернышко станет самой мелкой проблемой для всех нас.

— Я ничего не скажу, — нахмурился Сергей и прижал руку к груди. — Честное слово.

Филин улыбнулся. Этот жест был в ходу у путешественников и авантюристов, и наверняка Сергей позаимствовал его у спутников в одном из своих путешествий. Ну и хорошо. Парень наверняка искренен.

— Все началось восемь лет назад, — устало вздохнул Филин, старательно подавляя в себе желание вынуть одну из бутылок прямо сейчас. Они звали его тоненькими хрустальными голосами из-за закрытой дверцы ящика, но пока Филин мог игнорировать их призывы. — Я тогда жил у Килиманджаро и был тяжело болен. Очень тяжело.

Во взгляде Сергея появилось понимание.

— Подождите, это на Земле Килиманджаро, да? — уточнил он. Филин кивнул, и Сергей сказал: — Но ведь там сеть наркопритонов... крупнейшая в Солнечной системе.

Похоже, парень снова растерялся.

— Я и говорю, что был болен, — мягко ответил Филин. — Тогда моя зависимость почти достигла точки невозврата. Но только нахождение под препаратами не позволяло мне

поддаться ему. Потому что он хотел заглянуть в наш мир моими глазами. Конечно, этого нельзя было допустить.

— Царь-Ворон, да? — прошептал Сергей. Когда Филин начал свой рассказ, то он не сомневался, что ему не поверят. Но вот Сергей сейчас верил. Полностью и безоговорочно.

— Да, — кивнул Филин. — По всей вероятности, у меня глубокое раздвоение личности или какое-то другое заболевание, которое не фиксируют медицинские приборы. Именно из-за него Царь-Ворон и выбрал меня. Я — его ключ к дверям в наш мир. Возможно, я его аватар. До определенного момента у меня получалось с ним сражаться, но потом Лаверн наделил меня магическими способностями... и ты сегодня видел, чем все закончилось.

Сергей выглядел так, словно готов был разреветься, как девчонка. Филин его не винил. Он и сам почти стоял на пороге глубокой истерики.

— И что же нам делать? — спросил Сергей. Филин неопределенно пожал плечами.

— Не знаю, — ответил он.

— А чего он хочет? Царь-Ворон... Что ему надо?

— Не знаю, — повторил Филин и как-то жалко улыбнулся. — Я, конечно, постараюсь сделать все, чтобы не выпустить его снова. Но от меня, увы, мало что зависит. Особенно теперь.

— Я никому не скажу, — решительно сказал Сергей. — Но, Андрей Петрович, вы тоже должны...

«Ага, — устало подумал Филин, — кажется, дело дошло до шантажа».

Ему вдруг стало невыносимо скучно. Он представил, как Сергей попросит выдернуть зернышко из паразитки Флер, и с трудом подавил зевоту.

— И что же я должен? — спросил он с обманчивой мягкостью. Сергей почесал щеку и ответил:

— Бороться, Андрей Петрович. Вы должны бороться. Потому что хватит с нас Лаверна. Царя-Ворона мы точно не выдержим.

«Дурачки, — горестно подумал Филин. — Вас ведь и учат магии только для того, чтоб бросить на Царя-Ворона».

Он представил, как на холме, под весенним небом, лежат погибшие. Вот Анна, вот ее подруга Ломинцевская, вот и Флер, и Сергей... Открытые глаза слепо смотрят вверх, туда, где в размеренном круговороте парят огромные черные птицы.

— Я не на стороне чудовищ, — решительно сказал Филин. Сергей вдруг улыбнулся — открыто и лихо — и откликнулся:

— Я в этом никогда не сомневался.

— Примерно так выглядит мой мир.

Лизу раздражало то, что она никак не могла понять: сон ли это или явь? Они с Лаверном лежали, вытянувшись, на траве, головой к голове, от фейери пахло чем-то неуловимо притягательным, и в небе над ними парили облачные города.

Они постоянно меняли форму. Из высоких стен замков выбрасывались мостки и вырастали кружевные балкончики, а от ворот вдруг выбегали дороги, и отряды белых всадников отправлялись в путь, и ветер трепал их волосы и флажки на копьях. А потом замки превращались в уютные деревенские домики с розовыми крышами и яблоневыми садами, и Лиза видела, как на скамейках сидят парни и девушки, смеются, а потом целуются.

— Красиво, — призналась она. — Очень красиво.

— Так было, — печально усмехнулся фейери. — Так было давным-давно, когда предки людей еще прятались на деревьях. Я не знаю, как там теперь.

Лиза удивленно покосилась в его сторону.

— Ты же говорил «Я здесь, я везде, я всегда», — сказала она. — Не можешь посмотреть?

Лаверн фыркнул.

— Теперь это владения Царя-Ворона, несносное чудовище! Я не могу заглянуть туда! — гневно воскликнул он и тотчас же с нескрываемой грустью добавил: — Наверняка все там сделалось по-другому. И нет ни садов, ни замков, ни моих подданных. Царь-Ворон все разрушил.

На мгновение Лизу придавило к траве настолько тяжелой, томительной тоской, что она едва не расплакалась. Он ведь действительно был последним фейери, этот невыносимый Лаверн, он хотел вернуться домой, и она сейчас понимала это стремление, как никто другой.

— А я больше не была на Земле, — вдруг призналась Лиза. — Никогда не была. Просто смотрела трансляции с камер по сети. Представляешь, на месте моего дома теперь пункт зарядки роботов-пилотов. А там, где была школа, теперь стоянка для флаеров...

Она ожидала какой-то особенно язвительной насмешки, но Лаверн понимающе произнес:

— Неудивительно, Лиз. Сколько веков прошло. Каким был твой дом?

Во сне он был намного серьезнее, чем наяву. Лиза прикрыла глаза. Она каждую ночь видела во сне дом, сад и маму, но сейчас, когда Лаверн спросил, обнаружила, что знакомая картинка выцвела, поблекла и утратила жизнь. Все давным-давно прошло и закончилось, от ее мамы даже праха не осталось. Ничего нет. Она провела на Марсе больше времени, чем дома.

Она никогда не сможет вернуться по-настоящему. Только во сне — и утром подушка снова будет мокрой от слез.

— Я... — начала было Лиза, и по щеке тотчас же сбежала слеза. Она провела ладонью по щеке и ответила: — Прости. Я не могу сейчас об этом.

— Там наверняка было красиво, — без малейшей насмешки сказал Лаверн. Облачный город над ними растаял, и несколько мгновений Лиза смотрела в абсолютно чистое небо. Потом Лаверн поднял руку, и по синеве вновь побежали облачные нити.

— Смотри, — произнес фейери. — Похоже?

Облако соткалось в знакомый дом: старый, двухэтажный, еще дореволюционной постройки. Вечернее солнце брызнуло на облачную белизну радугой, и Лиза увидела знакомые стены из темно-красного кирпича, цветущую персидскую сирень под распахнутыми окнами, детскую площадку, белье, трепетавшее на веревках, словно паруса пиратских кораблей. Кажется, она услышала знакомый скрип качелей. Из чердачного оконца выбралась кошка, перепрыгнула на ветку сливы и, изящно подняв лапу, принялась вылизываться.

— Да, — прошептала Лиза. — Да, это он.

Это было невыносимое, рвущее на части чувство. Горло сдавило — она поняла, что сейчас умрет. Просто задохнется в слезах и своих воспоминаниях.

— В самом деле, красиво, — серьезно ответил Лаверн. Вздохнув, он поднялся, сел рядом с Лизой и взял ее за руку.

— Это сон, да? — спросила Лиза, и фейери кивнул.

— Конечно, сон. Наяву ты совершенно невозможное чудовище, а во сне с тобой вполне можно общаться как с разумным существом.

— Я не чудовище, — только и смогла выговорить Лиза. Облачный дом с сиреневым садом был настоящим, и она с затаенным желанием и страхом ждала, что откроется дверь, и во двор выйдут маленькая Лиза и мама.

— Я знаю, — с прежней серьезностью согласился Лаверн. — Но не могу так тебя не называть, уж такова моя природа. Не принимай близко к сердцу. Мы, фейери, были ужасно несерьезным народом. А теперь вот остался один я — и я тоже несерьезен.

Он погладил Лизу по виску согнутым указательным пальцем и сказал:

— Ты вернешься. Обязательно вернешься. И я вернусь.

— Остались мелочи, — Лиза шмыгнула носом и тоже села. Двери дома не открылись, никто не вышел. Облачное видение медленно таяло, тянулось туманной дымкой к закату солнца.

Здесь тоже было хорошо: Лиза и фейеры сидели среди удивительно красивого дикого сада с растрепанными розовыми кустами. От деревьев по траве тянулись таинственные сиреневые тени.

— Мелочи, девчонка? — усмехнулся Лаверн. — Победить Царя-Ворона — это, по-твоему, мелочи?

Лиза вздохнула. Старый дом из воспоминаний, отраженный в небесах, придавал ей сил.

— Главное взяться, — ответила Лиза. — А там решим.

Проснувшись, Лиза покосилась на часы — половина второго ночи — и долго лежала просто так, глядя в потолок и не в силах заснуть снова. Интересно, насколько эти насланные сны отражали реальность? Ведь если они во многом были правдивы, то... Лиза неохотно призналась себе, что фейеры выглядели весьма интересным и привлекательным. Не только как мужчина — он казался вполне приличным, порядочным человеком.

И это было странно. Получалось, что и наяву Лаверн должен был быть не таким плохим. Ну, хочет вернуться домой — так и что? Лиза тоже хочет. Характер у него, конечно, не сахарный, так и все мы не без греха. Заместитель Филин, похоже, пьёт, как черт: конечно, от него никогда не пахло перегаром, а интеллигентное лицо не носило отпечатка загулов — но Лиза чувствовала в нем что-то общее со своим отцом и дядькой.

Интересно, как они там? Лиза вспомнила, что собиралась написать Михайлине Ломинцевской, и тотчас же поняла, что в этом нет смысла. Лаверн вычеркнул всех обитателей академии из мира — никто и никогда о них не вспомнит, не будет искать, не заплачет, если что-то случится.

Лиза не любила ощущение внутренней путаницы и раздрая, но сейчас поняла, что ее начинает тянуть в разные стороны. Лаверн показался ей хорошим — но при этом он успел наворотить таких дел, что с ним рядом и стоять-то не хотелось. В конце концов, разве есть смысл равнять события во сне и наяву?

Лиза растерялась окончательно.

Колочка едва слышно посапывала на своей кровати, Комета привалился к ней под бок и бодро похрапывал на сто мелодий, периодически рассыпая вокруг себя искры. Наверняка ему снилось что-то приятное. Лиза вздохнула, поднялась и, стараясь ступать как можно тише, вышла из комнаты.

Балкончик, на котором они тогда встретились с Лаверном, был пуст, и Лиза вдруг ощутила укол одиночества. И на что, интересно, она рассчитывала? Даже если этот сон тоже был общим, с чего бы Лаверну вставать и отправляться на ее поиски? Он, должно быть, просто перевернулся на другой бок и стал смотреть сны уже без участия Лизы.

Почему ей тогда настолько грустно?

— Не спится, девчонка?

Лиза даже подпрыгнула от неожиданности. Лаверн выступил из серебристой тени на стене, и Лиза невольно задалась вопросом, сколько времени он тут провел. Может, тоже ждал, когда она придет?

Зачем она вообще пришла? Спала бы дальше.

— Да вот, что-то уснуть не могу, — пожаловалась Лиза, почесав правое веко. Лаверн понимающе покачал головой, приблизился. Длинный жемчужно-серый плащ, стелившийся за ним, был усеян звездами. Лиза узнала созвездие Большой Медведицы, потом увидела сплетение галактик в паху у Ориона.

— Кто ты? — спросила она, прекрасно понимая, что ей все равно не скажут правду. — Кто ты на самом деле?

— Я последний король фейеры, — доброжелательно улыбнулся Лаверн. — А ты — несносное чудовище, которое об этом забыло.

Лиза нахмурилась.

— Во сне ты был намного приятнее, — поддела она. Фейеры понимающе качнул головой и

заметил:

— У тебя красивый дом, Лиза.

— А у тебя был красивый мир, — Лиза говорила совершенно искренне, и в эту минуту ей хотелось бы сказать совсем о другом, но она неожиданно для себя промолвила:

— Мы так и будем тут встречаться по ночам...

Она вдруг поняла, что на самом деле ей хочется именно этого: встречаться с Лаверном так, чтоб никто не узнал об их встречах. Лизе было стыдно. Она не должна была чувствовать влечения, но Лаверн все равно привлекал: какой-то открытостью, свободой делать то, что считает нужным...

И возможностью вернуться домой, что уж там.

— Я бы хотел этого, — признался Лаверн с такой неподдельной открытостью, что у Лизы сердце защемило. — Ты мне действительно нравишься, чудовище.

— Это чем же? — нахмурилась Лиза. Невольно вспомнился один из соседских парней, который однажды оперся о забор и, небрежно жуя жевательную резинку, произнес: «Нравишься ты мне, Лизка. Пошли, что ли, в дом, пока бати твоего нет?»

Лиза тогда выплеснула ему в лицо ведро грязной воды, и незадачливый кавалер едва ворота не снес — так ему хотелось отквитаться. Но Лиза успела спрятаться в доме, а там и отец вернулся от соседей, и ведро воды показалось любителю легкого интима этакой простенькой разминкой.

Не то что бы отец настолько сильно пекся за Лизину честь. Просто тот паренек был ленив и небогат, и с него нечего было стрясти в случае чего.

— Тем, что ты живая, — сказал Лаверн. Он взял Лизу за руку, и прикосновение отдалось легким дуновением летнего ветра: не жаркого, а наоборот, несущего прохладу в душный день. — Ты хочешь быть собой в любых обстоятельствах, ценишь свою свободу и не боишься условностей.

— Ты про платье? — прищурилась Лиза. — Обещал же, что все забудут. А Анна вот помнит.

— И про него в том числе, — Лаверн улыбнулся, пробежался пальцами по растрепанной косе Лизы, небрежно брошенной на плечо. Повинуясь его прикосновениям, волосы пригладились, послушно легли в прическу, и Лиза почувствовала, как невольно выпрямляется спина. Королевская осанка — это, конечно, здорово, но как же с ней тяжело ходить!

— Но вообще у меня есть предложение, — сказал Лаверн. — Пойдем прогуляемся?

За все время, проведенное в академии, Лиза ни разу не покидала стен замка. Занятия и подготовка к ним отнимали у нее массу времени, да и вообще приключений выпало столько, что о прогулках Лиза думала в последнюю очередь. Но сейчас, когда они с Лаверном вышли из здания и, миновав внутренний дворик и выйдя за ворота, очутились в саду, Лиза поняла, что давно должна была оказаться здесь.

В саду была осень, хотя Лаверн, конечно, мог выбрать любое время года. Кроны деревьев полыхали всеми оттенками красного, но в этом, вопреки ожиданиям Лизы, не было ничего тревожного. Лиза не любила осень. Приход сентября всегда заставлял ее испытывать зудящую тоску и волнение: вдруг она проснется, и окажется, что вся ее жизнь на Марсе была сном, и сон закончен. Но сейчас, бредя вместе с Лаверном по саду, Лиза чувствовала, что тревога покинула ее. Это было странное, непривычное ощущение.

— Красиво здесь, — сказала она, стремясь похвалить Лаверна. Из густой травы выбрался крупный черный жук, посмотрел на идущих и снова убежал. Жук был занят делом: убирал увядшие травинки и сломанные цветы.

— Спасибо, — улыбнулся фейери. — Видела бы ты, какой сад был у меня дома, чудовище.

— Не называй меня чудовищем! — обиделась Лиза. Вот тоже, заладил... — Еще большой вопрос, кто тут настоящее чудовище.

— Хорошо, не буду, — тотчас же согласился Лаверн. С ветки вспорхнула птица и опустилась на его протянутую ладонь с золотистым яблоком в руке. Когда птица улетела, фейери

протянул яблоко Лизе: — Хочешь?

Задумчиво взяв яблоко, Лиза смотрела по сторонам. Ночной сад не был темным, но рыжий свет, падавший на траву и деревья от парящих в воздухе фонарей, придавал ему таинственное сумеречное очарование. Лиза вдруг подумала, что всегда мечтала о чем-то похожем: идти в саду вместе с любимым человеком...

«Ну-ка стоп, — осадил она себя. — Лаверна таким при всем желании не назвать».

Но чувство полного спокойствия и умиротворения было настолько глубоким, что Лиза решила поддаться ему. Все равно у нее не было иного выхода. Сергей прав: с первой базы не сбежать, и уж лучше выдать нужду за добродетель и не мучиться...

— А как ты думал, я среагирую? — спросила Лиза и добавила: — На потерю платья.

Фейери мелодично рассмеялся.

— Я был уверен, что ты расплачешься. И бросишь в меня чем-нибудь тяжелым.

— Я собиралась, — призналась Лиза. — Вот только тяжелого под рукой не оказалось.

— Похоже, мне очень повезло, — улыбнулся Лаверн. Повинуясь движению его руки, из травы взлетели бабочки — крупные, источающие ровный серебристо-голубой свет. Лиза ахнула от удивления — бабочки поплыли вверх, то сплетаясь в удивительные фигуры, то рассыпаясь над садом. Лизе казалось, что она находится в самом сердце бесшумного водоворота — и это уже не бабочки, а звезды и новые галактики, которые рождаются здесь и сейчас, прямо на ее глазах.

Теперь все обрело смысл. И то, что Лиза утратила дом, и то, что Лаверна изгнали — и то, что они встретились и сейчас стояли на поляне под яблонями.

— Как красиво... — прошептала Лиза.

— Я рад, что тебе нравится, — так же негромко ответил Лаверн. — Они так танцуют каждую ночь. Если хочешь, будем приходить сюда вместе и смотреть на них.

Бабочки взмыли к вершинам деревьев сверкающей волной и, рухнув вниз, растаяли в траве. Лиза поймала себя на том, что улыбается, широко и искренне, словно ребенок, впервые попавший в цирк. Это было настоящее чудо, сбывшееся, а не просто обещанное.

И она понимала, что чудо не должно застить ее разум.

— Посмотрим, — сказала Лиза. — Иногда ведь и спать нужно.

Лаверн нахмурился. Он сразу же понял, куда клонит Лиза, и это ему не понравилось.

— Думаешь, я тобой манипулирую, невыносимая девчонка?

— Ну, не без этого, — кивнула Лиза. — Или кто-то крутит нами обоими, и мне ни то, ни другое не нравится.

— Как ты могла такое подумать, — обиженно произнес фейери, и Лиза готова была поклясться, что его обида вполне искренна. — Я не имею привычки врать и дурить людям голову.

— Да? — Лиза сделала вид, что очень удивлена. — А по-моему, фейери только этим и занимаются.

Она была уверена, что Лаверн рассердится — но, к искреннему удивлению Лизы, фейери приблизился к ней и произнес:

— Не всегда же. И не с тобой.

— Ха! — воскликнула Лиза. — А платье?

— Я за него уже извинился, — напомнил Лаверн и легонько поцеловал Лизу в губы. Ощущение было таким, словно трава под ногами пришла в движение, и Лиза вдруг почувствовала себя расслабленной, мягкой и покорной.

Лиза не знала, что это. Ей хотелось надеяться, что это постороннее воздействие — и в то же

время она всем сердцем хотела, чтоб это было началом влюбленности. Сейчас, стоя в ночном саду и опираясь на Лаверна, чтоб не упасть от волнения, Лиза думала, что ей нужно именно это — чувствовать рядом с собой другого человека. Не быть одной.

А потом из-под земли вдруг вырвались упругие петли, по лицу Лизы хлестнула листва, и на мгновение девушку оглушило приторным ароматом роз. Лиза увидела, что находится в самой настоящей клетке, созданной из розовых кустов. Крупные алые бутоны закачались под невидимым порывом ветра.

Лиза схватилась за решетку из розовых стеблей и едва не расплосовала руку: шипы были впечатляющими.

— До завтра, чудище! — рассмеялся Лаверн. — Это научит тебя манерам!

Когда Анна проснулась за четверть часа до звонка будильника, то обнаружила, что Лиза исчезла. Комета, который до этого спокойно спал на своей лежанке, тоже подпрыгнул, тревожно гавкнул, повел носом и, сориентировавшись, принялся прыгать и звать хозяйку из комнаты.

И тогда Анна почувствовала, что волнуется по-настоящему. Совсем недавно она испытывала к соседке определенную неприязнь, от которой теперь не осталось и следа: Анна переживала так, словно Лиза была для нее по-настоящему родным человеком. Лиза не ушла бы на занятия так рано и без нее, Лиза вообще никуда не могла бы деться. И без Лаверна тут не обошлось, он наверняка в очередной раз затеял какую-нибудь пакость.

— Гав! — нетерпеливо воскликнул Комета, явно недовольный тем, что хозяйка медлит.

— Бегу, уже бегу! — натянув футболку, Анна влезла в джинсы и, быстро завязав шнурки на кроссовках, открыла дверь, выпуская собаку. Комета радостно залаял и припустил по коридору, рассыпая во все стороны свои золотые звезды. Анна бросилась за ним. Только бы с Лизой ничего не случилось! Только бы это был Лаверн, а не происки Царя-Ворона!

Спустившись в лифте, они выбежали в просторный зал, тускло озаренный мелкими светлячками, сгрудившимися по углам и под потолком, и совершенно пустой в такой ранний час, и Комета запрыгал возле высоких входных дверей, безуспешно стараясь схватить зубами витую ручку. Когда они вышли из зала во двор, то Комета радостно загавкал и бросился в темный утренний сад.

— Господи Боже... — прошептала Анна. Ее охватило какое-то странное, томительное чувство. Ведь Лаверн не мог сделать с Лизой ничего плохого... или все-таки мог? Или ничего страшного не случилось, а она ни с того ни с сего решила нагнать панику?

Сначала Анна почувствовала сладкий запах диких роз, а уже потом увидела густые заросли розовых кустов на поляне под яблонями. Комета подбежал к ним и звонко залаял. Из зарослей выпорхнула встревоженная птичка, сварливо обругала нарушителя спокойствия на птичьем языке. Анна подбежала к кустарнику и поняла, что без Лаверна тут не обошлось: стебли не могут сами переплестись в таком правильном порядке, образуя решетку.

Он что, Лизу в клетку посадил?

— Лиза! — позвала Анна, пытаясь как-то продрать дыру пошире в переплетении розовых стеблей. Крупные бутоны, качаясь под утренним ветерком, дотрагивались до лица Анны, но эти осторожные прикосновения не вызывали в ней ничего, кроме отвращения. — Лиза, ты здесь?

В сумрачной глубине зарослей мелькнуло бледное лицо, и Анна облегченно вздохнула: жива!

— Я тут! — услышала она голос Лизы. — Не лезь, руки обдерешь. Тут колючки!

— Ты как туда попала? — Анна, разумеется, проигнорировала предупреждение Лизы, и вскоре ее руки украсили свежие царапины. — Лаверновы проделки, да?

— Ага. Посадил меня сюда за то, что я усомнилась в его честности.

Да, ничего другого от Лаверна и не стоило бы ждать. Анна потянула за очередной стебель, и вдруг розовые заросли рванулись в сторону, безжалостно разодрав ей ладонь шипами. Кусты словно бросились бежать — они металась по земле, ввинчиваясь верхушками в траву, и спустя несколько минут от них не осталось и следа. Растрепанная Лиза поднялась с травы, и Анна крепко обняла ее, сказав:

— Я ужасно испугалась.

— Да ну что ты, — улыбнулась Лиза, но было видно, что она в определенной степени испытывает признательность за эту тревогу. Всегда ведь приятно знать, что ты не одна, что о тебе кто-то думает и волнуется. Особенно теперь, после того, как все обитатели академии оказались вычеркнутыми из мира. — Что тут со мной может случиться...

Где-то за садом вскрикнула птица, и девушки замерли, словно почувствовали опасность. Вроде бы ничего не изменилось: менялось освещение, показывая, как наступает утро, позади был полный замок народу, но здесь, в сумерках, среди темных стволов деревьев вдруг стало ясно, что надвигается что-то плохое.

Комета сдавленно пискнул и прижался к ногам хозяек, словно умолял их, больших и сильных, о помощи и защите. Лиза нашарила влажную ладонь Анны и негромко промолвила:

— Бежим.

Но убежать им не удалось.

Силуэт, возникший из-за деревьев, был угольно-черным: казалось, он впитывал свет, запахи, звуки — Анна была уверена, что это нечто питается чужой жизнью. Что если Лаверн специально оставил тут Лизу, чтоб оно...

Стусток тьмы скользнул вперед, споткнулся, налетев на невидимую преграду, и рухнул на траву. Взметнулись темные перья, мрак обернулся складками длинного плаща, и Анна увидела, что под деревьями лежит человек.

Комета негромко заскулил. Рука Лизы сжалась.

— Пойдем посмотрим, — негромко сказала она.

— Ты что, с ума сошла? — удивленно спросила Анна. — Бежим отсюда!

Но Лиза упрямо потащила ее к лежавшему в траве. Когда они подошли, то Анна взглянула в бледное лицо, запрокинутое к небу, и, вскрикнув, зажала рот ладонями.

Заместитель Филин был одновременно похож и не похож на себя. Он был тем самым солидным сотрудником академии — и в то же время чем-то, не имевшим отношения к людям в принципе. Сквозь осунувшееся лицо проглядывали чужие черты, сухие и жесткие, словно нечто, поселившееся в нем, осматривалось и обустроивалось на новом месте. Пока Анна и Лиза с ужасом смотрели на лежавшего, черные складки плаща медленно растаяли, рассыпавшись по траве каплями росы. На мгновение мелькнули тяжелые серебряные латы, украшенные жемчугом.

— Твою же мать... — прошептала Лиза. Осторожно шагнув вперед, она склонилась над Филиным и позвала: — Андрей Петрович! Андрей Петрович, вы слышите?

Посеревшие губы Филина дрогнули, и он просипел:

— Где я?

— В саду, возле академии, — набравшись смелости, Анна тоже подошла к Филину. — Вы как?

Филин открыл глаза и некоторое время смотрел вверх, не говоря ни слова. Потом он шевельнулся — у Анны возникло стойкое ощущение, что так бьет крыльями раненая птица, которая пытается подняться — и сказал:

— Вы не видели меня. Понятно?

— Понятно, — согласилась Лиза. — Но мы вам можем помочь.

— Хорошо, — с какой-то неожиданной легкостью согласился Филин. — Хорошо. Помогайте.

По счастью им никто не встретился.

Студенты только начали просыпаться, а столовая была слишком далеко, чтоб мыши-повара могли заметить двух студенток, которые вели под руки заместителя декана, и собаку, что чинно шла рядом с ними, порой рассыпая по воздуху золотые звезды. Когда вся компания наконец-то поднялась на преподавательский этаж, то все, напоминавшее о Царе-Вороне,

пропало, и Филин снова был собой. Он, конечно, выглядел усталым и вымотанным, но мало ли, от чего может устать человек в конце рабочей недели?

Это только робот-уборщик всегда бодр и готов к труду, ну и к доносам на студентов, конечно. У людей все немного по-другому.

— Вы помните, что случилось? — спросила Анна, когда они ввели Филина в комнату и, закрыв дверь, помогли ему лечь. В ответ заместитель только пожал плечами.

— Очень смутно, — произнес он. По виску пробежала бисеринка пота, упала на подушку. Филин выглядел больным. Очень тяжело больным какой-то скверной заразой. — Вроде бы проснулся после полуночи, пошел выпить таблетку от головы... а потом сразу оказался в саду и увидел вас.

— Вы были страшный, — призналась Лиза. Она деловито налила воды, вынула аптечку из ячейки под зеркалом и, найдя капсулу обезболивающего, протянула Филину. — Это ведь Царь-Ворон, да?

Филин посмотрел на Лизу так, словно сомневался, стоит ли ей доверять. Потом перевел взгляд на Анну и промолвил:

— Вы ничего не видели.

— Конечно, — охотно кивнула Лиза. — Это Царь-Ворон, да?

Филин устало прикрыл глаза.

— Да, — прошелестевший голос казался неживым. — Он давно пытался... но у меня получалось с ним справляться. Но теперь Лаверн изменил меня — и своими руками открыл ему двери в наш мир.

Девушки посмотрели друг на друга, и Анна подумала: напрасно Лаверн готовится к войне в других мирах. Война уже пришла сюда, на первую базу, и надо браться за оружие.

— Мы никому не скажем, — промолвила она, и во взгляде Филина мелькнула благодарность. — Как мы вам можем помочь? Что нужно сделать, чтоб запереть Царя-Ворона?

Филин нервно дернул головой, и Анна увидела, что его глаза затопила густая блестящая тьма. Теперь на них смотрел Царь-Ворон, и это было жуткое, призрачное ощущение. Во тьме вращались звезды и галактики, и тому, кто ими владел, не было никакого дела до разумных существ из другого измерения, как человеку нет дела до муравьев. Царь-Ворон был иной формой жизни, пугающей и непостижимой.

— Это не ваша война, — разнесся по комнате клекот. Анна невольно удивилась, что Филин может так говорить: человеческое горло не приспособлено для подобных звуков. — Чем вас так заинтересовал этот бродяга? Чем завлек?

Анна невольно опустилась на ближайший стул. Лиза осталась стоять — должно быть, слишком сильно растерялась для каких-то действий.

— У всех свои мотивы, — негромко проговорила Анна. — Флер, например, хочет любить и быть любимой... А я просто боюсь, что если не буду подчиняться, то никогда не вернусь домой.

Царь-Ворон склонил голову к плечу (Анна как-то слепо отметила, что правый рукав пижамы Филина почти оторвался, а сама пижама изгваздана в грязи, словно Филин катался по земле) и сказал:

— Лаверн заслужил все, что с ним случилось. Уж поверьте.

— А его народ? — подала голос Лиза. Анна с невольной радостью отметила, что соседка гневно уперла руки в бока: значит, Царь-Ворон ее уже не пугает. Значит, можно бороться. — Вы ведь истребили всех фейери, Лаверн последний...

— Дитя мое, — кажется, хриплое кашлянье, наполнившее комнату, было смехом. — Фейери это тараканы. Неприятно, правда, но ты ведь борешься с ними. Без всяких сантиментов борешься.

Анна не могла вспомнить, видела ли вообще тараканов в своей жизни, но Лиза понимающе кивнула.

— Получается, мы для тебя даже хуже тараканов.

Лицо Царя-Ворона дрогнуло: словно на глине появилась складка и медленно разгладилась. Где-то там, внутри, в запредельной тьме, еще был Филин — и он боролся.

— Вы никогда не выйдете в мою сферу жизни, — уверенно сказал Царь-Ворон. — Я изучал вас достаточно долго, чтобы в этом убедиться, поэтому мне незачем с вами бороться. Это не ваша война, дети, и пусть Лаверн не прельщает вас властью.

— А что нам делать-то тогда?! — воскликнула Лиза, и в ее голосе дрожали с трудом сдерживаемые слезы. — Мы сюда учиться прилетели, а нас взяли и превратили в крыс подопытных! Что мы можем сделать, вот что?

Царь-Ворон перевел взгляд на нее, и Лиза опустошенно промолвила:

— Ничего от нас не зависит. Ни-че-го.

Царь-Ворон снова издал хриплое сипение. Видимо, его очень позабавили слова Лизы.

— А вот от тебя, дитя мое, как раз многое зависит, — заметил он. — Ты даже не представляешь, сколько именно.

Лиза нахмурилась — должно быть, решила, что Царь-Ворон издевается над ней. Анна сидела ни жива, ни мертва. Она поняла, что именно имеет в виду тот, кто сейчас занимал тело заместителя Филина.

— Вы о чем?

— Любовь тоже сила, дитя мое, — улыбнулся Царь-Ворон. — И ее нельзя недооценивать. Ни в коем случае.

Лиза тотчас же залилась румянцем гнева и растерянно пробормотала:

— Да что вы... ты. Да нет ничего!

Но выражение ее лица говорило о том, что Царь-Ворон попал в точку. Лиза смотрела на него, и Анна поняла, что та готова расплакаться от обиды и задетой гордости. А Царь-Ворон улыбнулся и промолвил:

— Ты можешь исправить не только то, как попала сюда. Подумай об этом.

Лиза открыла было рот, чтобы ответить, но дымящийся мрак в зрачках Филина начал таять. Царь-Ворон уходил — он сказал все, что считал нужным.

— Твою мать... — пробормотала Лиза. — И что мне делать?

— Понятия не имею, — ответил Филин уже собственным голосом и без сознания обмяк на кровати.

— То есть, он мне предлагает... — начала было Лиза и осеклась, угрюмо опустив глаза к тарелке. Они с Анной и Сергеем сидели в столовой, но вкуснейший завтрак никому не лез в горло. Крыса-повар в белоснежном колпаке и сюртуке нежно-голубого цвета долго смотрел на студентов, воротящих носы от еды, а потом даже плюнул от огорчения и, топнув ногой, обиженно ушел на кухню.

— То же самое, что и мы, — сказал Сергей. — В одном направлении мыслим.

— Да уж, у дураков мысли сходятся... — вздохнула Лиза, придвинула к себе чашку кофе и отодвинула в сторону.

Разумеется, девушки почти сразу же рассказали Сергею о встрече с Филиным и явлении Царя-Ворона, и он вздохнул с заметным облегчением. Теперь у него и Анны с Лизой была общая ноша — а общую ношу всегда легче нести.

— Ну он вообще неплохой... — начала Лиза. Анна понимающе кивнула. Она, похоже, искренне радовалась тому, что фейеры окончательно перевел внимание с нее на другого человека. Лиза этому не удивлялась: Анна натерпелась от Лаверна сильнее всех.

— И ты не просто так оказалась с ним в саду, — сказал Сергей. В столовую вошла Флер, не поднимавшая взгляда от пола, и устроилась в дальнем углу. После истории с приворотным

зернышком ее окружала невидимая стена всеобщего презрения. Сергей провел ладонью по волосам и продолжал: — Так что в твоих руках наше общее спасение. Как мы и решили.

— А что делать? — хмуро поинтересовалась Лиза и вдруг осеклась: — Сереж, с тобой все нормально?

— А что? — ответил Сергей вопросом на вопрос. Он сейчас выглядел так, словно с трудом сдерживал какое-то тяжелое чувство, тратя все силы на то, чтоб не позволить ему вырваться.

— Ты бледный, — сказала Анна. Лиза отметила, что Колючка остается настоящей леди даже в такой ситуации: вроде бы вполне искренне волнуется за своего парня, но ее волнение находится в строго определенных границах. Удерживается в них силой воли.

Лиза не могла понять, хорошо это или нет. Она всегда считала, что если очень долго сдерживать то, что тебя мучит, то рано или поздно произойдет взрыв — и дай бог, чтоб все после него могли уцелеть.

— Бледный? — переспросил Сергей. Он сейчас выглядел чуть ли не испуганным, словно его застали за чем-то непристойным. «Флер, — подумала Лиза. — Флер, поганка. Она влияет на него».

Сейчас Флер казалась Лизе гибельной русалкой, которая отняла у рыбака сети, поймала его и тянет на дно.

— Это из-за Флер, да? — уточнила она. Сергей бросил в сторону Лизы острый пронизывающий взгляд, словно она ненароком выдала его тайну, и неохотно объяснил:

— Приворотное зернышко не во мне. Оно в ней. И действует. Так сказал Царь-Ворон.

Выпалив это, Сергей угрюмо уставился в свою тарелку с остывшим омлетом, словно больше не хотел ни говорить, ни объяснять — казалось, признание отняло у него все силы. Анна кивнула, и Лиза вдруг с невероятной остротой почувствовала, что Колючка сейчас расплачется. Что ей очень горько и больно. Сергей ни в чем не был виноват — но его влекло к Флер, что бы он ни делал и как бы ни пытался этому противостоять.

— Вот зараза! — воскликнула Анна и добавила совершенно нецензурную характеристику Флер, не удержав привычного образа леди. Флер словно поняла, что речь о ней и, не доедая завтрак, рванула из столовой. Ангелина с поклонниками, появившаяся в столовой подобно королеве со свитой, проводила ее понимающим взглядом.

— Я говорил с ней, — с прежней неохотой произнес Сергей, словно признание каким-то образом порочило его. — Попробовал по-хорошему. А она сказала, что ничего удалять не будет. Что я ей нравлюсь, и она просто подождет. Не вечно же я буду бороться. Когда-нибудь устану.

Анна нервным жестом провела по лицу ладонями. «Вовремя эта паразитка сбежала», — подумала Лиза и сказала:

— Короче, вот что. Сама она, конечно, от приворота не откажется, не за тем все устраивала. Предлагаю соединить приятное с полезным — я пойду к Лаверну и попрошу его убрать зернышко из Флер. А когда он спросит, что взамен... ну вы сами понимаете.

Сергей и Анна посмотрели на Лизу так, словно она отчебучила что-то на глазах у всей академии. Затем Сергей встал со стула и, взяв Лизу за руку, очень осторожно и деликатно прикоснулся к ней губами.

И, разумеется, это заметил Лаверн, который вошел в столовую.

— Итак, из клетки ты выбралась, молодец. А то я уже собирался пойти и выпустить тебя... после третьей пары. Ты бы точно усвоила урок. Так о чем же ты собралась меня попросить?

Крыса-повар поставил на стол перед Лаверном омлет с помидорами и ветчиной, чашку горячего чая и кусок яблочного пирога, но фейеры не притронулся к еде. Сейчас, сидя напротив, Лиза чувствовала, что между ними и остальными студентами словно пролегла широкая полоса выжженной земли: стояло Лаверну сесть за стол, как все дружно предпочли держаться в благоразумном отдалении.

Но на занятия, надо сказать, никто не заторопился, хотя до начала первой пары было всего-то десять минут. Всем было очень интересно, о чем это ректор говорит со студенткой и при этом

настолько ласково улыбается.

Анна и Сергей сидели за столом почти у выхода. Неотрывно смотрели в сторону Лизы и Лаверна так, словно они были врачами, способными исцелить смертельную болезнь. Лизе казалось, что она видит эту болезнь: зеленоватую опухоль приворотного зерна во Флер.

— Приворотное зернышко, которое создала Флер, — спокойно сказала Лиза. — Оно сейчас в ней, и его надо удалить, — Лаверн вопросительно поднял бровь, и Лиза тотчас же добавила: — Серега с Аней очень мучаются. Помоги им, а?

— Дело не в этом, — движения рук Лаверна были быстрыми, почти музыкальными: омлет молниеносно был разрезан на идеально ровные кусочки. — Дело в том, что ты, невыносимая девчонка, не можешь этого видеть. Откуда ты знаешь?

— Что я знаю? — Лиза решила притвориться дурочкой. Лаверн нахмурился, и Лиза подумала, что из нее плохая притворщица — все на лице написано.

— Что зернышко находится в этой Флер! Ты не способна этого увидеть.

— Знаешь, что! — воскликнула Лиза, понимая, что Филина нельзя выдавать ни в коем случае, и надо поскорее перевести разговор в другое русло. — Неважно, откуда я знаю, зернышко надо вытащить. Аня плакала всю ночь. У тебя совесть-то есть?

Лаверн покосился в сторону Анны с искренним сочувствием и пониманием.

— Моя маленькая леди, — вздохнул он. — Знаешь, она однажды испортила мои новые земли — разбила там настолько ужасный сад, что я плакал чуть ли не кровью. Но мне ее искренне жаль...

— Зернышко, — напомнила Лиза, понимая, что Лаверн может и дальше погружаться в прекрасные воспоминания. Анна для него была всего лишь питомцем, которого он не воспринимал всерьез — но для Лизы Анна была подругой, которая нуждалась в помощи.

— Ну да. Зернышко, несносная девчонка. Зачем его вынимать? Пусть эта лопушка будет счастлива.

Лиза хихикнула. У Флер действительно были крупные уши.

— Это нечестно, — уверенно сказала она. — Это насилие. Хочет, чтоб ее полюбили — пускай хоть причешется для начала.

— Все хотят, чтоб их любили такими, какие они есть, — парировал Лаверн. — Лохматыми, невымытыми и с хвостом, — он ковырнул вилкой один из кусочков омлета и добавил: — И с руками во рту.

— Неправда! — обиделась Лиза. — Ну неправда же!

Некоторое время Лаверн задумчиво смотрел на нее, а затем сказал:

— Через неделю я хочу устроить Осенний бал. Посвящение в первокурсники, праздник, все такое... Как тебе идея?

Лиза неопределенно пожала плечами. Девчонка с фермы не имела никакого представления о балах. Среди коров и огородов было не до танцев

— Звучит интересно, — сказала она. — Но зернышко...

— Я дам Флер возможность показать себя во всей красе, — перебил Лаверн. — Посмотрим, что скажет этот мальчик, когда ее увидит. Если не понравится, то что ж... я сделаю так, что зернышко исчезнет. По рукам?

— По рукам, — проворчала Лиза. Лаверн по-прежнему был пакостником, которому доставляло искреннее удовольствие играть на чувствах других людей — ничего другого от него и не приходилось ожидать.

— А с тебя... — Лаверн оценивающе посмотрел на Лизу. — А с тебя за мою доброту вот что. Ты будешь моей спутницей и хозяйкой бала. Конечно, ты до сих пор ведешь себя просто ужасно, но ты мне нравишься. Согласна?

Лиза смотрела на коварно улыбающегося фейери, и в голове у нее крутилась только одна мысль: «Я пропала».

— По рукам, — выдохнула она.

Что еще ей оставалось делать?

Глава 6

«Это война. Я ему такое устрою!»

Анна накрыла ладонью записку от Лизы на обрывке тетрадного листка и некоторое время старательно записывала за лектором о падении редуцированных в верхневольтском наречии. Потом она передала записку Сергею — тот прочел и изменился в лице.

«С ума сошла? — написал он в ответ. — Не связывайся лучше. Он может Флер хоть в Эрику Грант превратить, я свой выбор уже сделал».

Эрика Грант была звездой всея Галактики, и не было такого мужчины, который бы при взгляде на нее не глупел и не представлял эту землянку без одежды в своей постели. Ее обожали все, и миллионеры, и крестьяне.

«Молодец, — ответила Лиза. — Хвалю за стойкость. Но мне уже надоело такое отношение. Честное слово, надоело. Не крепостное право сейчас, и мы не рабы».

Прочитав строчки, написанные Лизиним округлым почерком, Анна невольно схватилась за голову. Похоже, Лиза с ума сошла — только полный идиот станет как-то противостоять настолько могущественной силе.

«Он нас всех из мира вычеркнул, — напомнила она. — И тебя вычеркнет, если что. Причем окончательно».

Конечно, Анна в этом сомневалась. Лаверну по-прежнему было интересно играть с новой игрушкой, и он не стал бы отказываться от нее или ломать — впрочем, все зависело от того, насколько сильно Лиза его разозлит. Анна перевела взгляд на несколько рядов ниже — Флер сидела на своем привычном месте, строчила в тетради, склонившись над ней так, что почти водила носом по листу. Место рядом с ней было пустым.

Она была жалкой. И Анна никак не могла поверить, что все закрутилось настолько сильно, затянув ее в странный омут сочувствия и какого-то брезгливого отвращения. Как к тем тараканам, о которых говорил Царь-Ворон. Анна нашла в сети их описание — действительно, редкостная гадость.

Сам Филин, кстати, оклемался довольно быстро. Анна видела его, выходящего из деканата перед первой парой, и он выглядел вполне пристойно. Вот и хорошо. Если не напоминать о Царе-Вороне, то можно будет думать, что его нет.

А Сергей, вполне вероятно, скоро будет сидеть на скамье рядом с Флер. Просто потому, что у него иссякнут силы — но Анна его отпустит еще до этого. Потому что смотреть, как мучается дорогой человек — невыносимо. Невыносимо и нечестно.

«И плевать. Я не могу. Бесит уже, сил нет никаких».

Анна вполне разделяла Лизины чувства.

«Что же ты собралась делать?» — поинтересовалась она. Лиза неопределенно пожала плечами. В тетради перед ней было написано только «Лекция № 7. Падение редуцированных в верхневольтском наречии исторически обусловлено тем, что...» — и дальше записи обрывались.

— Не знаю, — негромко сказала она, и преподаватель, подслеповатый дядечка, но при этом обладавший исключительным слухом, сразу же рявкнул:

— Ломинцевская! По вам и так видно, что вы ничего не знаете! Ну так потрудитесь не болтать, а записывать.

Лиза покраснела и оторвала от тетрадной страницы очередной клочок.

«Я на этот бал в лохмотьях приду, — написала она. — Возьму у робота тряпье, которым он лестницу намывает, и в этом тряпье приду. Здравсьте, принимайте королеву».

Анна едва сдержала смех. Да, с учетом того, насколько щепетильным был Лаверн, этот план вполне мог сработать и задеть его довольно глубоко. Вот только он наверняка превратил бы драные тряпки в бальное платье сразу же, как только Лиза бы их надела. Лаверн был взбалмошным, противным, даже злым, но вот дураком он не был.

«Ну тогда я буду лучше всех одета. И весь вечер буду с ним кокетничать, а когда он зернышко вынет, то фиг ему, а не продолжение банкета. За Серегину стойкость я ручаюсь».

Анна прочитала записку и передала Сергею. Тот скользнул взглядом по буквам, уважительно кивнул и написал:

«Благодарю! Лиз, ну а если все по-плохому пойдет? Если он отказов не приемлет?»

Лиза нахмурилась.

«Тем хуже для него. Я тогда всем расскажу, что была принцессой на горошине, да и ту еле подняли».

Анна зажала рот ладонями, чтоб не расхохотаться. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов и успокоившись, она написала:

«Он просто сотрет всем память. Как в той истории с платьем».

Лиза издала зловещее хихиканье.

— Себе-то не сотрет, — ехидно прошептала она, и лектор тотчас же воскликнул:

— Ломинцевская! Вон из лектория! Никакого уважения, откуда таких понабрали-то!

Лиза мигом сгребла все свои пожитки и, разудало подмигнув Анне и Сергею, сбежала по лестнице и, показав спине преподавателя язык, выскочила в коридор. Хлопнула дверь, и все сразу же услышали вопли робота, который, похоже, подслушивал и, не успев вовремя откатиться, получил дверь по голове:

— Ах ты поганка немытая! Все Андрею Петровичу расскажу!

После занятий Сергей пошел на еженедельное собрание старост в деканате, а Анна отправилась в библиотеку — надо было подготовиться к докладу по психологии, но буквально у библиотечных дверей ее отловила Ангелина. Первая красавица факультета выглядела так, словно ее самым циничным образом унизили на виду у всего света.

— Слушай, а как ты тогда меня в кошку превратила? — поинтересовалась она, не тратя времени на приветствия и прочие церемонии. Анна неопределенно пожала плечами. Она и сама не знала, как это получилось: просто руки вдруг наполнил нестерпимый жар и, сорвавшись с кончиков пальцев, ударил по Ангелине.

Анна в этот момент не думала ни о каких кошках.

— Не знаю, — честно ответила она. — А что?

Ангелина взяла ее под руку и подвела к лестнице: отсюда был виден просторный зал для отдыха со скамеечками, красивыми лампами и множеством цветов. На одной из скамеек сидела Флер, и на этот раз она была не одинока. Компанию ей составлял долговязый второкурсник с удивительно поглупевшей физиономией, и Анна была уверена, что совсем недавно видела этого парня среди поклонников Ангелины.

— Это Муса? — уточнила она. Ангелина хмуро опустила глаза.

— Муса, да, — кивнула она. — Зернышко номер два. Ну правильно, пока твоего Сергея ждать, незачем тратить время впустую. Слушай, давай из этой сучки кошку сделаем? Чтоб неповадно было?

Анна отошла от лестницы к окну и уткнулась лбом в прохладный пластик. Снаружи был ранний вечер, по саду ходили люди в красных фартуках и собирали последние яблоки. Технические сотрудники первой базы, которых Лаверн тоже вычеркнул из мира.

— Я сейчас умру, — негромко призналась Анна. Ангелина растерянно дотронулась до ее плеча, и Анна сказала: — Она мне напоминает паучиху, которая откладывает яйца.

— Фу, гадость какая, — фыркнула Ангелина. — Я все-таки предлагаю не быть овцами, а показать ей, что она не права. Раз уж Аберфортовы замечания ей без разницы.

— Ей Лаверн разрешил, — вдруг сказала Анна. Подобная злая проделка была как раз в духе фейери. Поглумиться над всеми — над Флер в том числе — и получить удовольствие от чужих

страданий. — Откуда еще такая безнаказанность?

Ангелина только рукой махнула. Перспектива растерять всех поклонников придала ей какой-то отчаянной смелости.

— Неважно, кто и что ей разрешил, — сказала она. — Мы не должны ей это позволить.

Анна понимала правоту Ангелины — но понятия не имела, как превращать людей в кошек. Она так и сказала, на что Ангелина ответила:

— Разберемся. Давай, попробуй отсюда, — она взяла Анну за руку и добавила: — Моя специальность — усилитель. Догадалась, что я делаю?

Анна кивнула. Было бы, о чем догадываться. Вот только она понятия не имела, как произнести нужное заклинание, чтоб Ангелина его усилила.

А ведь Сергей по-настоящему мучился. И Муса наверняка тоже. Ты просто вынужден страдать, если тебя тянут на цепи к совершенно безразличному и ненужному человеку.

— Лаверн не учил меня бросать заклинания, — призналась Анна. Ангелина только рукой махнула. Анна вдруг обратила внимание на то, какие у нее роскошные волосы: густые, черные, стекающие по спине красивыми локонами. К таким волосам невольно хочется прикасаться... и попадать в паутину.

Мужской вопль, который разлетелся по всей академии, не мог принадлежать мужчине: они ведь не визжат такими высокими истерическими голосами. Анна бросилась к лестнице и увидела, что внизу, на скамье никого нет.

Кто-то завопил снова — на этот раз это была женщина. Ангелина, подбежавшая к Анне, заглянула вниз, и, схватив ее за руку, потянула к лестнице.

— Нам конец... — бросила она через плечо.

Это действительно был конец. Муса, буквально вжавшийся в стену, был бледен до синевы — вытаращив глаза, он смотрел куда-то вперед и вверх, но Анна готова была поклясться, что парень ничего не видит, настолько глубок его шок. Они с Ангелиной вбежали в зал и едва не споткнулись и не свалились на пол, увидев, что стало с Флер.

На стене за цветами копошился сгусток мрака. Порой по нему пробегали бледно-голубые молнии, и тогда их свет озарял темную блестящую шерсть, множество тонких суставчатых ног и десятки глаз, которые то открывались, то закрывались. Анна зажала рот, чтоб не заорать хлеще Мусы. Ангелина промолвила что-то насквозь нецензурное. Огромное раздувшееся брюхо налилось тревожным золотистым свечением, и Анна увидела наполнявшие его круглые сгустки.

Должно быть, это и были приворотные зерна, одни удачные, другие нет. Флер ведь наверняка проводила эксперименты. «Как хорошо, что я не вижу ее лица», — с невольной радостью подумала Анна, и в этот момент женский визг повторился.

Флер визжала. Анна зажала уши, чтоб только не слышать этого яростного воя, зато Ангелина выглядела вполне довольной. Она добилась, чего хотела. Она торжествовала.

— Так тебе и надо, тварь! — крикнула Ангелина. — Не на тех напала!

Визг оборвался: теперь Флер шипела, и Анна каким-то глубинным, первобытным чутьем поняла, что паучиха готовится нападать — поняла и успела схватить Ангелину за рукав и дернуть в сторону.

В воздухе запахло паленым. На том месте, где мгновение назад стояли Анна и Ангелина, теперь дымилась груда чего-то грязно-белого, похожего на тающий сугроб, и плиты пола под ней темнели — похоже, эта дрянь разъедала их, словно кислота.

— Бегите! — заорал кто-то. Анна краем глаза увидела, что на лестнице толпятся перепуганные зеваки, что, расталкивая их, спускается декан Браун и кто-то из преподавателей, кажется, Мико Шидзигава...

Флер плюнула снова. Ноздри забило отвратительным запахом паленого мяса, и пол ушел из-под ног.

На этот раз она не промахнулась.

Через несколько минут тьма развеялась. Анна увидела, что сидит на полу в обнимку с Ангелиной, пол перед ними покрыт полупрозрачной белесой жижей, и по ней, совершенно не опасаясь прожечь обувь, ходит заместитель Филин. Анна поймала его взгляд, и левый глаз Филина дернулся: Филин подмигнул ей и произнес:

— Вам повезло, девушки, что я успел поставить блок.

— Идиотки! — а это уже рявкнул лунный аксолотль, причем таким тоном, которого никто не ожидал от него услышать. — Это же человек! Как вы посмели, как вам в голову взбрело!

Флер, уже принявшая свой привычный облик, лежала чуть поодаль на оперативно развернутой медицинской платформе и готовилась отправиться в лазарет. В сторону своих недавних жертв она не смотрела. Ангелина решительно заправила за ухо прядь волос и заявила:

— Знаете, что? Вы лучше на нее посмотрите, что она творит! С Сергеем, с Мусой, я не знаю, с кем еще! Сама виновата, допрыгалась!

Анна смотрела в сторону Флер — но видела только Лаверна, стоявшего чуть поодаль. Господин ректор скользил взглядом то по Флер, то по Анне и Ангелине, и она никак не могла понять выражения его лица.

— Хочешь сказать, что эксперимент выходит из-под контроля?

Филин понятия не имел, как заставил ядовитый плевок паучихи рухнуть на пол буквально в нескольких сантиметрах от него, заслонившего собой незадачливых волшебниц. Он не понял, как оказался рядом с ними: тело сработало само, закрыв девушек и выставив перед собой нечто незримое, похожее на плотный пластик.

Была ли это работа Царя-Ворона или его собственные новые способности — Филин не знал тоже.

Сейчас, сидя в кабинете Аберфорта в компании лунного аксолотля, декана Лю Шень и его заместителя Ричи Нараявы, Филин пытался взять себя в руки и сохранять спокойствие. Получалось, откровенно говоря, не очень. Хотелось подняться к себе и напиться до полнейшего изумления.

Возможно, это могло помочь.

— Вряд ли, — подал голос Нараява. Высокий, тощий, с гуталиново-черной кожей он выглядел по-настоящему пугающим, но был добрейшей души человеком, и студенты его просто обожали. Нараява оказался самым рьяным приверженцем теории Аберфорта о правительственном эксперименте. — Все происходящее — невероятно логично. Если наших студентов обучают магии, но не говорят, как ее использовать правильно и как контролировать, то такие эксцессы в порядке вещей.

— Хуже всего то, — произнес Лю Шень, — что мы ничего не можем с этим сделать. По большому счету, это уже не наша академия. Как наказать этих трех дамочек? Да никак. Что им занесение в личное дело? Исключить нельзя, наказать нельзя.

— Полная анархия, — согласился Аберфорт. — Причем анархия существ, наделенных очень опасными способностями и не умеющими их контролировать.

Филин вздохнул. Как когда-то говорила его бабка, работой больше, не будет времени на ерунду — и сейчас он прекрасно понимал ее правоту.

— Предлагаю ввести коррективы в учебный план обоих факультетов, — произнес он. — После обязательных пар — дополнительные занятия по общеобразовательным дисциплинам. Строгая посещаемость, доклады, рефераты. Будут заняты с восьми до восьми — не найдут времени на такие вещи, как сегодня.

Коллеги посмотрели на Филина с одинаковым выражением, которое можно было трактовать как «Спаситель ты наш!»

— Ваш сегодняшний поступок достоин всяческого восхищения и уважения, — склонив голову, произнес Лю Шень, обожавший сопровождать самыми заковыристыми словесами все жизненные обстоятельства. Филин улыбнулся.

— Я просто сделал то, что должен был сделать, — ответил он. — Так что, коллеги, предлагаю ударить по чужому эксперименту нашим родным бюрократизмом. Когда ребята начнут писать по три бумажки на каждый вздох, у них банально не хватит сил на привороты и превращение однокурсниц в пауков.

Лю Шень и Нараява поежились: они видели, как Флер превратилась из паучихи обратно в человека, и зрелище оказалось весьма впечатляющим.

— В рамках того же бюрократизма, — без улыбки произнес Аберфорт, — предлагаю обратиться к нашему ректору и попросить наложить запрет на магию во время занятий. Всеобщий русский можно изучать и без сверхспособностей.

Все, разумеется, признали его правоту, и Лю Шень вызвался немедленно поговорить с господином Фро. Филин отчего-то почувствовал липкий холод в груди. Ему вдруг стало ясно, что, как только Лаверн его увидит, то сразу же поймет, что Царь-Ворон рядом. Обязательно поймет.

— Пожалуй, я не смогу составить вам компанию, — вздохнул Филин, старательно делая вид, что искренне об этом сожалеет. — Этот плевок мне дорогого стоил.

Разумеется, никто в этом не усомнился. Аберфорт, добрая душа, настойчиво предложил Филину отправиться к себе и отдохнуть — и, конечно же, такое замечательное предложение было сразу принято.

Закрыв дверь в комнату, Андрей привалился к ней спиной и некоторое время стоял так, неподвижно и без сил. Потом он прошел к заветному тайнику и, не тратя времени даром, свернул золотистую пробку с бутылки коньяка и припал к горлышку, словно к губам возлюбленной.

Желанное облегчение не пришло. Но Филин вдруг понял, что не все так плохо — особенно, когда сидишь в траве на солнечной поляне, кругом царит и властвует лето, и вкус земляники на губах настолько сладок, словно это и есть сама жизнь.

Филин обернулся. Здесь, в землях, которые когда-то принадлежали Лаверну, он был совершенно один. Иссиня-черный плащ Царя-Ворона тянулся по траве. Воздух был наполнен голосами птиц и насекомых.

— Почему я? — спросил Филин. Корона на голове была сейчас настолько легкой, что он почти не ощущал ее колючего прикосновения. Или же просто привык? — Почему ты выбрал именно меня?

Никто не ответил.

Возможно, подумал Филин, это была простая случайность. Так уж совпало, и теперь ничего не поделаешь. Он бездумно сорвал еще одну земляничку, отправил в рот — здесь хорошо, неудивительно, что Лаверн так хочет вернуться.

Интересно, что сейчас делает его оставленное тело там, в академии? Лежит ли на кровати, тупо таращась в потолок, бредет куда-то... Филин вдруг понял, что ему это безразлично. Ощущение покоя было настолько полным и всепроникающим, что он захотел остаться здесь навсегда. Лежать в траве, слушать птичьи голоса и следить за полетом пчел...

— Вставайте, Андрей Петрович, — сказал Царь-Ворон у него в голове, и голос, надо сказать, был вполне приятный. Не то отвратительное клекотание, которое Филин слышал раньше. — Вставайте, Андрюша.

Царь-Ворон был чуждой силой, непостижимой человеческим сознанием. Филин почувствовал, как волосы на голове поднялись жесткой копной. Но сейчас Царь-Ворон был расположен к нему вполне доброжелательно. Гигант поднял жука из травы и посадил на ладонь.

— Вставайте, Андрюша, — повторил он. — Ваше время еще не наступило.

Проблема была в том, что Лиза так и не придумала какого-то особенного плана.

Ей, конечно, ужасно хотелось поддеть Лаверна, и она провела несколько дней в размышлениях по этому поводу. Анна оказалась плохим советчиком: во-первых, она была уверена, что с фейери лучше не связываться, дороже выйдет — а во-вторых ее сильно тяготило то, что произошло с Флер. Лиза была уверена, что Флер заслужила превращение в паучиху, но Анна так не считала.

— Это ужасно, — сказала она. Девушки сидели в столовой и смотрели, как крысы-повара убирают тарелки после полдника. Светлячки, озарявшие помещение, слетались в углы и под потолок, и их свечение медленно угасало, погружая столовую в сумрак.

— Что-то худенькие вы, — сказала толстенная крыса. В белоснежном чепце, пышном платье и фартуке со множеством складок она выглядела очень серьезно и деловито. Даже длинный голый хвост не казался мерзким — а ведь когда-то Лиза терпеть не могла крыс. — Может, добавочки? У нас запеканка с изюмом осталась. А, девчата?

— Благодарю вас, — ответила Анна. — Я уже сыта.

Крыса настолько искренне расстроилась, что Лиза решительно сказала:

— Тогда мне двойную порцайку.

Довольная крыса ускользнула на кухню и вскоре вернулась с двумя тарелками запеканки. Анна все-таки придвинула к себе одну из них и задумчиво проговорила:

— А Флер все еще в лазарете...

— Но на бал собирается, — подала голос крыса. Она сняла с пояса специальную тряпицу и принялась надраивать один из вымытых бокалов. — И ваш ректор тоже старается. Видели бы вы, какое ей шьют платье! — крыса мечтательно закатила глаза. — Нежно-голубое, с зелеными листьями по подолу, а лиф расшит такими мелкими-мелкими звездами...

— Она вам нравится? — поинтересовалась Лиза. Крыса пожала плечиками, отставила начищенный бокал и взялась за другой.

— Умненькая девочка, — ответила она. — Конечно, хочет любви, ну так кто ж ее не хочет? Особенно в восемнадцать лет? Но загонять кого-то в крысоловку для любви это не слишком-то достойно.

— Вот видишь! — воскликнула Лиза. — Это даже крысы понимают!

Крыса фыркнула.

— «Даже крысы!» Не очень-то это вежливо с твоей стороны!

Лиза хмуро отвела взгляд.

— Извините, не хотела обидеть, — ответила она, и крыса хихикнула.

— Пустяки, лучше кушай побольше.

Когда она ушла, увозя начищенные бокалы, Анна устало подперла щеку кулачком и сказала:

— Знаешь, я тут подумала... Пусть Сергей уходит.

Лиза посмотрела на нее, натурально открыв рот от удивления. Ей не верилось, что она слышит именно эти слова, именно от Анны, в эту минуту. Не могло такого быть. Сергей и Колючка были замечательной парой, и не могло все закончиться вот так.

— Да ты что... — растерянно проговорила Лиза. — Как так «уходит»? К Флер?!

Анна кивнула. По ее щеке пробежала слезинка, но девушка, похоже, не заметила ее.

— И ты его отпустишь? Вот просто так возьмешь и отпустишь? — у Лизы все это не укладывалось в голове. Она всегда считала, что если есть любовь, то за нее надо бороться всеми когтями и зубами, а не брать и нести на блюдечке тому, кому приспичило ею завладеть.

— Да, — вздохнула Анна. — Вот просто так возьму и отпущу. Это невероятное мучение, Лиз. Получается, мы с Флер тянем его в разные стороны, а он, — девушка задумчиво ковырнула запеканку, и Лиза с ужасом поняла, что Анна давно не ела: по крайней мере, так, чтоб Лиза видела. Печенька, перехваченная во время лекции, не в счет.

— Он не уйдет, — пробормотала Лиза и вдруг гневно стукнула ладонью по столу. — Ну и сучка же эта Флер!

Анна кивнула в сторону кухни, где возились крысы, готовясь к завтрашнему дню, и сказала:

— Тебе ж объяснили. Все хотят любви.

— Хоти на здоровье, кто тебе мешает, — Лиза чувствовала, как из глубины души поднимается гнев. — Но не за чужой счет!

— В любом случае, на балу все решится, — промолвила Анна. — Уже завтра.

Она давно подготовила платье из числа тех, которые захватила из дому: светлое, до колена, с россыпью жемчужинок у шеи и на груди. Когда Лиза увидела его, то подумала, что оно напоминает свадебное. Нежное, легкое, похожее на облачко...

Наряд для Лизы обнаружился в шкафу — то самое бальное платье, в которое ее обрядил Лаверн в день начала занятий. Должно быть, оно настолько пришлось по душе господину ректору, что он хотел видеть свою новую фаворитку только в нем. Лиза философски развела руками. Что еще ей оставалось делать? Не идти же на праздник в джинсах?

Лаверн появился будто бы ниоткуда, и Лиза готова была поклясться, что фейеры выступил из стены. Привычный деловой костюм ректора он сменил на темно-зеленую хламиду, и, всмотревшись, Лиза увидела, что она состоит из листьев, которые трепещут в ожидании бури. Подойдя к девушке, Лаверн дотронулся до плеча Анны и сказал:

— Милая, мне нужно с тобой поговорить.

— Получается, ты знал, что я поеду в академию. Знал еще до того, как отец подарил мне тот участок земли.

Они сидели на холме, там, где сад постепенно переходил в лес — густой, дремучий, наполненный пением птиц, шелестом листьев и журчанием ручьев. Должно быть, именно там бродил заместитель Филин до того, как вывалиться на поляну и до смерти перепугать своих первокурсниц.

— Я здесь, я везде, я всегда, — улыбнулся Лаверн. — Конечно, я знал об этом.

Он прикрыл глаза и лег в траву. Некоторое время Анна смотрела, как от леса к холму тянутся сиреневые пальцы сумерек, пахнущих яблочным соком, а затем спросила:

— И ты знал, что Флер приворожит Сергея. Знал, и ничего не сказал мне.

Фейеры кивнул.

— Знал. Но я был слишком занят Царем-Вороном, чтобы придавать значение таким мелочам.

Анна горько усмехнулась. Ну разумеется, для коварного пакостника все это только мелочи. Неинтересные и ненужные. Чего еще она ждала? Все было, как обычно.

— О чем ты хотел поговорить?

Лаверн помолчал, задумчиво глядя в небо: над холмом разворачивалась целая облачная баталия, и белоснежные рыцари отважно атаковали воинов в золотых латах, чтоб спустя мгновение раствориться в закатных сумерках вместе со своими противниками.

— О том, что ты хорошая девочка, Анна, и у тебя все будет хорошо. Я не допущу, чтоб твоя сказка закончилась плохо, — произнес фейеры. — Смотри, видишь вон то облако? Похожее на бегемота?

Анна посмотрела вверх и подумала, что облако скорее похоже на слона.

— Вижу. Что с ним такое?

— Хочешь прокатиться? — предложил Лаверн. — Не бойся, он почти ручной.

Анна усмехнулась. Ей сейчас меньше всего хотелось кататься на волшебных животных, вот Лиза — та бы не отказалась. Но Лаверн уже махнул рукой, и облако рассыпалось мелкими каплями тумана, чтобы через несколько мгновений сгуститься у холма во вполне осязаемое животное.

Это была какая-то невероятная смесь: такое животное могло бы существовать только во сне. Его светло-сиреневые уши и покрытый морщинами нос были слоновьими, но спина и тонкие изящные ноги явно позаимствованы у какого-нибудь породистого скакуна. Животное

застенчиво смотрело на Анну бархатными карими глазами, и она пожалела, что у нее нет печенья или хлеба, чтоб угостить нового знакомого.

— Он не любит печенья, — сказал Лаверн и, поднявшись на ноги, легко запрыгнул на спину волшебного скакуна и протянул Анне руку. — Но он с удовольствием тебя покатает.

Анну забросило на теплую спину животного с такой быстротой, что та невольно взвизгнула от удивления. Скакун фыркнул и нетерпеливо стукнул ногой по траве: мол, что ты там возишься, усаживайся скорее! Сильная рука Лаверна обхватила Анну за талию, и девушка вцепилась в фейери всеми пальцами — не дай бог, свалишься!

— Не свалишься, — откликнулся Лаверн. — Если он не захочет, ты не упадешь. Ну, вперед!

Чудесное животное сорвалось с места с такой скоростью, что на мгновение перед Анной все закружилось и размазалось разноцветными полосами. Когда мир постепенно успокоился, и Анна привыкла к ветру, бьющему в лицо, то увидела, что они в самом деле поднялись в воздух. Академия лежала прямо под ними и казалась игрушечной: такой сказочный замок с десятками башен и башенок, который дарят ребенку на Рождество. Осенний сад был похож на лохматую шкуру спящего зверя: вот голова, вот лапы, которые он подложил под щеку: спит до весны и видит сны о том, как растет трава под снегом, и природа в своем непрерывном стремлении движется к теплу и солнцу.

Кажется, Анна закричала. Это было настолько хорошо, настолько правильно, справедливо и больно, что она захлебнулась от боли и какое-то мгновение продолжала кричать уже беззвучно. Лаверн держал ее, не давая упасть, он что-то негромко говорил, но Анна не могла разобрать ни слова.

Но было ясно: ему очень жаль, что так получилось, и он искренне сочувствует Анне. Действительно сочувствует. Поняв это, Анна испытала настолько же искреннее удивление: насколько она знала Лаверна, ему было в принципе не свойственно сопереживание. Такие чувства не из разряда того, что нужно фейери.

— Все будет хорошо! — прокричал Лаверн, и теперь Анна его услышала. — Завтра! Завтра все закончится!

Разумеется, в день бала никто не отменил занятия: четыре обязательных пары нагло таращились на студентов из расписания и словно бы корчили рожи. Вот вам! Вместо того, чтоб готовиться к празднику и наряжаться, получите неправильные глаголы, практикум устной и письменной речи, социологию и даже физкультуру!

— Физкультура! — Лиза издала стон умирающего животного. Ангелина, стоявшая рядом, искренне поддержала ее, закатив глаза.

— Только этого нам не хватало, — сказала она и, обернувшись к Анне, предложила: — Девки, а давайте не пойдем? Скажем, что эти дни. Мне что-то совсем не улыбается перед балом через козла скакать.

— Я не пойду, — поддержала ее Лиза. — Мне сегодня, простите за выражение, быть королевой. Нельзя лошадью вонять.

Ангелина понимающе ухмыльнулась: она провела ночь и утро под специальной лампой, свет которой придавал коже особенное сияние и мягкость. Анна хотела было сказать что-то по поводу прогулов, но в это время к ним практически подбежала второкурсница Марика с исторического и, чуть ли не задыхаясь от возбуждения, сообщила:

— Представляете, Флер выписали из лазарета! Она сейчас платье примеряет! Девки, это что-то! Все мыши вокруг нее хлопочут! Айда глядеть!

Лиза была бы не против посмотреть на то, как из серой мышки делают королеву красоты, но Ангелина предусмотрительно толкнула ее в спину и сказала:

— Мы не пойдем. Своих дел по горло.

Анна ничего не сказала, почти не изменилась в лице, но было видно, что она благодарна Ангелине за такую поддержку.

— Что мы там не видали? — поддакнула Лиза. — На балу насмотримся.

Марика пожалала плечами — дескать, не хотите, как хотите — и пошла в сторону библиотеки:

должно быть, хотела собрать побольше народу и пойти полюбоваться на Флер. Ангелина проводила ее скептическим взглядом и сказала:

— У меня в комнате есть офигенная штука, синтезатор нижнего белья. Пойдемте чулки себе хорошие сочиним?

Это было предложение, от которого невозможно отказаться — у Анны, разумеется, был личный синтезатор, но она согласно кивнула и, взяв Лизу за руку, сказала:

— Получается, пропустим еще и практикум.

— Да и бог с ним, — Ангелина только рукой махнула. — Хотя Скибинцев орать будет...

Скибинцев, молодой и рьяный, преподавал на первой базе всего пять лет, но за это время умудрился завоевать репутацию по-настоящему безжалостного учителя. Говорили, что если сдаешь ему зачет с третьего раза, то можешь считать, что тебе крупно повезло.

— Пусть орет, — решительно сказала Лиза. — Айда наряжаться.

Спустя полтора часа девушки посмотрели на себя в зеркало, и Лиза с удовольствием отметила, что они с легкостью могут красоваться на обложке любого модного журнала. Для себя Ангелина выбрала ярко-алое платье с пышной юбкой, усеянной мелкими искрами: когда она поворачивалась, искры увеличивались, наливались белым и рыжим, и тогда казалось, что девушка горит.

— Такой вот эффект, — с гордостью сообщила Ангелина и добавила: — Я сама сделала.

Анна, которая на фоне буйной яркости Ангелины и пышного платья Лизы выглядела очень скромно, почти целомудренно, некоторое время молчала, а затем промолвила:

— Лаверн обязательно сделает ее красавицей. Это совершенно точно.

Ангелина фыркнула и уперла руки в бока. Если превращение Флер в паучиху расстроило Анну до глубины души, то Ангелина совершенно искренне радовалась. Недавно в столовой Лиза слышала, как та говорила: «Будет надо — повторим. И паучиха будет еще за счастье».

Ангелина была решительной девушкой, в этом никто не сомневался.

— Он ей ума не прибавит, — заявила она. — И мыться каждый день не приучит. И спину держать прямо не заставит. И говорить о чем-то, кроме того, какая она умная, сколько книжек прочитала, а вы все тут только в сети сидите, идиоты!

Лиза невольно рассмеялась: Ангелина прекрасно скопировала Флер.

— По поводу прямой спины ты не права, — сказала она: ниточка в волосах не позволяла согнуться, даже когда сами волосы были подобраны в высокую прическу. — Ну а по поводу ума... Серега-то все-таки не дурак.

Анна шмыгнула носом. Казалось, она вот-вот расплачется. Ангелина приобняла ее за плечи и заявила:

— Даже если и дурак, он не последний на свете. Это не повод переживать.

Лиза не могла с ней не согласиться.

Конечно, состояние у студентов было не самым радужным — история с Флер и дополнительные занятия вряд ли могли кому-то добавить радости — но стоило войти в бальный зал, как настроение невольно становилось праздничным и светлым.

Лаверн провел в нем несколько дней, работая над украшениями, и теперь студенты восторженно ахали, глядя по сторонам. Это была самая настоящая старая сказка. Вдоль стен бального зала выросли стройные золотые деревья, и в переплетении их ветвей кружились звезды, а воздух наполняло ласковое пение невидимых птиц. Повинуясь запланированной схеме светлячки то рассыпались по залу, ярко озаряя гостей, то сбивались в стайки по углам и опускали крылья: тогда свет становился тихим, неверным, таинственным — и с деревьев срывались сверкающие листья, которые подхватывал невидимый ветер и уносил под потолок, туда, где на бархатно-черном небе сверкали звезды. Потом в самом центре зала вдруг возникал пруд с белоснежными кувшинками, и по его зеркальной глади начинали танцевать розовые цапли, хлопая крыльями и осыпая собравшихся брызгами воды. Потом пруд и цапли

исчезли, и на их месте появились огненные саламандры, которые свирепо стукнули хвостами друг по другу и растаяли.

— Здорово! — восторженно выдохнула Анна. Сейчас она забыла обо всем и стала похожа на ребенка, попавшего в сказочную страну, за каждым поворотом в которой скрывались удивительные чудеса и тайны. Ангелина, к которой сразу же подлетела вся ее свита, дотронулась до плеча Анны и сказала:

— Если что, то мы здесь.

Анна благодарно кивнула, и они с Лизой пошли по залу, высматривая Сергея, но ни его, ни Флер не было видно, и настроение Анны вновь стало хмурым. Лиза подумала, что уже начинает привыкать к этому бледному строгому личику, и ей это ужасно не понравилось.

— Думаешь, они где-то вместе, да? — предположила она. Анна неопределенно пожала плечами. Мимо проехала мышь на роликах, толкавшая столик с напитками. Даже мыши и крысы принарядились: на них сегодня были белые сюртуки и алые шляпки.

Анна пожала плечами.

— Не знаю. Может, просто где-то задерживается. В конце концов... — она сделала паузу и сказала: — В конце концов, Ангелина права. И он не последний, и я не хочу его мучить.

— Мне твой настрой совсем не нравится, — призналась Лиза. — Ты словно заранее сдалась.

Анна улыбнулась, словно всеми силами души пыталась приободриться и взять себя в руки.

— Я не сдалась, — ответила она. — Я просто не хочу никого мучить.

Лиза хотела было ответить, что не всегда и не во всем надо оставаться леди, но в это время светляки рассыпались над залом, рассеивая над собравшимися пылью с крылышек, и чужая воля повлекла Лизу вперед, туда, где в самом центре стоял Лаверн.

Сейчас снова стало ясно, что именно он хозяин всего: и бального зала, и собравшихся, и их будущего. Лиза оперлась на его протянутую руку и в какой-то миг увидела всех сразу: Ангелину с поклонниками, которая задумчиво выбирала, с кем танцевать первый, открывающий танец, Анну, задумчиво стоявшую поодаль, Сергея, который входил в зал в компании Филина, и Флер, пока еще никем не замеченную.

Флер была прекрасна. Ослепительно прекрасна. Волосы, обычно скрученные в лохматую дульку на макушке, теперь были уложены красивыми волнами, перевитыми жемчугом, сутулая спина расправилась, наверняка при помощи такого же волоска, к которому Лиза почти привыкла, и осанка Флер была почти королевской. Крыса-повариха не соврала: удивительное платье, подготовленное для Флер, было похоже на волшебную дымку, окутавшую девушку.

Это больше не была угрюмая заучка. В бальный зал вошла принцесса — знающая себе цену, уверенная и свободная.

Ее заметили — невозможно не заметить комету, которая разделяет небо пополам своим хвостом. Перед ней расступились — словно перед настоящей владычицей. Лиза замерла, вцепившись в руку Лаверна, потому что Сергей тоже увидел Флер.

Анна закусила губу.

— Не бойся, — то ли прошептал Лаверн, то ли Лиза просто услышала его мысли. — Не бойся за нее, все будет хорошо.

Если бы Лиза могла в это поверить!

Флер неторопливо шла среди расступавшихся сокурсников, которые теперь смотрели на нее совсем не так, как раньше. Теперь в их взглядах был неподдельный интерес — такой, о котором она раньше и мечтать не могла. А Сергей посмотрел на Флер, что-то негромко сказал к Филину и быстрым шагом двинулся к Анне.

Они были достаточно далеко, и Лиза не могла услышать слов Сергея, но все-таки услышала, как он сказал:

— Привет. Я в деканате задержался.

И грянула музыка невидимого оркестра.

Бал нахлынул на всех яркой шипучей волной — Лаверн легко подхватил Лизу, закружил ее в вальсе, и Лиза, которая имела очень слабое представление о том, что вообще происходит на балах, вдруг обнаружила, что двигается легко и свободно, что улыбается так, словно с плеч упал тяжеленный груз. Ей действительно стало очень хорошо на душе. Сергей сделал свой выбор, Флер пригласил какой-то второкурсник, смотревший на нее очень равнодушно, и Лиза впервые за очень долгое время поняла, что все обязательно наладится.

— Ну наконец-то ты перестала в этом сомневаться, — довольно произнес фейери. — А то я уже начал обижаться. Такое недоверие!

— Как мне не сомневаться? — фыркнула Лиза. — Знал бы ты, как они оба мучились. И что теперь? Удалишь зернышко?

Фейери посмотрел так, что Лиза поняла: Лаверн задумал какую-то несомненную, особо пакостную гадость. На миг ей стало очень холодно, и краски бала отделились и поблекли.

— Я удалил его сразу же, — серьезно произнес Лаверн. — Как только этот мальчик пришел со своей проблемой, я заглянул в ауру Флер и основательно ее вычистил.

Под каблук туфельки что-то попало, и Лиза едва не подвернула ногу. Лаверн поддержал ее, и она в очередной раз подумала о том, насколько у него сильные руки — и невольно призналась, что ей нравятся его прикосновения.

— Удалил? — растерянно переспросила Лиза, прекрасно понимая, что в глазах Лаверна выглядит полной дурой. — То есть, все это время никакого приворота не было? И ребята напрасно маялись?

— Не напрасно, — ответил Лаверн с прежней серьезностью. — Они научились ценить друг друга и делать правильный выбор в сложных ситуациях. Жертвовать своими желаниями ради счастья любимого человека...

— Это жестоко, — перебила его Лиза. — Зараза ты, Лаверн...

Она хотела сказать что-нибудь похлеще, но в этот миг все краски, запахи и звуки поблекли и отступили, словно Лаверн вытянул Лизу в пыльное зазеркалье, в котором есть только они вдвоем. Взвизгнули далекие скрипки, и стало тихо.

Танец закончился.

Некоторое время они стояли молча. Лаверн не выпускал Лизу, ее руки по-прежнему лежали у него на плечах. Это замершее мгновение, подумала Лиза, и так может быть вечно.

— Ты этого хочешь? — спросил Лаверн.

— Чего?

— Чтобы это длилось вечно.

— Хочу, — совершенно искренне промолвила Лиза. — И не хочу. Я хочу вернуться домой, Лаверн. В свой мир и свое время. А ты зараза. Язвительная, вредная зараза. Но...

— Что? — улыбнулся фейери. Похоже, он совершенно не обиделся на слова Лизы. Она шмыгнула носом и подумала, что готова расплакаться.

— Но я не хочу с тобой расставаться, — призналась она. — Я привыкла к тебе.

Это признание словно вырвалось из самой глубины души — открытое и честное, которое Лиза сама от себя скрывала все это время. И Лаверн улыбнулся, и в его улыбке не было привычной язвительности. Она была удивленной и растерянной, будто он почувствовал в себе что-то новое, неожиданное — почувствовал и не знал, что теперь с этим делать.

— Ох, несносная девчонка, — вздохнул он. — Жаль, что я к тебе не привык. Тут, видишь ли, проблема в том, что... — руки Лаверна на спине Лизы дрогнули, и он добавил: — Проблема в том, что я тебя полюбил. И мне от этого очень грустно.

Несколько мгновений Лиза чувствовала себя примерно как в тот день, когда упала на катке, и кто-то умудрился чиркнуть коньком ей по голове: не поймешь, где земля, где небо, все

перевернулось, все утратило свои места, и ты изо всех сил стараешься понять, где ты, и что с тобой происходит. Потом она, кажется, догадалась и сказала:

— Ты будешь жить вечно, а я нет. Однажды я умру. Все дело в этом, да?

Лаверн устало прикрыл глаза. Кивнул. Лиза подумала, что надо быть сильной. Что надо принимать сложные решения и не бояться этого.

— Давай сначала поживем, — сказала она.

Когда они вернулись в бальный зал, то Лиза поняла, что никто не заметил их исчезновения. Они будто бы вырвались в другой мир на какую-то долю секунды. Лиза посмотрела по сторонам: Анна и Сергей танцевали и выглядели невероятно счастливыми. Заклятие было разрушено, и оба получили свободу. Флер кружилась со своим кавалером настолько изящно и легко, что стало ясно: без Лаверна тут не обошлось. Флер никогда не смогла бы танцевать так без его помощи.

Когда танец закончился, Лиза выскользнула из объятий Лаверна и, ловко пролавирировав среди студентов, подошла к окну. Надо было понять, как действовать в сложившихся обстоятельствах, но у Лизы почти не оставалось на это времени.

Мышь катила вдоль стены столик с бокалами — Лиза подхватила один и осушила залпом, словно ключевую воду. Признание Лаверна никак не вписывалось в ее план — вернее, если бы Лиза сделала все так, как решила, это выставило бы ее идиоткой, прежде всего в собственных глазах.

Надо было взять себя в руки. Решение было близко, и, покосившись туда, где Филин со знанием дела дегустировал вино в компании декана Брауна, Лиза поняла, что оно устроит и Царя-Ворона. Конечно, если допустить, что Царь-Ворон не желает им вреда.

Действовать надо было сразу, пока решимость не иссякла. Лиза сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, пытаясь успокоиться и унять бешено стучащее сердце, и быстрым шагом направилась в сторону декана и заместителя.

— Добрый вечер, господин Браун, — улыбнулась она, отчаянно понимая, что выглядит совершенно дурацким образом. — Я с Андреем Петровичем хотела поговорить, можно? Вы не против?

Лунный аксолотль только лапами развел. Похоже, выпитое привело его в самое доброжелательное расположение духа. Филин осушил свой бокал и, бросив:

— Я сейчас, — отошел в сторону вместе с Лизой и поинтересовался: — Что случилось?

Чуть поодаль вальсировал робот: держа в лапках-манипуляторах щетку для чистки ковровых покрытий, он выписывал круги по полу и чуть ли не мурлыкал от удовольствия. Лиза негромко ответила:

— Мне нужно, чтоб все замерли, Андрей Петрович. Все-все. Вы можете?

Некоторое время Филин задумчиво смотрел на Лизу, и за знакомыми очертаниями его лица Лиза видела острые черты незваного гостя: Царь-Ворон не выходил из-за дверей чужого разума, но это не мешало ему внимательно слушать.

— Зачем? — спросил Филин и кашлянул: в голосе вновь появился хриплый птичий клекот. «Если Царь-Ворон появится сейчас, — испуганно подумала Лиза, — то война закончится, не начавшись».

— Я хочу попробовать спасти нас всех, — промолвила она. Понимание того, что нужно сделать, еще было смутным, туманным, как мгла над ночным болотом — но Лиза чувствовала, что идет правильным путем. — Если получится, то войны не будет.

Губы Филина дрогнули в усмешке, и Лиза с ужасом поняла, что Царь-Ворон уже здесь. Стоит на пороге, смотрит.

— Попробуй, — позволил он. — В конце концов, я говорил об этом.

Лиза зажмурилась и прошептала:

— Начали.

Музыка захлебнулась и угасла. Лиза открыла глаза: все, собравшиеся в зале, замерли, удивленно глядя друг на друга и не понимая, какая сила заставила их остановиться. Лиза сделала шаг вперед. Вот растерянные Сергей и Анна, вот Ангелина в объятиях одного из поклонников, вот Марика и Муса... «Ничего, ребята, — подумала она. — Мы еще сможем все исправить».

Самым главным было не оборачиваться. Потому что позади, возле окна стоял Царь-Ворон. Тускло сверкали его латы, в складках плаща теснились звезды, сорвавшиеся с путей, и Лиза понимала, что окаменеет, если обернется и встретится с ним взглядом.

Лаверн тоже замер. Сейчас, когда Лиза подошла к нему, ей стало ясно, чего на самом деле стоит последний король фейери — и кем он на самом деле является. Испуганный маленький мальчик, игравший в принца и внезапно обнаруживший, что его владения покорены чужой силой.

— Ребят, — позвала Лиза. — Вы слышите меня?

— Да, — откликнулась Анна, и Лиза тотчас же услышала сбивчивую мысль Ангелины:

«Мы словно примерзли. Что происходит?»

«Царь-Ворон пришел», — подумала Лиза и продолжала:

— Мне наш ректор в любви признался. Четверть часа назад. Как вы думаете, стоит ли ему верить?

Лаверн изменился в лице. Лиза никогда не думала, что всемогущий фейери может выглядеть вот так: слабым, задетым за самые чувствительные струны души.

— Я бы не стала, — отозвалась Анна, и кто-то из второкурсниц добавил:

— И я бы не стала.

Лиза скользнула взглядом по собравшимся. Все смотрели на нее и Лаверна с одинаковым выражением.

— Видишь, Лаверн... — сказала она. — Тебе никто не верит. И я тоже сомневаюсь в твоей искренности. Больно много ты нам гадостей наделал. Так что, — Лиза развела руками, — вариантов не так много.

Лицо Лаверна стало прежним — спокойным, с легким оттенком равнодушного презрения — но Лиза понимала, что это всего лишь маска, за которой сейчас клокочет вулкан.

— Покажи, что я могу тебе верить, — с искренним, глубоким чувством сказала она. — Что мы все можем. Откажись от войны. Если ты говорил правду, если моя просьба для тебя хоть что-то значит...

Лаверн фыркнул. Лиза вдруг почувствовала себя полной идиоткой. Дурища набитая, каких поискать — понадеялась, что фейери решит отказаться от планов, которые выпестовал, когда ее и на свете не было. Дура! Недаром робот ее чуть ли не матом кроет, как только видит.

— А второй вариант? — хмуро осведомился Лаверн, и Лиза услышала в своей голове хриплый клекот: Царь-Ворон рассмеялся.

— Второй вариант — стереть меня из мира, — ответила она и сама удивилась, насколько спокойно прозвучал ее голос. — Я не хочу так.

Некоторое время Лаверн молчал, и Лиза успела подумать, что все закончилось. Ногти впились в кожу ладоней — она не заметила, как сжала кулаки, и не почувствовала боли. Сейчас Лаверн сотрет ее из мира окончательно, Анна была права...

— Я подумаю, — мягко ответил фейери и исчез.

В тот же миг загремела музыка, обрушившись на всех, словно водопад. Оцепенение прошло: студенты бросились к Лизе, и, когда Анна схватила ее за руку, она поняла, что это маленькая победа.

Она жива. Фейери не сказал «да», но и «нет» он тоже не сказал.

— У нас есть надежда, — прошептала Лиза. — У нас есть надежда.

Бал закончился около полуночи. Когда Лаверн исчез, и стало ясно, что он не вернется, то студенты и преподаватели сделали дружный расслабленный выдох и решили веселиться, благо угощения хватало на всех.

Лиза ушла в один из дальних углов зала, за большую стойку с напитками, и сев там в одиночестве, подумала, что потеряла все. Ей никто и никогда не признавался в любви. Она никому не была нужна — как человек со своими чувствами и желаниями, а не как рабочая сила. И вот вроде бы появился тот, кто захотел быть с ней — и Лиза все испортила своим стремлением к общему благу.

Вот тебе и благо, вот тебе и счастье для всех и даром. Конечно, сперва ее обступили оба факультета, наперебой судача о том, что произошло, и строя догадки по поводу Лизиного будущего. Согласится ли Лаверн на ее предложение или же завтра утром выкинет с первой базы в открытый космос? Но постепенно все решили не тратить время на восторги по поводу чужой храбрости и вернулись к танцам и еде.

И Лиза никого не могла винить.

Впрочем, она недолго оставалась в одиночестве. Филин обошел стойку с напитками, захватив запечатанную бутылку коньяка, и, сев рядом с Лизой, произнес:

— Лихо вы это отчебучили. Ставить ультиматумы тому, кто крутит мир — это надо быть очень храброй. Или очень глупой.

Судя по его лицу, Филин был уже хорош — Лизины отец и дядька в подобном состоянии начинали разговоры «Ты кто такой? — А ты кто такой?», и дело кончалось дракой, а потом песнями и лобызаниями. Но сейчас Лиза прекрасно понимала Филина: после того, как неизъяснимое могущественное создание в очередной раз посмотрит на мир твоими глазами, останется только пить как не в себя.

— Вам не хватит? — поинтересовалась она. Филин скрутил с бутылки золотую крышечку, с гусарской бравадой отпил чуть ли не треть содержимого и ответил:

— Хватит будет, когда упаду.

— И часто падаете? — спросила Лиза. Филин покосился на нее и криво усмехнулся.

— С тех пор, как познакомился с Царем-Вороном — часто.

— Не повезло вам, — вздохнула Лиза. Похоже, Лаверн сумел сделать так, что всем было хорошо. Сергей и Анна танцевали, и было видно, что они настолько поглощены друг другом, что ничего не видят и не слышат. Флер, избавившись от образа дурнушки, тоже нашла себе компанию, и паренек с исторического смотрел на нее с искренним восторгом. Лиза невольно обрадовалась тому, что в этом восторге не было ни следа постороннего воздействия. Ангелина целовалась с одним из своих поклонников возле окна, и было ясно, что она проведет с ним незабываемую ночь.

Лиза осталась одна. И еще неизвестно, чем все закончится.

Филин сделал еще один глоток и ответил:

— Да. Не повезло. Но однажды это закончится... я же не бессмертный.

Он поставил бутылку на скамью рядом с собой, и Лиза вдруг поняла, что Царь-Ворон вернулся: плечи Филина дрогнули, словно на них опустилась тяжесть невидимой мантии, и он дотронулся до виска, будто золотая проволока короны оцарапала его. Лиза сидела ни жива, ни мертва.

— Ты все сделала правильно, — услышала она тихий хриплый голос. Царь-Ворон был доволен. — Именно этого я и добивался.

— Тебе не нужна война, да? — выдавила Лиза. Весь облик чудовища, уничтожившего целый народ, никак не вязался с тем, что оно желало мира. Что ему последний король фейери и все люди на первой базе? Махнет крылом, и никого не станет. Даже памяти не останется.

— Я не люблю войну, — признался Царь-Ворон, чуть покосившись в сторону Лизы. Вместо человеческих глаз на лице Филина клубились две черные дыры, которые втягивали в себя

мелкие серебряные звезды. — Я всегда прибежал к ней только в случае крайней необходимости. Вы, люди, не нужны мне. Но это не значит, что я хочу вашей смерти.

Лиза усмехнулась.

— Приятно слышать, — призналась она. — Ну а если Лаверн не согласится? Если все-таки выучит нас и пойдет воевать?

Царь-Ворон неопределенно пожал плечами.

— Этого пока не случилось.

Несколько минут они сидели молча. Лиза смотрела на танцующих, Филин пил — пытался изгнать Царя-Ворона, но у него ничего не получалось, и вязкая тьма в глазах не рассеивалась. Наконец, Лиза сказала:

— Ты ведь тоже здесь, везде и всегда. И наверняка можешь посмотреть в будущее.

— Могу, — с легкостью согласился Царь-Ворон, сделал еще один глоток и добавил: — Но это не значит, что я хочу и буду.

В четыре часа утра по академии прошла мелкая нервная дрожь, словно началось землетрясение, или здание пыталось сбросить с себя что-то прилипшее и надоедливое. Лизу и Анну буквально сбросило с кроватей на пол, но девушки даже не успели испугаться: все закончилось, пол больше не прыгал под ними, и можно было спокойно подняться.

— Что за чертовщина? — испуганно спросила Лиза, озираясь по сторонам, словно то, что трясло здание, могло быть где-то рядом. Анна, которая подошла к окну, поманила ее и ответила:

— База меняется.

Лиза бросилась к подруге и увидела, что по стенам замка неторопливо струится белый туман, смывая очертания башен и башенок, стирая каменную кладку и поглощая зеленые завитки плюща. Вот туман пополз к темному саду, и исчезли изящные силуэты фонариков, дикие розовые кусты и каменная дорожка, ведущая к яблоням — вместо них появилась высокотехнологичная тропа, мигающая зелеными огоньками и возникающая под ногами идущих, а кусты и деревья приобрели тот современный, выхолощенный вид, который имели раньше, до прихода Лаверна. Стайка колибри вылетела из тумана, и их тонкие крылышки стали пластиковыми крыльями дронов. Носороги, которые задумчиво вышли на склон холма, утратили белый цвет и приняли былой облик транспортеров.

— Он делает все, как было, — негромко сказала Анна, и Лизе показалось, что она очень расстроена.

Туман развеялся, и академия изменилась. Замок бесследно исчез: вместо него теперь возвышались самые заурядные жилые и рабочие корпуса. Лаверн покинул это место, оставив все, как было, и девушки вздрогнули, когда блок связи разразился входящим звонком. Знакомый звук, от которого они успели отвыкнуть, стал чужим и пугающим.

— Анна! — наполнил комнату властный мужской голос, который принадлежал человеку, способному только командовать и распоряжаться. — Ну наконец-то есть связь!

— Папа? — растерянно проговорила Анна. Ее ощутимо качнуло, и Анна почти без сил опустилась на кровать. Лиза зажала рот ладонями, чтоб не заорать.

Лаверн ушел. Они вернулись в мир, они снова обрели все, что утратили. Лизе хотелось вопить во всю глотку от радости и невыносимой боли.

— Как ты? Это не имеет никаких оправданий, я уже отправил нарекания в звездный флот. Почти на два месяца оставили нас без связи с детьми! — невидимый отец Анны был искренне возмущен.

Анна провела ладонями по лицу и сказала уже уверенней:

— Тут были жуткие бури в атмосфере Юпитера, они гасили сигнал. Папа, у нас все хорошо, все правда хорошо... — Лизе казалось, что Колючка испугана до смерти и робеет, словно школьница перед директором. — Я учусь, к сессии готовлюсь. Все хорошо.

— Рад слышать, — произнес отец и тотчас же уточнил: — А почему ты сейчас не на занятиях?

— У нас половина пятого утра, — сказала Анна. — Мы спим еще.

— О, — осекся отец. — Извини. Я рад, что все нормально, созвонимся позже.

— Да, папа, конечно, — промолвила Анна. — Я тебя наберу.

Зеленый огонек сменился красным: сеанс связи завершился. Несколько долгих минут Анна и Лиза сидели неподвижно, глядя на друга и не говоря ни слова, а потом в коридоре раздался ликующий вопль — настолько громкий, что, казалось, не мог принадлежать человеку.

Девушки высунулись из комнаты и увидели, что по коридору в одних трусах несется Ю Хвань с исторического. Парень бежал, приплясывая, и горланил во всю глотку:

— Связь! Есть связь! Связь!

— Эй, ты что? — испуганно окликнула его Анна. Парень выглядел так, словно сошел с ума от счастья. Ю Хвань обернулся, бросился к ним и сгреб в крепкие объятия, пахнувшие потом и спиртным.

— Мать до меня дозвонилась, девки! — проговорил он. — Сестра неделю назад двойню родила. Я дядька теперь!

И тогда Лизу словно ударило. Преображение первой базы не было сном, они вновь вернулись в свой мир, они были живы, и все закончилось. И когда из комнат высыпали смеющиеся и плачущие от счастья студенты, Лиза засмеялась тоже.

И сама не поняла, что плачет.

— Дорогие друзья, я счастлив сообщить вам, что трудные времена миновали.

Вместо первой пары студенты и преподаватели собрались в большом зале, и декан Браун, стоявший сейчас перед микрофоном, выглядел растрепанным, шокированным и — это удивляло больше всего — нетрезвым. Впрочем, сейчас сам воздух в академии был настолько наполнен общим счастьем, что пьянил сильнее любого вина.

— Влияние, которое оказывала на нас определенная сила, рассеяно, — продолжал лунный аксолотль. — Я не могу сейчас сказать, что это было. Возможно, определенные эксперименты звездного флота. Возможно, нечто, аналогов которому еще не было в мировой истории. Возможно, это та сила, со всей властью и мощью которой еще только предстоит столкнуться всем разумным обитателям вселенной. Но сейчас мы свободны.

Декану зааплодировали. Кто-то на галерке затопал ногами, заулюлюкал, и под потолок взлетели сиреневые искры. Лунный аксолотль хмуро посмотрел на них и вскинул лапу, призывая всех к тишине. Когда студенты смолкли, он продолжал:

— Беглый анализ нашего общего состояния показал, что определенные способности, данные нам, сохранились до сих пор. Мы с деканом Лю Шенем пришли к единому решению. За любое использование магии для причинения пусть даже ничтожного вреда — немедленное исключение. Использование магии во время занятий запрещено, нарушители будут наказаны. Я думаю, вам не надо доказывать серьезность намерений руководства.

Декан Браун обвел собравшихся пристальным тяжелым взглядом и произнес уже мягче:

— Но запускать фейерверки от радости не запрещено. Сегодня у всех нас есть повод ликовать.

На вторую пару Лиза не пошла. Отправившись в библиотеку, она вошла в мировую паутину и после недолгих поисков обнаружила страницу Михайлины Ломинцевской в одной из соцсетей. Приемная мать почти ничем ее не заполнила. Несколько песен Скавачевского в разделе аудиозаписей, какие-то игры и всего одна фотография: они сидели возле дома вдвоем с еще маленькой Лизой. Это было через несколько лет после того, как Лиза попала на Марс — успев привыкнуть к новому миру и приемным родителям, она называла их «мамой» и «папой». Лиза смотрела на себя — растрепанная белобрысая девчонка в джинсах и клетчатой рубашке, с котенком на руках и значком с Билли Боем, Пузатым пиратом, на кармане — и неожиданно остро понимала, что соскучилась. Ужасно соскучилась.

Неужели прямо сейчас она сможет поговорить с Михайлиной? Неужели первая база вернулась по-настоящему?

Лиза до сих пор не могла в это поверить. Несмотря на то, что видела все перемены своими глазами и, по большому счету, сама их и вызвала, сделав Лаверну сложное предложение и усомнившись в его искренности.

Не могла.

На странице Михайлины была кнопка для моментальной связи, и Лиза быстро нажала ее. Некоторое время ничего не происходило, потом пошел сигнал соединения, и на экране планшета появился серый квадрат с надписью «Ждите, вам обязательно ответят». Интересно, что сейчас делает Михайлина? Работает за стойкой кафе, раздавая работягам пироги и наливая кофе, или сидит в офисе на низшей секретарской должности, заказывая баклаги с водой и почту...

Серый квадрат стал белым: соединение установилось. Лизу пробрало холодом от макушки до пяток — Михайлина сидела за кассой книжного магазина, и за ее спиной красовался разноцветный плакат, рекламирующий очередной детектив Саши Серова.

— Ма, привет! — Лиза старалась говорить бодрее, но чувствовала, что не сдержится и заплачет. Она никогда еще не была так далеко от дома, как в эту минуту.

— Лиза, дочуша! — Михайлина сперва радостно улыбнулась, потом закрыла рот и нос ладонями, и в ее глазах заблестели слезы. — Привет, дитё! Ну слава богу, есть связь! Мы два месяца дозвониться не могли. Как ты там, как учеба?

— Учеба? — растерянно переспросила Лиза. — Да хорошо учеба... то есть... откуда ты знаешь?

Михайлина смахнула слезу, и Лиза увидела на лице приемной матери светлую радость и нескрываемую гордость. Выйдя из-за кассы с планшетом, Михайлина отошла в сторону, подальше от покупателей, листавших книги, и ответила:

— Отец мне рассказал. Всех на уши поставил, когда ты пропала, а потом полиция прислала записи с камер. Ох, дочуш, мы так гордимся тобой! — Михайлина всхлипнула. — Такая умница выросла!

На мгновение Лизе стало тяжело дышать. Она думала, что приемные родители не знают, как вернуть ее назад на ферму — а оказалось, что ею гордятся, и отец, сидя возле телевизора, наверняка говорит в адрес игроков «Зенита-Нова»: «Вы бы так играли, как моя Лизка учится! Давно бы в чемпионы вышли!» В обширном семействе Ломинцевских не было людей с высшим образованием — а потом появилась Лиза, и все стало по-другому.

— Я учусь, ма, — промолвила Лиза. — Все в порядке, надеюсь, стипендия будет, — Михайлина ахнула и негромко повторила: «Даже стипендия!», и Лиза продолжала так поспешно, словно боялась, что ее перебьют: — Я тебя очень люблю. Очень-очень.

— И я тебя люблю, дочуш, — Михайлина все-таки не удержала слез. — Ты звони мне, не забывай. Ладно?

После того, как сеанс связи завершился, Лиза отложила планшет и долго-долго сидела за столом, глядя, как в библиотеку приходят и уходят студенты, как мимо нее пробегает чужая жизнь, нисколько ее не затрагивая. Лиза никак не могла понять того тихого странного чувства, что охватило ее душу — и от этого непонимания было только больнее.

Глава 7

Постепенно жизнь в академии вошла в привычную колею. Разумеется, деканы Браун и Лю Шень прогнали всех студентов через медицинский блок, получили самые исчерпывающие результаты исследований, которые показали только одно: ребята здоровы, два месяца с Лаверном не оказали на них негативного влияния.

Филин вздохнул с облегчением.

Каждый день он тревожно вслушивался в себя, пытаясь найти отголоски чужой воли — и так ничего и не обнаружил. То ли Царь-Ворон наконец-то утратил интерес к нему, то ли Аберфорт был прав, и Лаверн, его крылатый противник и преобразование первой базы были экспериментом, который завершился, по счастью, без последствий.

«Вот и хорошо, — думал Филин. — Вот и славненько».

Напиваться больше не требовалось. Тщательно взвесив все за и против, Филин выгреб из потайного ящичка все свои запасы и сгрузил их в мусорный отсек. Здравая ясность и четкость ума нравились ему намного больше всех зеленых фей. Филин думал, что от расставания с солями и спиртным ему станет как минимум грустно — но не испытал и малейшего дискомфорта.

Дискомфорт появился через неделю после того, как исчез Лаверн, и первая база приняла привычный облик. Филину предстояло покинуть академию в компании с Нараявой — лайнер должен был доставить их на Землю, в ректорат — от заместителей требовались личные отчеты по всему, что произошло в академии за два месяца без связи. Заняв места в небольшой каюте и закрыв за собой двери, Филин и Нараява сказали чуть ли не в один голос:

— И что будем рассказывать?

На информационной панели появилась красная надпись «Пристегните ремни. Начало полета через две минуты». Филин послушно щелкнул металлической частью ремня и произнес:

— Все зависит от того, что они знают. Аберфорт отправил все документы, но теперь вот требуют нас лично.

— Возможно, подозревают, что мы знаем правду? — предположил Нараява. Угольно-черный цвет его кожи стал сереть: заместитель волновался. Вчера они вчетвером провели три часа на совещании в деканате, но так и не пришли к каким-то единым выводам.

Лайнер вздрогнул, и Филин ощутил легкий упругий толчок в ноги — полет начался. За иллюминатором медленно и величаво плыла первая база, удаляясь от лайнера, заваливаясь куда-то вправо и становясь совсем маленькой — а сверху раздвигался купол, выпуская лайнер на волю. Мелькнуло багровое брюхо Юпитера, на какой-то миг все заслонив собой и наполнив каюту грозным красно-коричневым сиянием, а потом все залило звездной тьмой.

— Мы вчера решили, что начнем беседу с того, что повторим все, изложенное в документах, — произнес Филин, когда красная надпись на панели сменилась зеленой: «Отстегните ремни. Полет проходит в штатном режиме». — В любом случае, мы летим на Землю, Ричи. Это уже хорошо.

— Родители наших студентов буквально извели представительство флота, — произнес Нараява. Филин неопределенно пожал плечами.

— Естественно. Если бы мой ребенок полетел учиться, и с ним бы не было связи, я бы тоже всех извел.

Нараява вдруг посмотрел на него со странным выражением лица, словно только что понял нечто очень важное.

— Ты видишь? — спросил он. — Мы говорим так, словно этого Лаверна не было. Словно в самом деле на два месяца пропала связь с первой базой, — Нараява сделал паузу и добавил: — Это страшно. В самом деле страшно.

Филин только рукой махнул.

— Я никогда не верил, что Лаверн действительно вычеркнул нас из мира, — сказал он. — Врала эта дрянь, вот и все. Создал помехи в атмосфере и притворился, что присвоил нас.

— Почему тогда никто не отправился на наши поиски? — предположил Нараява. — Огромная база, полторы тысячи студентов и сотрудников, и вдруг они взяли и пропали. Два месяца не выходят на связь, и никто их не ищет. Тебе не кажется это странным?

Филин пожал плечами.

— Да, это странно, — согласился он, и в эту минуту створки дверей дрогнули, пропуская гостя. Тот бросил рядом с Нараявой небольшую сумку для путешествий, и Филин подумал, что страшные сны и дикие сказки всегда возвращаются.

Вернулись и теперь.

— Я никогда не врал, — произнес Лаверн. — Я действительно выбросил всех вас из мира и вернул тогда, когда счел нужным.

Он опустился в соседнее с Филиным кресло, аккуратно поддернув штанины модных брюк на коленях, и продолжал:

— Неужели вы и правда подумали, что я откажусь от своих планов из-за какой-то девчонки?

— Как ты думаешь, где он сейчас?

Анна неопределенно пожала плечами. Они с Лизой и Сергеем сидели в библиотеке и работали над курсовыми проектами — каждый над своим. Проект тоже следовало писать вручную на листах белой бумаги: якобы так студенты лучше усвоят необходимую информацию, творчески ее переработав, а не просто скачав из сети.

Лиза понимала, что это блажь — но блажь разумная. Лаверн покинул первую базу, но магия, приобретенная студентами на индивидуальных занятиях, осталась с ними, как и соблазн применять ее. Но после уроков, домашних заданий и курсовых сил ни на что не оставалось, и преподаватели получали спокойствие вместо решения студенческих проблем.

Надвигалась сессия. Забот и без того хватало.

За соседним столом сидела Флер со своим второкурсником. Парня звали Виктор, и он смотрел на магическую сенсацию академии примерно с тем же видом, с каким обжора смотрит на торт. Впрочем, в этом не было никакой магии: осознав свою внутреннюю силу по указке Лаверна, Флер приобрела вполне терпимый вид, и даже ее вечный гонор куда-то подевался.

— Понятия не имею, — призналась Анна. — Но мне меньше всего хочется, чтоб он вернулся.

Лиза покосилась на Сергея. Староста сидел напротив Анны с привычным деловым и невозмутимым видом, но Лиза уловила, как едва заметно дрогнула его бровь: слова Анны ему понравились.

— Только не говори, что ты по нему соскучилась, — Сергей придвинул к себе одну из книг, судя по обложке, изданную еще в прошлом веке, и добавил: — Ведь не соскучилась?

Лиза пожала плечами. Ну вот что на это можно ответить?

«Все, кроме правды, — тотчас же подсказал внутренний голос. — Лаверн был невыносимой зазнайкой, от которого не приходилось ждать ничего хорошего. Но ты к нему привыкла, и тебе нравилось, когда он был рядом вместе со своим зазнайством».

— Ну не то что бы... — уклончиво ответила Лиза. — Просто интересно. Мы же не знаем, что он придумал на самом деле.

— Насколько я помню, он признался тебе в любви, — сказала Анна с нарочитым спокойствием, не поднимая головы от листа бумаги. — И ты поставила ему ультиматум. Ничего он не придумал, просто не вынес того, что кто-то крутит им, а не он крутит кем-то. Вот и все.

Сергей удивленно посмотрел на нее.

— Думаешь, успокоится и вернется?

Анна отложила ручку и некоторое время хмуро смотрела куда-то мимо ребят. Потом она вздохнула и сказала:

— Мне кажется, ничего еще не закончилось. Я боюсь, как бы хуже не стало.

— Куда уж хуже-то... — пробормотала Лиза. — Только все наладилось.

— Это мы так считаем, — весело промолвила Анна. — А что там впереди?

В эту же минуту стол под ними дрогнул, тихонько, едва заметно. Лиза испуганно огляделась: студенты и библиотекари занимались своими делами. Сергей откинулся на спинку стула и устало прикрыл глаза. Ручка вырвалась из его пальцев, прокатилась по столу и упала вниз, на покрытие пола, поглощающее звуки.

Со стороны могло показаться, что староста курса просто отдыхает.

— Хотите отправиться в путешествие? — вдруг сказал он, и Анна с ужасом вцепилась в руку Лизы.

В голосе Сергея звучал знакомый вороний клекот.

Филин ожидал, что станет страшно. Они летели на Землю в компании чудовища, которое все-таки оказалось не вымыслом и не сотрудником спецслужб, а могущественной силой, способной при желании уничтожить их привычный мир. Но страх не появился. Вместо него пришло брезгливое равнодушие, как у хозяйки, в кухне которой снова завелись тараканы, и надо делать неприятную, но привычную работу — брать отраву и истреблять их.

А вот Нараява отреагировал именно так, как и требовалось: посерел от ужаса. На крупной лысой голове заместителя заблестели капли пота.

— Мне казалось, что девчонка тебе нравится, — Филин откинулся на спинку кресла и равнодушно посмотрел в окно. Был один интересный вариант: рвануть рычаг аварийной эвакуации — тогда их отсек отделится от лайнера, и следующим номером программы станет команда на блок управления о немедленной разгерметизации. Вряд ли Лаверн выживет в открытом космосе.

Фейери пожал плечами.

— Я никому не позволю ставить себе ультиматумы, Андрей Петрович, — уверенно сообщил он. — Даже тем, кого люблю. В особенности тем, кого люблю.

— Значит, все это было фарсом... — растерянно проговорил Нараява. Лаверн одарил его очаровательной улыбкой и произнес:

— Что именно?

— То, что вы ушли с базы. Вернули академии ее прежний вид.

Лаверн только руками развел.

— Не совсем так. Я закончил часть своего плана, которая была связана с первой базой. Отработал на живом и объемном материале свои идеи и замыслы. Теперь необходимо идти дальше.

Желание протянуть руку к панели блока управления, рядом с которым сидел Филин, становилось зудящим и нестерпимым. Несколько движений — и все это закончится. Филин не жалел о своей жизни, все равно она была скучна и пуста. Нараяву только жалко — неплохой мужик.

А Лаверн... Сдохнет в муках — туда и дорога.

— И что дальше? — поинтересовался Нараява. Лаверн посмотрел на него, как на скорбного разума.

— Я вроде бы уже сообщал о своих планах, — сказал он. — Хочу вернуться домой и вернуть свой дом себе. На первой базе для этого слишком мало ресурсов. А вот военные силы звездного флота меня вполне устроят.

Филину захотелось рассмеяться. Громко и истерично. Какими все оказались идиотами, каким идиотом был он сам! Какой вред Царю-Ворону могут нанести считай, что дети, пусть даже и обладающие магическими силами? А вот профессиональные военные, обученные убивать и имеющие новейшее вооружение — это уже совсем другое дело. А если они еще и маги, то тогда Царь-Ворон может паковать пожитки и убраться, куда подальше.

Он представил, как по зеленым холмам земель Царя-Ворона ползут жуки танков и боевых машин пехоты, как дроны выплевывают лазерные пучки, как бегут черные фигурки морпехов. Кто-то, конечно, падает, и вороны выклевают ему глаза, разбивая инфракрасные очки — но остальные идут, идут, идут, и их тяжелая поступь говорит всем о том, что прежний владыка возвратился.

Вот тогда Филину стало по-настоящему страшно.

— Вы безумны, — глухо проговорил Нараява и повторил: — Вы безумны, Лаверн, или как там вас...

Во взгляде Лаверна появилось искреннее сожаление.

— Если вы считаете безумием вернуть свой захваченный дом, — произнес он, — то тогда да, я безумен. Впрочем, если вас что-то не устраивает, вы можете сделать то же самое, что и господин Филин. Андрей Петрович! Хватит ковыряться в блоке управления!

Филин опустил руку и откинулся на спинку кресла. Вот и все. Даже героически сдохнуть у него не вышло. Филин никогда прежде не ощущал себя настолько маленьким и слабым.

С другой стороны, каким еще может быть наркоман и пьяница? Только ничтожным слабаком, недостойным даже жалости.

— Я предвидел, что вы захотите сделать именно это, — любезно произнес Лаверн, глядя на Филина с такой сладкой улыбкой, словно это был его лучший друг. — Андрей Петрович, ну зачем? Вам ничего не угрожает, даю вам честное слово. Ни здесь, ни на Земле, ни где бы то ни было. Я очень к вам расположен.

Филин вспомнил, как увидел Лаверна в первый раз. Вспомнил опиумный притон у Килиманджаро и стройного молодого человека в белом костюме, который ходил между погруженными в наркотические грезы и заглядывал им в лица. Когда он посмотрел на Филина, тот впервые почувствовал укол чужой воли.

«Не смотри, — приказал Царь-Ворон. Впрочем, Филин тогда еще не знал его имени. — Не смотри на него. Еще не время».

«Еще не время», — послушно повторил Филин, и последний король фейери взглянул ему в глаза, но увидел в них только опиумный туман: в его сладкой дымке тонули все миры и все ответы.

«А вот теперь время пришло», — прошептал Царь-Ворон, и лайнер едва заметно содрогнулся, а на лоб Филина легли уже привычные очертания короны из костей. На мгновение и лайнер, и его пассажиры, и бархатная чернота космоса отодвинулись на задний план, пропуская ту силу, которая одним мановением могла бы уничтожить и лайнер, и пассажиров, и космос.

«Не надо бояться, — дружелюбно проговорил Царь-Ворон. Филин чувствовал, как границы его «я», которые он так старательно удерживал до этого, падают одна за другой, словно дорожка из костяшек домино. И это было правильным. — Не надо. Все, что ты видел и чувствовал раньше, было для этого».

«Я понимаю», — ответил Филин. Он тонул в синей тьме плаща Царя-Ворона и видел, как в его тяжелых складках зарождаются новые вселенные.

Бесчисленное множество миров.

Время остановилось.

— Иди! — почти прокричал Филин, чтоб в следующую минуту исчезнуть окончательно. — Иди же!

Библиотека исчезла — они стояли на берегу реки. Кругом царило лето — солнечное, жаркое, пронизанное запахами трав и голосами птиц. Лиза спустилась к воде, опустила в нее пальцы: настоящая. Река была теплой, по ее волнам плыли звезды, от нее поднимался запах рыбы, водорослей и русалочьих сказок.

— Настоящая река, — сказала Лиза, выпрямившись. — Не мираж.

— Мы в его стране, — сказал Сергей. Староста выглядел растерянным, и Лиза подумала, что однажды он уже побывал тут, и ничего хорошего не почувствовал. — В стране Царя-Ворона.

— А здесь хорошо, — Анна сбросила туфли и, сев в траву, блаженно вытянула ноги. — И я знаю это место. Это Ясная Поляна, недалеко от истока Воронки.

Лиза никогда не была в Ясной Поляне, так что Колючке приходилось верить на слово.

— Я туда ездила с экскурсией, — продолжала Анна, — а потом мы просто гуляли по лесничеству. Красиво, правда? Мне кажется, мир Лаверна — какое-то отражение нашего.

— Если пройти подальше, то будут холмы, — послышался знакомый голос. — А за ними серые травы, низенькие деревца и Килиманджаро. Только без опиумных деревень.

Все оглянулись. Чуть поодаль, под дубом сидел заместитель Филин — жевал травинку и выглядел очень умиротворенным и счастливым. Некоторое время ребята растерянно смотрели на него, а затем Лиза спросила:

— Это же гора. Почему ее отсюда не видно?

— Потому что мир Царя-Ворона возникает тогда, когда ты начинаешь двигаться вперед. И думать, — заместитель Филин выбросил изжеванную травинку и сорвал другую. — Поэтому он тоже здесь, и везде, и всегда. Это философия, понимаешь ли.

Ребята подошли поближе, и Филин похлопал ладонью по траве, приглашая их сесть. Когда все расселись в тени дуба, то Анна спросила:

— Что произошло, Андрей Петрович? Вы ведь знаете?

— Расскажите! — чуть ли не в один голос потребовали Лиза и Сергей.

Филин пожал плечами.

— Мы с Нараявой с утра улетели на Землю, — ответил он, — и после посадки в нашу каюту зашел Лаверн. Он сказал, что летит с нами, потому что ему нужны силы звездного флота для борьбы с Царем-Вороном.

Сказанное подействовало, словно оплеуха. Некоторое время ребята молчали, растерянно глядя друг на друга. Затем Сергей стукнул кулаком по земле и воскликнул:

— Вот же хитрая сволочь! Похоже, он просто на нас тренировался!

Филин одобрительно посмотрел на старосту.

— Совершенно верно, друг мой, — усмехнулся он. — Первая база была началом. Он отработал свою методику превращения людей в магов и отправился на Землю. Ему нужны не талантливые дети, а обученные военные.

— А вы? — спросила Анна. — Почему вы здесь?

На лице Филина появилось какое-то непонимающее выражение. Заместитель вдруг стал похож на ребенка, который неожиданно обнаружил, что находится в глухом лесу, и где-то совсем рядом воют волки.

— Я, похоже, умер, — произнес он. — Пришел Царь-Ворон, и на этот раз он пришел не так, как раньше. Он полностью выдавил мою личность из тела... так что я, похоже, мертв.

Он произнес это с таким нарочитым равнодушием, что Лиза едва не расплакалась. Ребята смотрели то на Филина, то друг на друга, не понимая, что могут сказать или сделать. Наконец, Сергей произнес:

— Давайте надеяться, что это не так, Андрей Петрович. И давайте подумаем, что нам делать. Раз Царь-Ворон привел всех нас сюда, значит, мы имеем какое-то значение.

— Интересно, что он сейчас делает с Лаверном... — сокрушенно промолвила Лиза и тотчас же добавила: — Ведь и Ричи там...

Филин усмехнулся. Выбросил травинку. Его пальцы были покрыты соком, словно зеленой кровью.

— Ричи жалко. Хороший мужик, и так попал, — произнес он. — Ладно, давайте подумаем, что мы все можем. Еще раз: чему учил вас Лаверн?

— Я щит, — откликнулась Лиза. — Щит и яйцо дракона, вот только поди знай, что он имел в виду.

Филин задумчиво дотронулся до кончика носа и тотчас же опустил руку. Жест вышел каким-то нервным и пугающим.

— Возможно, в тебе есть нечто, что сможет переломить сложную ситуацию в пользу одной из сторон, — предположил Филин. Лиза посмотрела в его сторону и вдруг поднялась на ноги и нервно воскликнула:

— Да нету во мне ничего! Нету! Я просто хотела, чтоб меня любили. Чтоб сделали выбор в мою пользу, а не...

Она осеклась, устало махнула рукой и отвернулась.

— Он сказал, что не позволит ставить ультиматумы даже тем, кого любит, — произнес Филин. — В особенности тем, кого любит. Так что ты все сделала правильно, звездная невеста. Вот только...

— Я. Не. Невеста, — отчетливо проговорила Лиза, и выражение ее лица так и кричало о том, что с ней лучше не связываться. Филин вновь пожал плечами.

— Царю-Ворону виднее, — сказал он. — Иначе он не стал бы делать на тебя ставку.

Немного освоившись в новом месте, вся компания подалась на восток — туда вела дорога, которую, должно быть, проложили отдыхающие своими машинами. Смешанный лес постепенно уступил место почти прозрачной березовой роще, и Лиза, обернувшись, увидела, как в мареве, которое возникло на месте реки, возвышаются крепостные башни и трепещут знамена на их вершинах.

Значит, звездная невеста... Какая ерунда! Ну зачем Филин так сказал! Царь-Ворон не ошибается и знает лучше — да неужели. Лаверн просто использовал ситуацию так, как считал нужным, и не нужна ему была никакая Лиза. Все, что он сказал ей на балу, все, что было у них до этого, было всего лишь игрой, не больше.

А Лиза не захотела играть. Она вдруг захотела любить и с чего-то решила, что ради любви Лаверн отречется от своих планов.

Люди не меняются. Фейери тем более.

И от этого Лизе было настолько мутно и тоскливо, что она с трудом сдерживала слезы. Всем было хорошо. Филин шагал впереди с настолько беспечным видом, словно и думать забыл о том, что, возможно, уже умер. За ним шли Анна и Сергей — держали друг друга за руки и так смотрели по сторонам, будто просто пошли на романтическую прогулку. Шествие замыкала Лиза, угрюмая, как сова.

«Чего ты хочешь? — спросил внутренний голос. — На самом деле? Без привязок ко всем чужим историям и чужим жизням? Чего?»

«Я хочу вернуться домой, — откликнулась Лиза. — К маме. У Михайлины все хорошо, да и будет не хуже. А я к маме хочу. Я устала».

«А Лаверн?» — не унимался внутренний голос. Очень уж хотелось ему позадавать вопросы.

«Ну а что Лаверн? Он здесь, он везде, он всегда. Если захочет, будет жить со мной в моем прошлом. Только он не захочет».

«Почему ты так решила, что не захочет?»

«Если бы захотел — был бы здесь. Давно был бы. Потому что когда люди чего-то хотят по-настоящему, их невозможно остановить».

Внутренний голос сконфуженно умолк и больше не задавал вопросов.

Постепенно мир вокруг менялся. Травы серели и сохли, их мягкие линии становились колючими и ломкими, почва желтела, и дорога в конце концов стала каменистым руслом иссохшей реки. Теперь идти приходилось друг за другом, по цепочке: Сергей пошел последним, словно ожидал нападения. То тут, то там из рыжей окаменевшей глины выглядывали белые завитки ракушек, хищно изогнутые рыбы кости и оскаленные черепа

каких-то жутких существ. Если этот мир был порожден чьим-то разумом, то Лиза не хотела бы встретиться с этим человеком.

Но путь по руслу среди черепов был недолгим — вскоре вся компания вышла на берег моря, покрытый сверкающим белым песком. Солнце спускалось к закату, волны с негромким шуршанием набегали на берег, переговариваясь между собой. Чувство тягостной обреченности, овладевшее всеми и заставлявшее опускать голову все ниже и ниже под невидимым ярмом, куда-то ушло, растворилось: Лиза подумала, что ей невероятно легко. Казалось, она готова оттолкнуться от песка и взлететь туда, где в темнеющей синеве вызревали крупные звезды.

— И что теперь делать? — поинтересовался Сергей. — Нас сюда не просто так привело.

Анна без затей села на песок и сказала:

— Пока будем отдыхать, Сереж. Мало ли, что там впереди?

— Вдруг война, а мы устали, — поддакнул Филин. Опустившись на песок, он спросил: — Вам пить хочется? Или есть?

Ребята недоуменно переглянулись, поймав себя на том, что они провели полдня в стране Царя-Ворона и не проголодались, и не испытывают жажды. Лиза испуганно посмотрела на Филина и спросила:

— И что это значит? Мы тоже умерли?

У нее даже в животе похолодело от страха. Что, если все уже закончилось, они попали в какую-то разновидность ада, и уже ничего нельзя исправить?

— Скорее всего, тут время идет иначе, — Филин довольно улыбнулся и сказал: — Я в начале года хотел все бросить и уехать на Клостонский рай. На пляже валяться. Ну вот он и пляж.

Филин снял ботинки и носки, подвернул брюки и сразу же стал похож на самого обыкновенного туриста, который наконец-то добрался до желанного моря.

— Советую вам отдохнуть, друзья мои, — произнес Филин. Сунув руки в карманы, он закрыл глаза, подставив лицо теплему ветру с моря, и добавил: — Скоро денница, сын зари, снова упадет с неба. Боюсь, тут тогда станет слишком жарко.

Звезда, вспыхнувшая над морем, была пронзительно-желтой.

Лиза поднялась с песка и, приложив ладонь козырьком ко лбу, стала смотреть: вот от желтого варева отделяется тонкий оранжевый хвост, вот он растет, и звезда становится стремительно летящей кометой. Вечернюю тишину наполнил низкий гул — сперва далекий, почти неразличимый, он постепенно усиливался. Сиреневые вечерние сумерки испуганно отступали, озаряясь золотым маревом, и наконец на пляже стало светло, словно в самый яркий и солнечный полдень.

Свет был ледяным. Он пронизывал насквозь, почти растворяя в себе. Пытаясь спастись и хоть как-то закрыться от него, Лиза зажмурилась, отчаянно понимая, что это бесполезно.

Но потом стало темно. Тьма была спасительной и прохладной, тьму наполняло хлопанье вороньих крыльев и запах свежести, который возникает после грозы. Почувствовав прикосновение к запястью, Лиза открыла глаза и увидела Анну — та слепо смотрела куда-то вперед, и Лиза с ужасом поняла, что Колючка действительно ничего не видит.

— Ань, я тут, — она сжала руку подруги, и Анна едва не расплакалась от облегчения.

— Я тут, — повторила Лиза. — Держись за меня.

Она огляделась. Прежде спокойный белоснежный пляж сейчас напоминал выжженное поле боя, вспаханное гусеницами невидимых танков и истоптанное незримой пехотой. Песок стал черным. То тут, то там из него торчали какие-то исковерканные железки, изуродованные потроха неизвестных механизмов, обломки и осколки. Пальцы Анны вздрогнули, сжимая руку Лизы еще сильнее.

— Что это было? Взрыв, да? — Анна старалась говорить спокойно, но в глубине ее голоса звучала нервная дрожь. Зато Лиза с радостью отметила, что белый туман в глазах Анны стал развеиваться — значит, зрение скоро вернется, и вряд ли Колючке понравится то, что она

увидит.

— Я взрыва не слышала, — призналась Лиза. — Но тут такое творится...

Она не успела описать Анне новый вид пляжа: откуда-то справа совершенно дурным голосом заорали:

— Девки! На землю!

Голос был подозрительно похож на голос Сергея. Лиза не стала разбираться — толкнула Анну на песок и рухнула рядом, закрывая голову.

Они успели вовремя: Лизе казалось, что она еще падает — а в спину уже ударил тяжелый пылающий кулак. Сверху посыпалось какое-то металлическое крошево, что-то весьма ощутимо стукнуло по затылку. По спине разливалась боль. Кажется, Сергей кричал. Кажется, воздух был наполнен птичьими криками и низким воем, пробирающим до самого нутра. Лиза все сильнее утыкалась лицом в грязный песок, словно хотела закопаться в него, спастись от неминуемой гибели.

Она не знала, сколько времени прошло. В какой-то момент Лиза просто обнаружила, что на пляже вновь воцарилась тишина — в следующий миг кто-то потянул ее вверх и поставил на ноги.

— Все, глаза можно открывать, — услышала она знакомый насмешливый голос, и Лизу легонько похлопали по щеке.

Свет резанул по глазам так, словно Лиза минимум неделю просидела в темном погребе. Когда боль прошла, а слезы перестали течь, Лиза увидела Лаверна, который осторожно поднимал из песка Анну. Щегольский костюм фейери превратился в обгорелые лохмотья, но Лиза поймала себя на совершенно неуместной мысли, что даже эти лохмотья смотрятся невероятно элегантно.

Из-за громадного куска металла, изъеденного дырками так, словно он попал под обстрел, показался Сергей — староста ошалело смотрел на Лаверна, и его правая рука то сжималась в кулак, то разжималась. Фейери стряхнул с плеча Анны песчинки, обернулся на Сергея и миролюбиво сказал:

— А, и ты здесь!

Сергей подошел, встал так, чтоб закрыть собой Анну, и ответил:

— Где мне еще быть. Это обломки лайнера, да?

Фейери посмотрел по сторонам, оценивая то, что произошло на берегу, и сказал:

— Да, похоже на то. Оказалось, Царь-Ворон отложил яйцо в заместителе Филине — и вылутился в самый неожиданный момент.

— А где Филин? — спросила Анна, растерянно озираясь по сторонам. Сергей махнул куда-то вправо, туда, где на месте пальм торчали дымящиеся пеньки, и ответил:

— В последний раз я видел его вон там.

Лицо Лаверна скривилось в гримасе презрения, но Лиза была уверена, что за этим презрением скрыта глубокая, почти детская обида. Царь-Ворон все это время был рядом, следил за каждым шагом, а Лаверн, при всем своим могуществе, так и не заметил его. Есть, от чего обижаться.

— Мы все погибли бы, если бы не он, — продолжал Сергей. Он поднял руку к лицу, и Лиза увидела, что староста плачет. — Он поднял над пляжем щит и закрыл нас от обломков лайнера. А остальные погибли. Команда лайнера. Заместитель Нараява.

Лиза подумала, что, несмотря на все свои путешествия, Сергей никогда не встречался со смертью — а тут она вдруг оказалась совсем рядом. Практически вплотную.

— Они не погибли, — недовольно ответил Лаверн. — Я успел их выбросить в подпространство, сейчас они на первой базе.

Он сделал паузу и хмуро добавил:

— Я не люблю убивать. Тем более, без причины.

Сергей провел ладонью по щеке и недоверчиво уточнил:

— То есть, они все живы?

Лаверн не успел ответить. Сумрак, скопившийся над поляной после взрыва, снова стал сереть, наливаясь светом. Лиза испуганно вцепилась в Анну: в этом свете не было ничего живого. Это было нечто из-за края и жизни, и смерти.

Царь-Ворон, который величаво двигался по грязному песку, был сгустком мрака. Он не имел каких-то определенных черт — тьма клубилась, перемещаясь вперед нервными рывками, и в этой тьме была запредельная сила и мощь. Лизе хотелось зажмуриться — но она продолжала смотреть на то, с чем многие годы сражался заместитель Филин, сражался и почти победил.

В самой сердцевине тьмы горел огонек. Разумеется, Лиза никогда не видела, как зарождаются новые вселенные — но это был именно он, новый мир, возникающий во мраке.

Заместитель Филин, живой и здоровый, шагал за Царем-Вороном и выглядел как человек, который только что завершил очень серьезную и важную работу.

— Ну вот, — произнес он. — Все в сборе. Можно начинать.

Дым, поднимавшийся от обгорелых пеньков пальм, смердел так, что резало глаза и сбивало дыхание.

«Когда все закончится, — думала Лиза, стоя рядом с Лаверном, — то буду спать трое суток. Или неделю. И чтоб без снов».

Лаверн взял ее за руку — осторожно, словно боялся, что Лиза отшатнется и выдернет ее — и негромко произнес:

— Я очень рад, девчонка, что ты здесь.

— Где же мне еще быть, — откликнулась Лиза, наблюдая за переливами черного и синего в том, что называло себя Царем-Вороном. В глазах заместителя Филина клубилась тьма.

Сергей очень медленно и аккуратно, чтоб не заметили, взял Анну под руку и потянул к себе, отводя ее в сторону. Анна удивленно посмотрела на него, и Сергей приложил указательный палец к губам, приказывая молчать. «Правильно делает, — подумала Лиза. — Это не ее война».

Губы Филина дрогнули, и над пляжем разнесся знакомый клекочущий голос:

— Ну здравствуй, владыка фейери.

Возможно, Лизе показалось, но лицо Филина на короткий миг исказило невыразимым страданием. А как иначе — осознавать себя просто временным вместилищем непостижимой силы, которая использует твоё тело для каких-то непонятных замыслов, и ты ничего не можешь с этим поделать.

— Царь-Ворон, — Лиза ожидала, что Лаверн поклонится — но тот стоял спокойно, гордо вскинув голову. — Хотел бы сказать, что рад нашей встрече, но не хочу врать.

Царь-Ворон рассмеялся. Тьма его сути взметнулась к вечернему небу дымными струями и завилась в туманный клубок.

— Хочешь воевать? — поинтересовался Царь-Ворон. — Вернуть себе все, что утратил? Вот твоё царство, — Филин дернулся, словно марионетка на веревочках, и обвел рукой пляж. — Гарь, грязь и смерть.

Пальцы Лаверна, сжимавшие руку Лизы, нервно дрогнули. Похоже, впервые за века, миновавшие со времен разгрома и крушения, фейери стало по-настоящему страшно.

Лиза и сама бы убежала отсюда неведомо куда. Да только ноги отнялись.

— Не я принес их сюда, — с достоинством ответил Лаверн. — Мой мир был прекрасен, пока не появился ты.

Филин закашлялся: Лиза с ужасом поняла, что это смерть.

Сергей и Анна тем временем успели отойти достаточно далеко, и Лиза наконец заметила, куда именно староста потащил ее подругу. Из потемневшего песка высовывался острый угол базового полетного модуля — сердце космического корабля, которое позволяет ему двигаться на сверхсветовых скоростях.

Но зачем оно Сергею?

— Ты прекрасно понимаешь, что война бессмысленна, — отозвался Царь-Ворон. — Можешь бросить на меня весь звездный флот. Ты ведь здесь, и везде, и всегда — так загляни в свое возможное будущее, если не боишься.

С лица Лаверна медленно сползал румянец. И вовсе он не был наглым, задиристым и бесцеремонным — сейчас рядом с Лизой стоял тот, кто понял, что столкнулся с тем, что не сумеет преодолеть.

Муравей не победит слона. При всем желании — не победит.

Насколько велики были силы Царя-Ворона, если Лаверн так испугался — Лиза и думать не хотела. Это было слишком.

— Боишься, — удовлетворенно проговорил Царь-Ворон. — Ладно, давайте посмотрим вместе.

Пульсирующая тьма раскинула над пляжем вороньи крылья, и наполнилась звуками и красками. Лиза смотрела туда, где расцветала война, и на какое-то мгновение даже перестала дышать от страха.

Весь мир стал полем битвы. На истоптанных зеленых полянах лежали мертвые люди в черной боевой форме звездного флота. Грунт, безжалостно вырванный гусеницами военных машин, пропитывался кровью. Вот с неба рухнул авианосец, словно подбитая птица — объятый пламенем, он ударился о землю, и Лиза ощутила вонь разлитого топлива. Вот завалилась на бок боевая машина десанта, ее бок был разворочен ударом невиданной силы, и из него безжизненно свешивался человек в форме.

Но война была не только в мире фейери. Лиза с ужасом увидела Марс: пылали города и фермерские поселки, по пыльным дорогам брели беженцы, кто-то волочил нехитрый скарб, кто-то падал на обочину без сил. Земля стала миром огня, крови и смерти. От рыжего бока Юпитера поднимались спасательные шлюпки, эвакуирующие людей на станциях, вспыхивали и рассыпались пригоршнями звезд.

— Не надо, — прошептала Лиза. — Пожалуйста, не надо.

Над пляжем величаво проплыли пылающие развалины какого-то земного города, и Лиза заорала:

— Да прекратите же!

Царь-Ворон рассмеялся, и тьма вновь стала тьмой. С моря повеяло легким ветром — он разогнал запах гари, и сразу стало легче дышать. Некоторое время Лиза и Лаверн стояли в одинаковой позе, опустив руки и слепо глядя туда, где только что сменяли друг друга картины разрушения и боли.

И только Сергей с Анной не теряли времени даром, шустро выкапывая из песка базовый полетный модуль.

— Войну не остановить, — устало произнес Царь-Ворон. — Вот то, что ты начнешь и не сможешь прекратить. Ты в самом деле этого хочешь, последний король фейери? Тебе нужно именно это? Я смету твою обитаемую Вселенную, как крошки со скатерти, и меня это не затруднит.

— Не надо, — твердо сказала Лиза. — Не надо. Хватит, навоевались уже.

Лаверн не произносил ни слова. Ветер с моря трепал его волосы, и фейери казался памятником самому себе. Сейчас он действительно понял всю бессмысленность своих планов, и душа его опустела.

Царя-Ворона не победить и не остановить. То, что Лаверн выжил во время крушения своего царства, уже было чудом.

Сергей тем временем смог просунуть руки под бок модуля и титаническим усилием выворотил

его из песка. На обгорелом металле, который когда-то был белоснежным, вспыхнула панель управления: красные огоньки мигнули и стали зелеными.

Модуль был готов к работе.

— Ты хочешь вернуть себе все, что утратил? — Филин сделал несколько шагов по песку и, взяв Лизу за плечи, развернул ее к фейери. — Вот твое царство. Намного больше того, которое ты не возвратишь.

Лаверн посмотрел сперва на Лизу, потом на Филина, и выражение его лица было просто неопишным. Лизе захотелось зажмуриться, чтоб не видеть его.

Ее переполняло сочувствие и жалость. Не те, что унижают — те, которые открывают сердце, позволяя разделить чужую боль, какой бы глубокой она ни была.

— Я тоже здесь, и везде, и всегда, — продолжал Царь-Ворон. — И мне нетрудно было устроить туманное утро в маленьком городке, чтобы одна девочка заблудилась в лесу и миновала сотни лет и тысячи километров.

Ощущение было таким, словно Лизу со всех сил огрели по голове чем-то тяжелым. Несколько мгновений она смотрела прямо во тьму, туда, где вызревали зерна новых миров, а потом проронила только одно слово:

— Зачем?

— Чтобы спасти тебя, — тотчас же ответил Царь-Ворон. — Чтобы спасти всех.

Потом, когда они вернулись на первую базу, рухнув прямо на ступени учебного корпуса, и все — студенты, преподаватели, сотрудники — обступили их с криками, расспросами, хлопаньями по плечам, Сергей так и не смог внятно объяснить, почему он сделал то, что сделал.

Он не знал, откуда ему пришло в голову выкапывать модуль и рисковать жизнями Анны, Лизы и заместителя Филина — а это был колоссальный риск. В памяти остались только песчинки, липнувшие к потным исцарапанным ладоням, острые ребра модуля, которые никак не хотели выбираться из песка, и собственный отчаянный зов: да поддайся ты уже! Поддайся, ну!

Анна тоже ничего не поняла. Царь-Ворон, Филин, Лаверн и Лиза остались в стороне и словно бы не замечали того, как они с Сергеем раскапывают песок. Им было не до того. Но Анна в первый раз за все время, проведенное в обществе фейери, увидела, что Лаверн изменился — по-настоящему и окончательно.

Когда тьма налилась огнем и кровью, показывая картины будущего их вселенной, Анна на какое-то мгновение замерла, наблюдая в вязком очаровании за тем, как бегут пехотинцы, и из их распахнутых ртов рвутся вопли. Вот один из бегущих споткнулся, клюнул лбом траву и неловко завалился на бок. В этот момент Анна посмотрела на Лаверна и все поняла.

Лицо фейери дрогнуло от ужаса.

Лаверн, которого Анна знала раньше, ничего бы не испугался. Он махнул бы рукой и отправил свою армию на очередной штурм, неважно, что это оказалось бы полностью бессмысленно. Ему нужно было вернуть свою утраченную родину — и он бы возвращал ее, пока не разрушил бы все.

— Он начал понимать ценность жизни, — то ли сказала, то ли подумала Анна. — Он уже другой.

— Не знаю, насколько другой, — тяжело дыша, откликнулся Сергей, — но я хочу быть от него подальше. И забрать наших.

Они раскопали модуль настолько, что Сергей смог как-то сподручнее взяться за него и, застонав сквозь зубы от напряжения, выворотить из песка. Анна увидела потемневший от гари и копоти металл, алую надпись «Собственность правительства Земли. Активировать либо вскрывать только специалистам первого уровня допуска» и спросила:

— Сереж, ты что задумал?

Сергей пожал плечами. Сейчас, с чумазым лицом, по которому стекали капли пота, и растрепанными грязными волосами, он казался по-настоящему прекрасным. Он был рыцарем, защищающим людей от чудовищ.

— Если я ничего не путаю, — сказал Сергей и пробежался пальцами по панели управления, — то этот модуль работает на тех же принципах, что и переносные манипуляторы.

Когда-то у Анны был такой манипулятор. Очень просто: накупила в магазине несколько пакетов вещей, загрузила в него и нажала на кнопку — манипулятор создает червоточину в пространстве и забрасывает вещи в нужную точку. Например, в шкаф.

— Откуда ты знаешь, как с ним обращаться? — Анна сжалась от страха, молясь всем, кто мог бы ее услышать и откликнуться, чтобы ни Царь-Ворон, ни Лаверн не заметили манипуляций Сергея.

— Проблема в том, что я не знаю, — Сергей провел ладонью по лбу, размазывая грязь и пот. — Только читал об этом в «Технике — молодежи». Да какая разница, Аня, нам все равно нечего терять.

Он нажал на кнопку часов на запястье, чудом уцелевших во всех из приключениях, и над песком засветились слова: «Разрешите геолокацию». Сергей поднес часы к губам и прошептал:

— Ганимед, первая база звездного флота.

Часы ответили не сразу — за несколько секунд их молчания Анна, казалось, успела поседеть. Но затем в воздухе задрожала полупрозрачная надпись «Геолокация установлена», и Сергей негромко воскликнул:

— Да! И синхронизация есть.

— Что я должна делать? — спросила Анна. Сергей ободряюще улыбнулся и взял ее за руку. Неподалеку Царь-Ворон произнес губами Филина: «И мне нетрудно было устроить туманное утро в маленьком городке, чтобы одна девочка заблудилась в лесу и миновала сотни лет и тысячи километров».

От этой фразы веяло какой-то жуткой, неестественной правдой. Лицо Лизы дрогнуло, и Анна подумала, что не знает, кем была ее подруга на самом деле. Девчонкой с фермы, решительной, слегка грубоватой и острой на язык — но всегда ли она была этой девчонкой?

— Держи меня за руку, — приказал Сергей и стиснул Аннины пальцы. — Мы возвращаемся домой.

Он нажал несколько точек на панели управления, и модуль едва заметно вздрогнул и низко завибрировал. Анна увидела, что Филин обернулся в их сторону и, чуть помедлив, подмигнул.

Ей хотелось верить, что это был именно он, а не Царь-Ворон.

— Четыре человека, — произнес Сергей, когда над модулем расцвели слова: «Введите количество пассажиров». — Это не наша война.

Потом мир стал ослепительно белым, испепеляющим, и в этой белизне растворился пляж, люди на нем и всё, что с ними было и не было. Анна из последних сил цеплялась за саму себя, собственную душу, правду и воспоминания, летя сквозь это белое куда-то вниз — но потом все закончилось.

Она пришла в себя резко, словно вынырнула из воды. Какое-то время перед глазами была лишь пестрая точка среди мрака — но затем она стала расти, превращаясь уже не в точку, а в пятно, и в этом пятне плавали знакомые очертания лазарета на первой базе. Пип-пип-пип — доносилось откуда-то справа, руку ужасно дергало и саднило, и именно эта боль и вернула Анне сознание.

— Нет, я никогда не пробовал перемещать людей через манипулятор, — сказал Сергей, и кто-то сразу же зарычал на него голосом как минимум генерала:

— Не пробовал? Откуда у тебя допуски на работу с модулем?

— Не знаю, — Сергей говорил со спокойным достоинством, но Анна не знала, как долго это продлится.

Она открыла глаза. Действительно, она и Сергей лежали на соседних койках лазарета, чуть поодаль, у окна, расположили живого и здорового заместителя Филина. Лазарет был полон народу — сплошь квадратномордые в военной форме, смотревшие так, будто Анна и Сергей

были как минимум разоблаченными шпионами потенциального противника.

Почему-то ей не было страшно.

— Товарищ генерал, Эверетт пришла в себя, — услужливо сказал кто-то, судя по голосу, в мелком чине. Рычавший на Сергея обернулся, посмотрел на Анну, и она с трудом подавила желание спрятаться под койку.

— Она свидетель, — устало сказал генерал. — К тому же, сюда уже папаша ее летит, а я с дипломатами не люблю дела иметь. Слова в простоте не скажут.

— Извините, товарищ генерал, — начала Анна, старательно придавая своему лицу простое и чуть ли не дурашливое выражение, — а что произошло?

Генерал пристально посмотрел на нее и натурально схватился за голову.

— И этой мозги отшибло, ну что ты будешь делать. Этот лежит, дурью мучается, — он мотнул смуглой лысой головой в сторону заместителя Филина, — теперь еще и эта...

Из-за спин военных вывернулся врач и, оценив ситуацию, сказал таким тоном, что никто не захотел с ним спорить:

— Товарищи военные, покиньте лазарет. Пациентам пора на процедуры.

Генерал пробормотал себе под нос что-то вроде «Ну раз медицина говорит...», и через несколько минут лазарет опустел. Анна вздохнула — вроде бы все хорошо, они выбрались со страшного пляжа живыми, ее отец летит на первую базу. Все хорошо.

— Что все-таки случилось? — негромко спросила она. — Какова официальная версия?

Филин, который старательно делал вид, что дремлет, поднял руку, и камера наблюдения под потолком погасила красный глазок. Сергей приподнялся на койке и ответил:

— Официально мы все летели на Землю. Но произошла какая-то авария, и нас перебросило чуть ли не в систему Конька.

Анна едва не ахнула — система Конька была в соседней галактике.

— Экипаж зашвырнуло обратно на первую базу, — продолжал Сергей. — Капитан успел открыть пространственный лаз аварийной эвакуации. А мы вчетвером оказались на неизвестной планете. Ну дальше ты знаешь, я активировал модуль...

— Вчетвером?! — в ужасе перебила его Анна. — Лиза! Где Лиза?

Сергей посмотрел на нее так, что Анна ахнула и закрыла рот ладонями.

— Нет никакой Лизы, — подал голос заместитель Филин. — Ее помним только мы трое. В базах академии никогда не было такой студентки.

Некоторое время Анна сидела молча, пытаясь справиться с потрясением. Лизы не было. Ее просто стерло из их мира — светловолосая студентка, которую Анна учила краситься, с которой делила комнату и готова была отправиться на любое приключение, осталась миражом. Сном, который ярк при пробуждении, но с каждым часом теряет краски, превращаясь в смутный отблеск, старую фотографию на стене, и уже не разберешь, кто на ней изображен.

— Она осталась с Лаверном, — поняла Анна. — Царь-Ворон хотел именно этого. Он специально все подстроил.

Несколько минут никто ничего не говорил: все пытались справиться с собственными чувствами. Негромко пикали медицинские аппараты за койками, в соседнем отсеке кто-то ходил, и на первой базе бурлила жизнь — та самая жизнь, в которой никогда больше не будет Лизы.

— Все хорошо, — вдруг сказала Анна. Чувство горькой радости вдруг затопило ее, и по щекам полились тихие слезы. Сергей спрыгнул с койки и обнял Анну, Филин помедлил и тоже подошел к ребятам.

— Все хорошо, — повторила Анна. — Войны не будет. Лаверн сделал выбор.

Не только Анна, Сергей и Филин ощутили давящее чувство потери чего-то важного.

Михайлина Ломинцевская, учительница поселковой школы, проснулась на рассвете и несколько минут сидела в кровати, думая о том, что ей приснилось. Потом она встала и быстрыми тихими шагами направилась в детскую — там, убедившись, что Егорушка и Андрюша спокойно спят, Михайлина поправила им одеяла и осторожно закрыла за собой дверь.

Потом она вышла во двор и долго стояла у ворот, глядя туда, куда пыльной красно-рыжей змейкой убегала дорога.

Михайлине приснилось, что у нее была дочь — светловолосая и упрямая девчонка по имени Лиза. Они с Павлом нашли ее, жертву мнемоников, на дне оврага: если выйти с фермы и пройти несколько километров на север, то там он и будет — распахнутая пасть земли. И во сне Михайлина любила эту Лизу — умную, цепкую, талантливую и смешную.

Сон закончился, а какое-то давящее чувство в груди осталось, словно Михайлина не хотела, чтобы приснившаяся ей дочь ушла навсегда.

Со стороны сада послышался негромкий кашель — Павел поднялся со скамейки и помахал жене.

— Не спится? — спросила Михайлина, садясь с ним рядом. Павел пожал плечами с таким видом, словно его застали за чем-то предосудительным.

— Да что-то сон приснился такой, тягостный, — признался он. — Вот пацаны у нас, а я всегда дочку хотел. Вот и приснилось, будто есть у нас дочка. Белобрысая такая, шустрая...

В миллионах километров от них, на первой базе звездного флота, в одной из комнат студенческого общежития горестно залаял и завыл щенок Комета. Анна подхватила его на руки, принялась гладить и успокаивать, и вскоре Комета утих и стал лизать ей руки.

Этим все и закончилось. Спустя неделю память о существовании Лизы окончательно иссякла, а через месяц первую базу покинула и магия. Жизнь студентов и преподавателей приняла самое обычное размеренное течение.

Вот и все.

— Неужели вот так все и закончилось? — спросила Лиза. — Нет, я, конечно, очень рада за Михайлину, и что все остались живы. Но...

— Пойдем отсюда, — без выражения промолвил Лаверн. — Тут грязно.

Он протянул Лизе руку, и они подались с пляжа, перешагивая через обломки лайнера. Где-то далеко-далеко, в другом мире, генерал вел допрос Сергея, который просто не мог знать, как активируется модуль — а здесь занимался ранний рассвет, и ветер с моря, соленый и еще прохладный, уносил запах гари. Мир будто бы рождался заново, и в нем еще ничего не было — ни горя, ни радости, ни страданий. Были только два человека, которые шли по пляжу.

— Это Царь-Ворон велел Сергею активировать ту штуку, да? — предположила Лиза. Лаверн пожал плечами. Лизе казалось, что сейчас он стал настоящим собой — не злокозненным хитрецом, который думает только о том, чтоб вернуть утраченное так давно, что и память об этом забылась, а волшебником, поэтом и создателем новых роз.

— Да, должно быть, — сказал Лаверн. — Кажется, я начинаю понимать, что он имел в виду. Вот он, новый мир.

Над морем поднималось солнце. Синева отступала, уползала до вечера. Мир медленно, но уверенно делался золотым, розовым и белым. Они ушли достаточно далеко, чтоб обломки лайнера, гарь и копоть пропали из поля зрения. Лиза откуда-то знала, что если она обернется, то уже не увидит их. Волны залечили и разгладили раны берега, новая зелень уже прорастает на месте старой.

Но она не оборачивалась.

Постепенно берег моря вывел их к небольшому лесу — не тропическому, самому обычному, уместному где-нибудь в средней полосе России — и Лаверн сел на поваленное старое дерево и блаженно вытянул ноги. Лиза устроилась рядом и промолвила:

— Наверно, мы все-таки умерли.

— Что за глупости, девчонка! — нахмурился Лаверн. — Я, конечно, знал, что ты говоришь, не думая, но такое...

Лиза пропустила его фразу мимо ушей.

— Послушай, — сказала она, — а почему Царь-Ворон все-таки истребил твой народ?

Лаверн горько усмехнулся.

— Хотел забрать себе исконные земли фейери, зачем же еще.

— Он говорил, — вспомнила Лиза, — что вы для него как тараканы. Вредители.

Лаверн равнодушно усмехнулся.

— Может быть. Но он во многом оказался прав. Зачем мне мое царство, если не будет больше других фейери, и я буду там один? Незачем.

Лиза дружески сжала его руку.

— Ты не один, — напомнила она. — Я с тобой.

Несколько минут они сидели молча, а затем Лиза собралась с силами и задала давно мучивший ее вопрос:

— Но почему он тогда просто не убил тебя? Ни в тот раз, ни сегодня?

— Не знаю, — произнес Лаверн слишком торопливо и тотчас же поспешил добавить: — Он прекрасно понимал, что я захочу отомстить и отвоевать свои земли. Этого нельзя было не понимать. Но он почему-то решил меня переделать и свел с тобой.

Солнце поднималось над лесом, и среди деревьев защебетали первые птицы. От травы пахло земляникой — сладко, горячо, пронизывающе. Должно быть, в этих местах целые земляничные поляны, и крупные красные ягоды скрываются под резными листками, ждут, когда их сорвут.

— И ты решил отказаться от войны, — сказала Лиза. Лаверн качнул головой, перегнулся через ствол дерева и сорвал тонкий земляничный стебелек — листья, три ягодки и один только что раскрывшийся цветок. Протянул Лизе, словно уловил ее желание отведать земляники.

— Я все равно ничего не верну, — устало проговорил Лаверн. — Я уже ничего не исправлю. Все было кончено давным-давно, а я так этого и не понял.

Ягоды в самом деле были сладкими, и, раскатывая их языком по небу, Лиза поняла, насколько проголодалась — поняла и обрадовалась. Значит, она жива, значит, еще ничего не закончилось. Какой же ты мертвый, если хочешь есть?

— Главное, что ты не один, — сказала Лиза, проглотив землянику. — А там посмотрим.

За лесом лежали зеленые холмы и луга. Лиза шла по тропинке, возникавшей перед ее ногами, и ей казалось, что новый мир рождается по ее воле. Стоит захотеть — и появятся озера и реки, фруктовые сады, бескрайние пшеничные поля, леса и степи, стоит захотеть — и будет жизнь, в которой найдется место только для хорошего.

Когда она поделилась этой мыслью с Лаверном, то фейери задумчиво произнес:

— Мне тоже это пришло в голову. И знаешь, что? Этот мир кажется мне смутно знакомым, словно я уже был здесь раньше.

Он остановился и указал вперед.

— Вон за тем холмом должен быть ручей. Я в этом уверен. Он всегда там был.

Лиза ободряюще улыбнулась, ловя себя на мысли, что вот такой Лаверн — открытый, добрый и свободный — нравится ей намного больше. Прежний язвительный и почти жестокий фейери постепенно исчезал, не оставляя следов.

— Пойдем посмотрим? — предложила она.

За холмом действительно был ручеек — маленький и шустрый, он бежал на восток, постепенно разливаясь и становясь шире и тише. Через ручей был переброшен небольшой, почти игрушечный мостик, а поодаль, в тени цветущей сирени, стояли деревянные скамейки.

— Мы тут не одни, — поняла Лиза. — Природа это одно, но мостик и скамейки — это уже другой разговор.

Лаверн усмехнулся.

— Конечно, девчонка. Мы тут не одни. Царь-Ворон позволил твоим друзьям убраться отсюда, но сам не ушел.

Лиза ожидала, что от упоминания Царя-Ворона ей станет как минимум страшно. Вспомнился клубок мрака, пронизанный каким-то первобытным ужасом, вспомнились распахнутые крылья, в которых расцветали все новые и новые картины войны и разрушения — но страх так и не появился.

Ей почему-то стало спокойно.

Напившись из ручья, они сели на скамейку, и Лиза, протянув руку к ветке сирени, оторвала один из цветков и сказала:

— Пять лепестков.

Лаверн вопросительно поднял бровь.

— И что? — спросил он. — А сколько надо?

— Надо четыре, — объяснила Лиза. — А если встречаешь пятилепестковый, то его надо съесть и загадать желание.

Лаверн добродушно улыбнулся.

— И какое у тебя желание? — спросил он. Лиза только плечами пожала.

— Я не знаю, — призналась она. — Честно, даже не знаю, что и сказать.

«Должно быть, попрощаться с друзьями?»

Лиза и Лаверн вздрогнули и посмотрели по сторонам. Знакомый голос Царя-Ворона заполнял их мир, но звучал не оглушающим ревом божества, а тихой и спокойной мелодией.

«Ты уже увидела, что все изменилось, — продолжал Царь-Ворон. — Они вернулись домой, и пусть тебя больше нет в их мире, они знают, что с тобой все хорошо».

Сиреневый лепесток вырвался из ладони Лизы и, сделав несколько кругов над травой, растворился в воздухе. Это было настолько просто и настолько удивительно, что у Лизы защемило в груди от горького томительного счастья.

«Теперь, когда зацветет сирень, все они будут вспоминать о тебе, — казалось, Царь-Ворон улыбается. — Вспоминать и знать, что все хорошо».

— Спасибо, — промолвила Лиза. Голос предательски дрогнул, и она повторила совсем тихо: — Спасибо...

Царь-Ворон рассмеялся.

«У них тоже все будет хорошо, можешь мне поверить. Этот трюк с модулем, который провернул Сергей, поможет ему перейти на учебу в Генеральный штаб академии звездного флота. А отец Анны не будет против их отношений, — Лизе почудилось, что Царь-Ворон улыбается. — Поженятся после третьего курса».

— Вот зачем ты их сюда притащил, — подал голос Лаверн. — Ловко придумано.

«Конечно, — откликнулся Царь-Ворон. — Мне нравится делать что-то в этом роде. Милые приятности в масштабе Вселенной».

Теперь Лиза окончательно убедилась, что эта пугающая сила все-таки была доброй. Потому что делать что-то хорошее даже для тех, кто не имеет для тебя большого значения — это все-таки иметь свет среди своей тьмы.

— А Филин? — торопливо спросила она.

«Он бросит пить, доработает учебный год и уедет на Клостонский рай, — снова рассмеялся Царь-Ворон. — Будет работать экскурсоводом и проживет спокойную и приятную жизнь».

Некоторое время все молчали, затем Лаверн вздохнул и спросил:

— Так зачем все это было? Почему ты не убил меня тогда, вместе со всеми? Ты ведь мог.

«Я тоже здесь, и везде, и всегда, — спокойно ответил Царь-Ворон. — И вижу намного дальше, чем ты можешь себе представить. Вы, фейеры, со временем уничтожили бы не только свой мир, но и все остальные миры. Я остановил вас, но сохранил одного — самого дерзкого, самого злого, который не прощал обид и умел ждать. И который больше всего на свете хотел вернуться домой».

Лиза поежилась. Да, когда они познакомились, Лаверн был именно таким. А потом он наткнулся на дерзкую попаданку, и коса нашла на камень.

Фейеры изменился.

«Я знал, что однажды должен буду уйти, — продолжал Царь-Ворон. — Такова моя суть, плыть сквозь пространство и время, открывая новые края и новый разум. Я знал, что покину твой мир, и не хотел бросать его на произвол судьбы».

Лаверн растерянно посмотрел на Лизу. Его лицо было настолько потрясенным, что Лиза перепугалась не на шутку.

— Там, за холмами, будут рощи, — проговорил он. Слова не слушались, вязли в горле, и Лаверну приходилось с усилием выталкивать их из себя. — А за ними — города и дороги, мосты и реки, леса и озера. А дальше, к северу, будут болота и клюква...

Он уронил голову на ладони, и его плечи задрожали.

Он был дома.

«Теперь ты стал тем, кто на самом деле может править, — мягко сказал Царь-Ворон. — Не капризным и самолюбивым, а настоящим владыкой. Вот и все, король фейеры. Прощай и правь долго».

Лиза не уловила, как ушел Царь-Ворон — она обнимала плачущего Лаверна, рыдала сама и в какой-то момент вдруг поняла, что мир внезапно утратил что-то очень важное. Но чувство утраты было недолгим — вскоре по траве и веткам сирени пробежал ветер, птицы защибетали с новыми силами, и пошел легкий быстрый дождь.

— Я дома, — проговорил Лаверн, и теперь в его голосе была только радость. Он вернулся домой, он заслужил это возвращение.

В сердце Лизы теперь не было ничего, кроме тихого счастья. Это ведь был и ее мир тоже — хороший, правильный мир. И, когда Лаверн обернулся к ней и с осторожной трепетностью поцеловал, Лиза поняла, что наконец-то вернулась домой.

Ее путешествие было закончено.

Потом они лежали в траве, обнявшись и глядя туда, где вечерние облака текли к закату — золотые и розовые, похожие на тонкое кружево. Вечер был теплым и тихим, и Лиза точно знала, что теперь все вечера, и ночи, и дни будут именно такими — наполненными теплом, любовью и страстью.

Так и должно было быть.

Так и было.

Потом лето угасло, сменившись теплой и сухой осенью, потом пошли дожди и, наконец, выпал первый снег. Стоя возле окна в просторной гостиной их с Лаверном дома, Лиза грела ладони о кружку с глинтвейном, смотрела, как сад украшается белыми снежными шелками, и вдруг вспомнила, как когда-то давным-давно стояла у окна в своей крошечной комнате и, словно замороженная, не могла оторвать глаз от снегопада. В тот год осень затянулась почти до конца декабря, и, когда наконец-то пошел снег, это было самым настоящим чудом. А потом был новый год, они с мамой наряжали елку — и это была их последняя елка вместе.

Лиза поняла, что больше не может быть счастливой.

Она так и сказала Лаверну, когда тот вернулся домой — он уходил в рощу, проверял, все ли хорошо у зайцев, недавно сменивших серые шубки. После того, как они обнаружили этот дом среди леса, Лаверн заявил, что наконец-то выбрал себе достойное занятие — следить за жизнью природы, направляя ее и украшая.

Лизе это нравилось.

— Помнишь, ты обещал, что однажды вернешь меня домой, — сказала она и, наконец-то отважившись взглянуть в глаза фейери, добавила: — Лаверн, я хочу вернуться. Нельзя унаследовать землю вот так, отрекаясь от себя.

Лаверн сел на ближайший стул и несколько долгих минут растерянно молчал, словно никак не мог взять в толк, что говорит Лиза, и почему это так важно для нее. Лиза опустила на пол рядом с фейери и взяла его за руки.

— Ты ведь такой же, как я, — проговорила она. — Ты ведь всегда хотел вернуться домой.

Лаверн помолчал еще немного, а потом в его глазах мелькнули лукавые медовые искры. Лиза вспомнила, как они лежали на траве в саду на первой базе и смотрели на облака.

— Ты ведь не забудешь меня, девчонка? — чуть ли не смеясь, поинтересовался фейери. — Ты ведь не влюбишься в какого-нибудь бойкого соседа?

— Никогда! — рассмеялась Лиза. — Ты ведь здесь, и везде, и всегда, ты все равно будешь рядом.

Лаверн встал со стула, поднял Лизу и, легонько стукнув по носу, сказал:

— Ну, будь по-твоему, звездная невеста. Мы встретимся совсем скоро.

В следующий миг все пришло в движение.

Сперва по кругу понеслась мебель: стулья били ножками, стол скакал, как заправский конь, картины выпрыгнули из рам и полетели куда-то, словно необычные птицы. Потом пришли в движение стены дома, и вскоре нельзя было понять, где дом, где сад, где снег — все смешалось в безумной круговерти, из которой порой выскакивали какие-то ветки, яблоки, встревоженные животные... Но нет, это были не животные и не яблоки — Лиза летела в водовороте звезд и сама была звездой, кометой, которая прорезала пространство и время, чтобы упасть.

Ей стало весело и жутко. Настолько жутко, что Лиза плотно зажмурилась, прижала голову к груди и просто стала ждать, когда полет прекратится.

Она ведь не могла лететь вечно.

Перед мысленным взглядом мелькнул Лаверн — он махал рукой на прощание. Лиза радостно подумала, что они встретятся совсем скоро, узнают друг друга, и вот тогда их общий мир действительно станет настоящим, а не сказкой и не сном. Они обязательно встретятся, и вот тогда...

Правая нога промокла.

Чертыхнувшись, Лиза вытащила ее из лужи. Ну и зачем ее понесло через эту рощу, где осенью грязищи по колено? Можно же было пройти через переулок — пусть на десять минут дольше, зато в школу бы пришла сухой и чистой.

Лямки рюкзака впивались в плечи.

Лиза растерянно посмотрела по сторонам. Она стояла на усеянной мокрыми листьями тропинке, ведущей к школе через осеннюю березовую рощу. За плечами болтался тощий рюкзак, прохладный ветер забирался под смешную дутую куртку идиотского розового цвета. Впереди в осеннем туманном сумраке приветливо горели огни школьных окон — сегодня было пять уроков, и Лизу ждала самостоятельная по математике, а в рюкзаке лежали две картонки с гербариями.

Лизе почудилось, что под ногами дрожит земля.

Она развернулась и бросилась бежать в сторону дома.

Миновав несколько улочек, Лиза выбежала к облетевшему сиреневому саду — дом нисколько не изменился, и угловое окно на втором этаже горело теплым золотым светом. Мама сегодня работала во вторую смену.

Лиза взлетела по темной лестнице на второй этаж и несколько минут стояла у знакомой двери, выравнивая дыхание. Она вернулась в себя, к себе, туда, куда уже и не надеялась попасть.

Ее путь был закончен.

Лиза опустила руку в карман и нащупала ключ. Щелкнул замок, дверь открылась, и Лиза вошла в знакомую прихожую. С кухни летел запах кофе, а из большой комнаты доносилось стрекотание швейной машинки и голос телеведущего: мать шила блузку и смотрела новости.

Не чувствуя рук, Лиза сняла сапоги и расстегнула куртку. В зеркале на стене отражалась испуганная десятилетняя девочка, и Лиза смотрела на себя и всем сердцем чувствовала, как утекают годы, пережитые ею в будущем. Все было впереди, и девочка в зеркале точно знала, что все будет хорошо.

Мама выглянула из комнаты и, увидев Лизу, удивленно спросила:

— Дочур, ты что? Забыла что-то?

И Лиза разревелась от счастья и, обняв растерянную маму, прошептала:

— Я вернулась, мам. Я вернулась.